
АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА
Альфред Бестер
ТИГР! ТИГР!

Тигр! Тигр!

Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. Тигр! Тигр!
Тигр! Тигр!
- Пролог
- Часть 1
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
- Часть II
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9

Человек, который убил Магомета
Ночная ваза с цветочным бордюром

Аннотация

В третьем сборнике серии «Американская фантастика» представлены роман «Тигр! Тигр!» и рассказы «Человек, который убил Магомета» и «Ночная ваза с цветочным бордюром» Альфреда Бестера.

Альфред Бестер
Тигр! Тигр!

АЛЬФРЕД БЕСТЕР

ТИГР! ТИГР!

НОЧНАЯ ВАЗА С ЦВЕТОЧНЫМ БОРДЮРОМ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ МАГОМЕТА

Алма-Ата 1992

Тигр! Тигр!

Перевод В. Баканова.

Пролог

То был Золотой Век, время накала страстей и приключений, бурной жизни и трудной смерти… но никто этого не замечал. То была пора разбоя и воровства, культуры и порока, столетие крайностей и извращений… но никто его не любил.

Все пригодные миры Солнечной системы уже были заселены. Три планеты, восемь спутников, одиннадцать миллиардов людей — сплелись в единый клубок самого захватывающего века в истории. И все же умы томились по иным временам, как всегда, как везде. Солнечная система бурлила жизнью… сражаясь, издыхая, пожирая все на своем пути, схватывая новые науки прежде, чем познавались старые, вырываясь к звездам, в глубокий космос, и все же…

— Где новые границы? — причитали романтики. А новая граница человеческого ума открылась на заре XXIV века в трагическом происшествии в лаборатории на Каллисто. Один исследователь по имени Джанте случайно устроил пожар и возопил о помощи, естественно, подумав в первую очередь об огнетушителе. И вдруг оказался рядом с ним, хотя баллончик находился в семидесяти

футах от лаборатории.

Телепортация… перемещение в пространстве усилием воли… давняя теоретическая концепция. Сотни ничем не подкрепленных утверждений о том, что подобное случалось раньше. И вот впервые это произошло на глазах у профессиональных наблюдателей.

Ученые набросились на Эффект Джанте яростно и безжалостно. Церемониться с таким потрясающим событием?! Да и сам Джанте горел желанием обессмертить свое имя. Он написал завещание и распрощался с друзьями. Джанте знал, что идет на смерть, так как его коллеги хотели убить его.

Двенадцать психологов, парапсихологов и нейрометристов собрались в качестве наблюдателей. Экспериментаторы поместили Джанте в прочнейший стеклянный сосуд. Открыли клапан, пуская воду в сосуд, затем сорвали запорный кран. Теперь было невозможно разбить стенки и выбраться наружу, как, впрочем, и остановить поток воды.

Теория предполагала: если угроза смерти заставила Джанте телепортировать в первый раз, ему надо устроить неминуемую гибель во второй. Сосуд быстро наполнялся. Ученые записывали свои наблюдения. Джанте начал захлебываться.

Затем он оказался снаружи, судорожно втягивая воздух и спазматически кашляя.

Его расспрашивали и исследовали, просвечивали рентгеновскими лучами, производили сложнейшие анализы. В обстановке секретности стали набирать добровольцев-самоубийц, находившихся на примитивной стадии. Другой шпоры, кроме смерти, не знали.

Добровольцев тщательно обучали. Сам Джанте читал им лекции о том, что и как он сделал. Потом их убивали: сжигали, топили, вешали. Изобретали новые формы медленной смерти.

Восемьдесят процентов испытуемых погибло. Многое можно было бы рассказать об их муках и агонии, но это не для нашей истории. Достаточно сказать, что восемьдесят процентов испытуемых погибло, а двадцать все-таки джантировало (имя сразу превратилось в глагол).

Знаний об этом явлении становилось все больше и больше. В первом десятилетии XXIV века были установлены принципы джантации и открыта первая школа — лично Чарлзом Фортом Джанте, в то время пятидесятисемилетним, бессмертным и стыдящимся признаться, что он больше никогда не осмелится джантировать. Но те примитивные дни ушли. Исчезла необ-

ходимость угрожать человеку смертью. Люди постигли, как распознавать, подчинять и использовать еще один резерв их неисчерпаемого мозга.

Джантировать способен всякий, если он в состоянии видеть, помнить, концентрировать свою волю. Надо только отчетливо представить себе место, куда собираешься себя телепортировать, и сконцентрировать латентную энергию мозга в единый импульс. Кроме всего, нужно иметь веру — веру, которую Чарлз Форт Джанте безвозвратно утратил. Малейшее сомнение блокирует способность телепортации.

Свойственные человеку недостатки неизбежно ограничивали джантацию. Некоторые могли блестяще представлять себе место назначения, но не обладали энергией, чтобы попасть туда. Другие в избытке имели энергию, но не видели, если можно так выразиться, куда джантировать. И последнее ограничение накладывало расстояние, ибо никто никогда не джантировал более чем на тысячу миль.

Вскоре стала обычной следующая анкета:

ИМЯ
МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

ДЖАНТ-КЛАСС
М (1000 миль)
Д (500 миль)
С (100 миль)
Л (50 миль)
Х (10 миль)
В (5 миль)

Несмотря на все усилия, ни один человек не джантировал в космос, хотя множество специалистов и идиотов пыталось это сделать. Гельмут Грант месяц запоминал координаты джант-площадки на Луне, представляя себе каждую милю двухсотсорокатысячемильной траектории от Таймс Сквер до Кеплер-Сити. Грант джантировал и бесследно исчез. Бесследно исчезли Энрико Дандридж, религиозный фанатик из Лос-Анджелеса, ищущий Рай, Яков Мария Френдлих, парапсихолог, вздумавший джантировать в метаизмерение, и сотни других — лунатиков, самоубийц любителей рекламы и сумасшедших.

Однако через два поколения вся солнечная система свободно джантировала. На трех планетах и восьми спутниках ломались социальные, правовые и экономические структуры. Произошла революция на транспорте, в домостроительстве.

Для предотвращения незаконного джантирования использовались лабиринты и маскирующие устройства. Один за другим пошли банкротства, падения, крахи и, наконец, людьми овладела паника, — разваливалась доджантная промышленность.

Свирепствовали эпидемии. Бродяги разносили заразу по беззащитным районам. Малярия, элефантиаз и лихорадка пришли на север. В Англии после трехсотлетнего отсутствия появилось бешенство. Из какой-то забытой дыры на Борнео выползла и распространилась проказа.

Волна преступности захлестнула планеты и спутники, когда «дно» всколыхнули новые возможности, открытые джантацией. Началось возвращение к худшему викторианскому ханжеству. Общество боролось с сексуальными и моральными угрозами джантации с помощью законов и табу. Безжалостная война разразилась между Внутренними Планетами — Венерой, Землей и Марсом — и Внешними Спутниками… война, порожденная экономическим и политическим бременем телепортации.

То был век чудовищ, выродков и гротеска. Весь мир разлетелся, как карточный домик, и дрожал на грани взрыва, который изменит человека и

сделает его хозяином вселенной.

На фоне этого бурлящего столетия и началась история мести Гулливера Фойла.

Часть 1
Глава 1

Сто семьдесят дней он умирал и все еще не был мертв. Он дрался за жизнь с яростью загнанного в ловушку зверя. В минуты просветления его примитивный мозг вырывался из бреда и принимал боль гниющего тела. Тогда он поднимал немое лицо к Вечности и бормотал:

— Что там, эй? Помоги, Целитель. Помоги, и все.

Богохульство давалось ему легко. Ругань была его языком всю жизнь. Он родился в сточной канаве двадцать четвертого века. Воспитывался «дном» и говорил только на жаргоне. Цеплялся за жизнь и молился, сквернословя. Иногда его заблудший мозг прыгал на тридцать лет назад и вспоминал свою детскую песенку:

Гулли Фойл меня зовут,
Если это имеет значение.
В глубоком космосе я живу,
И смерть — мое назначение.

Гулливер Фойл, помощник механика 3-го

класса, тридцатилетний, тупой и грубый, сто семьдесят дней дрейфовал в космосе. Гулливер Фойл — смазчик, уборщик, грузчик, слишком легкомысленный, чтобы почувствовать горе, слишком сонный, чтобы изведать радость, слишком пустой для дружбы, слишком ленивый для любви. Летаргические контуры его характера видны из архива Торгового Флота:

> **Фойл Гулливер**
> **Образование**… никакого.
> **Навыки**… никаких.
> **Достоинства**… никаких.
> **Рекомендации**… никаких.
> **Краткая характеристика**: физически сильный. Интеллектуальный потенциал подавлен отсутствием целей. Типичный Средний Человек. **Не рекомендуется для дальнейшего продвижения**.

Фойл застыл в мертвой точке. Тридцать лет он плыл по жизни, как некое бронированное чудовище, неповоротливое и безразличное, … Гулли Фойл, типичный Средний Человек. Но теперь он дрейфовал в космосе, и ключ к его пробуждению торчал уже в замке. Вот-вот он должен был повернуться и открыть дверь в катастрофу.

* * *

Разбитый космический корабль «Номад» замер на полпути между Марсом и Юпитером. Собственно, от него остался лишь искореженный скелет, замерзший и молчаливый. Поломанное и погнутое оборудование, обломки машин и аппаратуры зависли внутри непроходимыми джунглями, постепенно сближаясь друг с другом под действием силы взаимного притяжения.

Гулливер Фойл, единственный, кто остался в живых, занимал инструментальный шкаф на главной палубе — четыре фута в ширину, четыре фута в глубину и девять футов в высоту. Никаких других герметических помещений тут не сохранилось. Шкаф имел размеры большого гроба. Шестью столетиями раньше самой изощренной восточной пыткой считалось поместить человека в такую клетку на несколько недель. И все же Фойл существовал в этой погруженной во тьму клетке пять месяцев, двадцать дней и четыре часа.

* * *

— Кто ты?

— Гулли Фойл меня зовут.
— Где ты?
— В глубоком космосе я живу.
— Куда ты направляешься?
— Смерть — мое назначение.

На сто семьдесят первый день борьбы за свое существование Фойл ответил на эти вопросы и очнулся. Сердце его судорожно колотилось, горло пылало. Он схватился в темноте за резервуар с воздухом. Тот оказался пустым. Требовалось немедленно его заменить. Итак, день начнется с еще одной схватки со смертью. Это Фойл воспринял с немой покорностью.

Он пошарил на полках своего шкафа и нащупал рваный скафандр. Другого на борту «Номада» не было. Он заклеил дыру, а вот зарядить или заменить пустые кислородные баллоны на спине не смог. Воздуха в скафандре хватало на пять минут…

Фойл открыл дверь и ступил в черную стужу космоса. Вырвавшийся с ним влажный воздух превратился в крошечное снежное облако и поплыл по исковерканному коридору главной палубы. Фойл налег на пустой резервуар и вытолкнул его из камеры. Минута прошла.

Фойл повернулся в сторону грузового отсека.

Его движения были обманчиво медлительны. Он отталкивался от пола, стен, обходил скопления хлама… Влетел в люк. Прошло две минуты.

Как на всех космических кораблях, воздушные резервуары «Номада» располагались вдоль длинного киля, опутанные сетью труб. Еще минута на отсоединение. Фойл не знал, какой резервуар выбрал. Пуст он или полон выяснится только в камере. Раз в неделю он играл в космический покер.

В ушах зашумело. Воздух в скафандре быстро становился негодным для дыхания. Фойл толкнул массивный цилиндр к люку и кинулся вслед за ним. Прошло четыре минуты. Он провел резервуар по коридору главной палубы и открыл камеру.

Фойл захлопнул герметическую дверь. Нащупал на полке молоток. Трижды ударил по промерзшему цилиндру в надежде ослабить клапан, и с мрачной безысходностью повернул ручку. Из последних сил распахнул шлем, чтобы не задохнуться в скафандре, пока камера наполняется воздухом… если в резервуаре есть воздух. Он потерял сознание, как и много раз до того, возможно, навсегда.

— Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Где ты?

— В космосе.

— Куда направляешься?

Фойл пришел в себя. Он был жив.

Он не тратил время на благодарственные молитвы, а продолжал бороться за жизнь. Обшарил в темноте полки, где держал пищу. Там осталась всего пара пакетов. Так как он все равно в скафандре, можно еще раз выйти в космос и пополнить запасы.

Он снова выплыл на мороз и свет. Извиваясь, вновь прошел главную палубу: не более, чем крытый коридор в космосе. Наполовину сорванный люк висел на одной петле. Дверь в никуда, в чернильную пустоту и ледяные искрящиеся звезды.

Минуя люк, он увидел случайно свое отражение в полированном металле… Гулли Фойл, высокое черное создание, бородатое, покрытое коркой засохшей крови и грязи, изможденное, с большими терпеливыми глазами… Потревоженный хлам тянулся за ним, как хвост кометы.

На обратном пути, побросав пищевые пакеты, концентраты и кусок льда из взорвавшегося водяного бака в большой медный котел, Фойл остановился и снова взглянул на себя… И в недо-

умении застыл. Он смотрел на звезды, ставшие старыми знакомыми за пять месяцев. Среди них оказался самозванец. А потом Фойл понял, что смотрит на тормозящий космический корабль…

— Нет, — пробормотал он. — Нет.

Он постоянно страдал от галлюцинаций. Фойл повернулся и поплыл назад в свой гроб. Затем взглянул опять — все еще тормозящий космический корабль. Фойл поделился мыслями с Вечностью.

— Уже шесть месяцев, — произнес он на уличном арго. — Нет? Ты слушай меня, ты. Иду на спор. Смотрю еще, если корабль, я твой. Но если нет, паря… скафандр прочь, и с концами. Кишки наружу. Играем честно, и все тут.

Он посмотрел в третий раз и снова увидел тормозящий космический корабль.

Это знак. Он поверил: спасен.

Фойл встрепенулся и бросился, как мог, к контрольной рубке. У лестницы однако взял себя в руки. Оставшегося воздуха хватит на минуту. Кинул на приближающийся корабль молящий взгляд. Рванулся в инструментальный шкаф и заполнил скафандр.

Фойл поднялся на капитанский мостик. На пульте управления нажал кнопку «Световой

сигнал». Две томительные секунды он мучался. Потом его ослепили яркие вспышки, три тройные взрыва, девять молитв о помощи. Он нажал на кнопку еще дважды, и еще дважды вспыхивали огни, и радиоактивные вещества в аварийных сигналах заполняли космос воем, который примет любой приемник, на любой волне.

Космический корабль выключил двигатели. Его заметили! Его спасут! Он переродился. Возликовал.

Фойл нырнул в свой шкаф и открыл скафандр. Из его глаз потекли слезы. Он стал собирать имущество… часы без циферблата, их он исправно заводил просто для того, чтобы слышать их тиканье. Яйцерезку, на нитях которой он наигрывал незамысловатые мелодии. Разводной ключ с деревянной ручкой. Ее он сжимал в моменты тоскливого одиночества… Шаря по полу в темноте, он дико захохотал над собой.

Фойл закрыл скафандр, помчался обратно на капитанский мостик и нажал кнопку «СВЕТ». Из кормы «Номада» ударил яркий белый луч.

— Иди, — хрипло молил Фойл. — Торопись, друг. Иди, иди, ко мне.

Полупризрачной грозной торпедой в конус света скользнул корабль, медленно и осторожно

приближаясь. У Фойла на миг сжалось сердце. Так осторожно маневрировал незнакомец, что его можно было принять за вражеский корабль с Внешних Спутников. Потом проплыла знаменитая красно-синяя эмблема, торговый знак могущественного клана Престейна, Престейна с Земли, всесильного, милостивого, щедрого. «Номад» тоже принадлежал Престейну. Фойл понял: к нему нисходит ангел с небес.

— Милый, — истово бормотал Фойл, — ангел, унеси меня домой.

Корабль поравнялся с Фойлом. Его иллюминаторы горели теплым дружеским светом. Отчетливо виднелись на корпусе название и регистрационный номер: «Ворга-Т.1339». В одну секунду корабль поравнялся, в другую — прошел дальше, в третью — исчез.

Друг отверг его. Ангел покинул.

Фойл прекратил пританцовывать и бормотать. И замер. Его лицо застыло. Прыгнув к пульту, он замолотил по кнопкам. Аварийные, посадочные, взлетные сигналы засверкали безумным соцветием красок… а «Ворга-Т» тем временем удалялся беззвучно и неумолимо, вновь набирая скорость.

Так, в течение пяти секунд Фойл родился, жил и умер. После тридцати лет существования и

шести месяцев пытки Гулли Фойл, типичный Средний Человек, исчез. Ключ повернулся в замке его души и открыл дверь. То, что появилось, перечеркнуло Среднего Человека навсегда.

— Ты прошел мимо, — с холодной яростью проговорил он. — Ты бросил меня гнить, как паршивого пса. Ты бросил меня подыхать, Ворга… Ворга-Т.1339. Нет. Так просто не уйдешь, нет. Я выйду. Найду тебя, Ворга. Я убью тебя, Ворга. Отплачу тебе, ты, Ворга. Сгною. Убью. Убью. Я убью тебя насмерть, Ворга.

Кипящая кислота ненависти опалила его плоть, завладела его душой, выела скотское долготерпение и безразличие, сделавшие ничтожеством, и возбудила цепь реакций, которые превратят Гулли Фойла в адскую машину. Он был одержим.

— Ворга, я убью тебя насмерть.

Фойл сделал то, на что неспособно ничтожество — освободился. Два дня в пятиминутных вылазках прочесывал он обломки корабля. Потом хитроумным способом укрепил на плечах резервуар с воздухом и импровизированным шлангом соединил его со шлемом. Извивался по коридорам как муравей, тащащий соломину, но обрел свободу передвижений. Он думал.

Он научился пользоваться немногими уце-

левшими навигационными приборами, до дыр зачитав паспорта и руководства, разбросанные по контрольной рубке. За десять лет космической службы ему и в голову не приходила такая мысль, несмотря на обещанные продвижение и деньги, зато теперь его ждал «Ворга».

«Номад» дрейфовал по эклиптической орбите в трехстах миллионах миль от солнца. Перед ним расстилались созвездия Персея, Андромеды и Рыбы. Прямо впереди завис пыльный оранжевый диск Юпитера, ясно видимый невооруженным глазом.

Юпитер не был, не мог быть обитаем. Подобно прочим планетам за поясом астероидов, он представлял собой колоссальный замерзший шар метана и аммиака. А четыре самых больших его спутника захлебывались городами и людьми — теперь воюющими с Внутренними Планетами. Он станет военнопленным, но сохранит жизнь, чтобы свести счеты с «Воргой-Т.1339».

Фойл осмотрел ходовой отсек «Номада». В баках еще сохранилось топливо. Один из четырех хвостовых двигателей был работоспособен.

Фойл восстановил систему подачи топлива в камеру сгорания. Баки находились на солнечной стороне корпуса, и температура держалась выше

точки замерзания. Но в невесомости топливо не польется по трубам.

Фойл перерыл судовую библиотеку и узнал кое-что о гравитации. Если заставить корабль вращаться, центробежная сила погонит топливо в камеру сгорания уцелевшего двигателя. Если воспламенить топливо в камере сгорания уцелевшего двигателя, несбалансированный импульс придаст «Номаду» вращательный момент.

Но воспламенить топливо, пока корабль не вращается, нельзя, как нельзя и раскрутить корабль, не воспламенив сперва топливо.

Он нашел выход из тупика. Его вдохновил «Ворга». Фойл открыл дренаж и торопливо наполнил камеру вручную. Залил насос. Теперь, если воспламенить горючее, оно создаст достаточный импульс, чтобы сыграла свою роль центробежная сила.

Он попробовал спички.

Спички не горят в вакууме.

Попробовал сталь и кремень.

Искры не поджигают при абсолютном нуле космоса.

Подумал о нитях накала.

На борту «Номада» не было электричества, чтобы накалить эти нити.

Он перерыл книги и справочники. Часто теряя сознание и находясь на грани полного изнеможения, Фойл думал и действовал. «Ворга» пробудил его гений.

Фойл принес лед из взорвавшихся резервуаров. Растопил его и ввел воду в камеру сгорания двигателя. Вода и топливо не смешивались. Вода покрыла топливо тонким слоем.

В химической лаборатории Фойл отыскал серебристую проволочку из чистого натрия и просунул ее через открытый краник топливопровода. Коснувшись воды, натрий жарко вспыхнул. От тепла занялось горючее. Кормовая дюза выплюнула пламя, с беззвучной вибрацией сотрясая корабль.

Несбалансированный импульс придал «Номаду» вращательное движение. Появился слабый вес. А центробежная сила продолжала гнать топливо в камеру сгорания.

Фойл не тратил время на ликование. Он покинул ходовой отсек и заспешил в контрольную рубку, чтобы кинуть последний, решающий взгляд. Сейчас будет ясно, обречен ли корабль на вечное бессмысленное кувыркание в глубинах космоса или лег на курс к Юпитеру и спасению.

Резервуар с воздухом превратился в почти

непосильную тяжесть. Резкий толчок ускорения швырнул всю массу плавающих обломков назад, на поднявшегося на капитанский мостик Фойла. Его подмяло, понесло, покатило по всему длинному пустому коридору и кинуло в переборку. Фойл лежал, пригвожденный полутонной обломков, беспомощный, едва живой, пылающий жаждой мести.

— *Кто ты?*

— *Где ты?*

— *Куда направляешься?*

Глава 2

Между Марсом и Юпитером раскинулся широкий пояс Астероидов. Из тысяч известных и неизвестных, именованных и безымянных, остановимся на одном — крошечной планете, собранной ее обитателями из естественного камня и обломков кораблекрушений.

Они были дикарями, ее обитатели, единственными дикарями XXIV века. Потомки участников научной экспедиции, затерянной и полоненной в поясе астероидов двести лет назад, ко времени, когда их нашли, наладили свою жизнь, построили свою культуру и предпочли остаться в космосе,

собирая хлам и прибегая к варварским обрядам, выглядевшим карикатурами на научные методы, которые применяли их предки. Они называли себя Ученым Людом. Мир быстро забыл их.

Космический корабль «Номад» падал, кувыркаясь, в бездну. Он проходил в миле от астероида и Ученый Люд схватил его, чтобы присоединить к своей планете. Они и нашли Фойла.

Раз он очнулся, когда его торжествующе несли на носилках по естественным и искусственным проходам внутри астероида, сооруженного из камней и металлических обшивок. На некоторых из них еще не стерлись имена, давно забытые историей космоплавания: «Королева; Земля», «Пустынник; Марс», «Три кольца; Сатурн». Проходы вели в залы, хранилища, кладовые и дома, тоже сделанные из подобранных кораблей, вцементированных в астероид.

Фойла пронесли через древнее ганимедское суденышко, лассильский ледокол, тяжелый крейсер с Каллисто, старый транспортник со стеклянными баками, еще заполненными дымчатым ракетным топливом… Рой собранных за два столетия останков: арсеналы, библиотеки, музеи одежды, склады механизмов, инструментов, еды, химикалиев и суррогатов.

Толпа вокруг носилок победно гудела: «Достат кол!» — кричала она. Женские голоса восторженно завыли:

Бромистый аммоний… 1,5 г.

Бромистый калий… 3 г.

Бромистый натрий… 2 г.

Лимонная кислота… Достат кол.

— Достат кол! — орал Ученый Люд. — Достат кол!

Фойл потерял сознание.

Потом вновь очнулся. Его извлекли из скафандра в оранжерее, занимавшей огромный старый рудовоз. Одна стена была полностью застеклена. Круглые иллюминаторы, квадратные иллюминаторы, алмазные, гексагональные… Любой формы и материала. Казалось, что стену сотворил безумный ткач из лоскутков стекла и света.

Сверкало далекое солнце. Воздух был горяч и влажен. Фойл обвел помещение затуманенным взглядом. Прямо перед ним скалилась дьявольская рожа. Щеки, подбородок, нос и веки были чудовищно размалеваны наподобие дикарской маски. На лбу виднелась татуировка: ДЖОЗЕФ. «О» в «Джозефе» перечеркивала крошечная стрела, превращая его в символ Марса, который используют ученые для обозначения мужского

пола.

— Мы — Ученый Люд, — сказал Джозеф. — Я — Джозеф. Это мои братья.

Фойл вглядывался в обступившую носилки толпу: на всех лицах вытатуированы дьявольские маски, у всех лбы заклеймены именами.

— Сколько тебя носило? — спросил Джозеф.

— Ворга, — прохрипел Фойл.

— Ты первый, кто явился сюда живым за последние пятьдесят лет. Ты могучий человек. Прибытие сильнейших — доктрина Святого Дарвина. В высшей степени научно.

— Достат кол! — взревела толпа.

Джозеф схватил Фойла за локоть подобно врачу, меряющему пульс. Его судорожно искривленный рот торжественно сосчитал до девяноста восьми.

— Твой пульс. Девяносто восемь и шесть, — объявил Джозеф, извлекая термометр и благоговейно выставляя его на показ. — В высшей степени научно.

— Достат кол! — подхватил хор.

Перед Фойлом появились три девушки с чудовищно разукрашенными лицами. Их лбы пересекали имена: Джоан, Мойра, Полли. В основании «О» каждого имени имелся крошечный крест.

— Выбирай! — велел Джозеф. — Ученый Люд следует Естественному Отбору. Будь научным в своем выборе. Будь генетичным.

Фойл в очередной раз потерял сознание. Его рука упала с носилок и коснулась Мойры.

— Достат кол!

Он пришел в себя в круглом зале и увидел груду ржавого оборудования: центрифугу, операционный стол, поломанный рентгеновский аппарат, автоклавы, покореженные хирургические инструменты. Фойла, бредящего и что-то бессвязно выкрикивающего, привязали к операционному столу. Его накормили, вымыли и побрили. Двое мужчин раскрутили вручную древнюю центрифугу. Она ритмично лязгала, напоминая бой военного барабана. Собравшиеся, притоптывая, затянули песню.

Они включили старый автоклав. Тот закипел и забурлил, выплевывая шипящий пар. Включили рентгеновский аппарат. Ослепительные молнии короткого замыкания с треском раскололи наполненный горячим паром зал.

Из обжигающего белого тумана вынырнула трехметровая фигура и замаячила перед столом. Это оказался Джозеф на ходулях — в хирургической шапочке, маске и халате.

— Нарекаю тебя Номадом! — провозгласил он. Рев стал оглушительным. Джозеф перевернул над телом Фойла ржавую канистру. Запахло эфиром. Фойл утратил последние крохи сознания. Все поглотила тьма. Снова и снова медленно вплывал «Ворга-Т.1339», обжигая плоть, испепеляя кровь. Фойл беззвучно кричал.

Он смутно осознавал, как его мыли и кормили, плясали вокруг него и пели. Через некоторое время Фойл очнулся окончательно. Стояла тишина. Он лежал в постели. Та девушка — Мойра — лежала рядом с ним.

— Ты… кто? — прохрипел Фойл.

— Твоя жена, Номад.

— Что?

— Твоя жена. Ты выбрал меня, Номад. Мы гаметы.

— Что?

— Научно спарены, — гордо объяснила Мойра.

Фойл с трудом встал на ноги.

— Где мы?

— Дома.

— В чьем доме?

— В твоем. Ты один из нас. Номад. Ты должен жениться каждый месяц и зачать много детей. Это будет научно. Но я первая.

Фойл не слушал ее. Он находился в главной рубке маленькой ракеты постройки 2300-х годов… некогда личной яхты. Рубку переделали в спальню. С телом астероида ракету соединяли переходы. В двух крошечных каютах выращивались растения, обеспечивающие свежий воздух. Моторный отсек превратили в кухню. Ракетное топливо питало горелки на маленькой плите.

Фойл отсоединил топливопровод от плиты и вновь направил горючее в камеры сгорания. За ним хвостом ходила Мойра, с любопытством наблюдая за его действиями.

— Что ты делаешь, Номад?

— Мне нужно выбраться, — пробормотал Фойл. — Мне нужно назад. Дело с Воргой. Понимаешь, да, ты? Нужно назад и все.

Мойра испуганно попятилась. Фойл увидел выражение ее глаз и прыгнул. Он был так слаб, что она легко увернулась, потом открыла рот и испустила пронзительный крик. В этот момент кабину наполнил грохот. Джозеф и его братия колотили снаружи по корпусу, исполняя научный концерт для новобрачных.

Фойл загнал Мойру в угол, сорвал ночную рубашку и связал свою нареченную, засунув ей в рот кляп. Она визжала изо всех сил, однако науч-

ный концерт заглушал все остальные звуки.

Фойл наскоро подлатал моторный отсек; он стал уже специалистом. Потом схватил извивающуюся девушку и выволок ее в шлюзовую камеру.

— Ухожу, — прокричал он на ухо Мойре. — Взлет. Прямо из астероида. Может быть, сдохнем. Все разлетится. Нет больше воздуха. Нет больше астероида. Предупреди их. Скажи.

Он вышвырнул Мойру, захлопнул и задраил люк. Концерт сразу прекратился.

На пульте управления Фойл включил зажигание. Автоматически взревела взлетная сирена, зазвучавшая впервые за многие десятилетия. Фойл ждал, пока повысится температура в камере сгорания. Ждал и страдал. Ракета была вцементирована в астероид. Ее окружали камни и металл. Ее дюзы упирались в корпус другого корабля. Фойл не знал, что случится, когда заработают двигатели. Его толкал на риск «Ворга».

Из кормы вырвалась первая порция раскаленных газов. Раздался гулкий взрыв. Корпус задрожал, нагрелся. Пронзительно заскрипела сталь. Затем ракета со скрежетом пошла вперед. Камень, стекло, железо разлетелись в разные стороны. Корабль вырвался в открытый космос.

Его подобрали около Марса. Как обезглавленный червяк, Фойл извивался в старой космической рухляди, окровавленный, загноившийся, гангренозный. Его поместили в лазарет патрульного крейсера и закрыли к нему доступ. Даже резиновые желудки закоренелых космических бродяг не могли вынести подобное зрелище.

По пути к Земле Фойл обрел сознание и бормотал слова, начинающиеся на «В». Он знал, что спасен и теперь только время стоит между ним и мщением.

Санитар услышал его ликование и заглянул за перегородку. Он не мог сдержать любопытства.

— Ты слышишь меня? — прошептал тот.

Фойл замычал. Он наклонился ниже.

— Что случилось? Кто это с тобой сделал?

— Что? — прохрипел Фойл.

— Ты не знаешь?

— Что? Что такое, ты?

— Подожди.

Санитар исчез, джантировав в подсобное помещение. И появился через пять секунд. Фойл зашевелился. Его глаза пылали.

— Я вспоминаю… Не мог джантировать на «Номаде», нет. Забыл все. Забыл. Не помню. Я…

Он в ужасе отпрянул, когда санитар протянул

ему изображение чудовищно изуродованного татуировкой лица, а также африканской маски. Щеки, подбородок, нос, веки были разрисованы тигриными полосами. На лбу надпись НОМАД. Фойл широко раскрыл глаза и страшно закричал. Это изображение было зеркалом. Лицо — его собственным.

Глава 3

— Браво, мистер Харрис! Отлично. Р — В — О, джентльмены. Не забывайте. Расположение. Высота. Окружение. Это единственный способ запомнить джант-координаты. Не джантируйте пока, мистер Питерс. Подождите своей очереди. Наберитесь терпения, будете джантировать по классу С. Никто не видел мистера Фойла? Куда он запропастился? *Вечный путешественник. За ним не уследишь.* О, боже, опять я думаю открыто… или я говорила, джентльмены?

— Половина наполовину, мэм.

— Право же, это нечестно. Односторонняя телепатия — ужасное неудобство. Поверьте, я вовсе не специально бомбардирую вас своими мыслями.

— У вас приятные мысли, мэм.

— *Как это мило с вашей стороны, мистер Гор-*

гас. Ну, хорошо, класс. Все возвращаемся в школу и начинаем сначала.

Робин Уэднесбери проводила практические занятия по джантации с «церебральным» классом — потеря памяти вследствие контузии. И это доставляло ее подопечным не меньше радости, чем детишкам. Они повторяли правила джантации на перекрестках Нью-Йорка, хором выводя: — Р — В — О, мадам. Расположение. Высота. Окружение.

Робин была высокой привлекательной негритянкой, умной и блестяще образованной. Правда, ей сильно мешал один недостаток: односторонняя телепатия. Она передавала свои мысли всему свету, но ничего не могла принимать. Однако несмотря на взбалмошный характер и горячий темперамент, Робин Уэднесбери считалась методичным и внимательным инструктором джантации.

Класс пришел в школу, целиком занимавшую дом на 42-й улице, из Объединенного Военного Госпиталя. Они проследовали к необъятной по размерам джант-площадке на Таймс-Сквер и старательно ее запомнили. Потом все джантировали в школу и обратно на Таймс-Сквер. Затем гуськом прошли к Башне Колумба и запомнили ее коорди-

наты. Джантировали в школу через Таймс-Сквер и вернулись тем же путем на Площадь Колумба.

Робин восстанавливала в памяти своих учеников (утративших способность к джантации) основные пункты, самые крупные общественные джант-площадки. Позже они будут запоминать новые и новые места. Побывают ли они там, трудно сказать, думала она. Это зависит не только от их способностей, но и от доходов. Ибо, чтобы запомнить место, надо побывать там и, стало быть, заплатить за дорогу. Такие круизы все больше становились привилегией сильных мира сего.

— Расположение. Высота. Окружение, — нараспев повторяла Робин Уэднесбери, и класс джантировал от Вашингтонских Высот до Гудзоновского Моста полумильными шагами.

Маленький сержант-техник со стальным черепом внезапно заметил:

— Так ведь высоты нет, мэм. На земле, мы.

— *Мы на земле, сержант Логан*. Простите. Наставления легко входят в привычку, а я сегодня никак не могу совладать со своими мыслями. Такие тревожные военные новости… Мы займемся Высотой, когда станем запоминать площадки на небоскребах, сержант Логан. — Робин обернулась. — Не тушуйтесь, Харрис, смелее. Колебания

рождают сомнения. Сомнение же означает конец джантации. Сосредоточьтесь и прыгайте.

— Я порой побаиваюсь, мэм, — сказал человек с туго забинтованной головой. — А вдруг там уже есть кто-нибудь, и я прямо в него?

— Ну, я же объясняла много раз. Каждая площадка рассчитана на нагрузку в часы пик. Вот почему личные джант-площадки такие маленькие, а площадка на Таймс-Сквер в две сотни метров шириной. Там вероятность столкновения меньше, чем шанс попасть на улице под машину.

Пока перебинтованный собирался духом, площадка внезапно ожила потоком прибывающих и отбывающих людей. Фигуры на миг появлялись, оглядывались, ориентируя себя и устанавливая новые координаты, и исчезали. При каждом исчезновении раздавался слабый хлопок, когда воздух заполнял место, только что занятое телом.

— Внимание, класс, — предупредила Робин. — Пожалуйста, сойдите с площадки.

Рабочие в теплой тяжелой одежде, еще осыпанной снегом, направлялись на юг к своим домам после смены в северных лесах. Белохалатники с молокозавода спешили в Сен-Луис. Из Грен-

ландии, где уже полдень, ринулись на обед в Нью-Йорк толпы накрахмаленных служащих.

Наплыв кончился так же неожиданно, как и начался.

— Так, класс, продолжим, — сказала Робин. — О, господи, ну, где же мистер Фойл?! Он вечно пропадает!

— С таким лицом, как у него, нельзя его винить, мэм.

— Он выглядит кошмарно, не правда ли, сержант Логан? Неужели нельзя как-то вывести эти отметины?

— Они пытаются, мисс Робин, но ни один док пока не может здесь ничем помочь. Называется «татуировка».

— А где же ему ее сделали?

— Бог знает, мисс Робин. Он у нас, потому что без памяти. Мозги напрочь отшибло. Может оно и лучше, с таким лицом-то.

— Ужасно. Сержант Логан. Не могла ли у меня случайно сорваться мысль и задеть чувства мистера Фойла?

Маленький человек со стальным черепом задумался.

— Нет, мэм, вряд ли. Вашими мыслями и мухи не обидеть. А у Фойла чего задевать. Тупое бревно,

он, Фойл.

— Мне нужно быть осторожнее, сержант Логан. Понимаете, вряд ли кому нравится знать, что о нем думает ближний. *А мои мысли порой понятны, и меня ненавидят. Я одинока. Я… Пожалуйста, не слушайте. Не могу справиться…* Ага, вот и вы, мистер Фойл! Где вы пропадали?

Фойл возник на джант-площадке и тихо ступил в сторону. Плечи сгорблены. Ужасное лицо опущено вниз.

— Практиковался — пробормотал он. Робин подавила отвращение и, подойдя к нему, ласково взяла за руку.

— Вам следует больше бывать с нами. Мы же друзья. Не уединяйтесь.

Фойл упорно не смотрел ей в глаза. Когда он угрюмо высвободил руку, Робин заметила: вся его госпитальная одежда была насквозь промокшей.

Он попал где-то под дождь. Но я слышала сводку погоды. Везде до Сен-Луиса сухо. Значит, он джантировал дальше. Как же так, ведь он не в состоянии… потерял память и способность к джантации… Он симулирует…

Фойл яростно рванулся к ней.

— Заткнись, ты! — Его кошмарное лицо судорожно исказилось.

— *Значит вы симулируете.*

— Чего ты еще знаешь?

— *Что вы дурак. Прекратите сцену.*

— Они слышат тебя?

— Не знаю. Пустите меня. — Робин повернулась в сторону. — Хорошо, класс. На сегодня достаточно. Все назад в школу и на госпитальный автобус. Первым джантирует сержант Логан. Помните: Р — В — О. Расположение. Высота. Окружение…

— Чего тебе надо, ты? — прорычал Фойл. — Денег?

— *Тише. Успокойтесь.* Не надо колебаться, Харрис. Джантируйте.

— Я хочу потолковать с тобой.

— Подождите своей очереди, мистер Питерс. Не спешите.

— Ты продашь меня в госпитале?

— *Конечно.*

— Я хочу потолковать с тобой.

— *Нет.*

— Я жду в твоей квартире.

— В моей квартире? — Робин была испугана.

— Грин Бэй, Висконсин.

— *Это абсурд. Мне не о чем говорить…*

— Ой ли, мисс Робин. О семье, например.

Фойл ухмыльнулся, почувствовав ее ужас.

— Вы не знаете, где я живу, — дрожащим голосом проговорила она.

— Я только что сказал, или нет?

— В-вы не можете джантировать так далеко. Вы…

— Нет? — Маска скривилась в усмешке, — Сама говорила, что я симу… то слово. Это так. Ну, давай, ты.

Робин Уэднесбери жила в большом доме, одиноко стоящем на берегу залива. Казалось, волшебник выхватил его из центра города и перенес прямо в хвойный лес. Такие здания не были редкостью в джантирующем мире.

Квартира состояла из четырех комнат, тщательно изолированных, чтобы защитить соседей от непрошеных мыслей Робин. Квартира была битком набита книгами, картинами, пластинками… спутниками эмоциональной и одинокой жизни несчастного человека.

Робин джантировала в гостиную на несколько секунд позже Фойла, ждавшего ее со свирепым нетерпением.

— Теперь ты знаешь точно, — сразу начал он и яростно, до боли сжал ее запястье. — Но ты никому не скажешь обо мне, мисс Робин. Никому.

— Отпустите меня! — Робин ударила его по

лицу. — *Чудовище! Скотина! Не смейте касаться меня!*

Пораженный на миг силой ее отвращения, Фойл шагнул назад.

— Итак, вы симулировали. Вы ничего не забыли… Но почему? Почему? Чего вы хотите?

Выражение одержимого коварства появилось на кошмарном лице.

— Я затаился в госпитале. Моя база, да? Я кое-что делаю, мисс Робин. Есть должок, обязан отплатить. Должен знать, где один корабль. Сгною. «Ворга». Я убью тебя, «Ворга». Я убью тебя!

Он замолчал. В его глазах сверкало дикое торжество. Робин попятилась.

— Ради бога, о чем вы?

— «Ворга». «Ворга-Т.1339». Я нашел, я, пока вы там учились скакать по перекресткам. «Ворга» в Ванкувере. Собственность Престейна из Престейнов. Слыхали, мисс Робин? Престейн — самый большой человек на Земле, и все. Но он не остановит меня. Я убью «Воргу». И ты не остановишь меня, мисс Робин. — Фойл качнулся к ней, вплотную придвинул лицо. — Потому что я прикрываю себя. Я прикрываю все слабые места. У меня есть кое-что на каждого, кто может стать на пути к «Ворге»… включая и тебя, мисс Робин.

— Нет.

— Да. Я узнал, где ты живешь. Там, в госпитале, знают. Я был здесь и прочитал твой дневник, мисс Робин. У тебя семья на Каллисто — мать и две сестры.

— Ради бога!

— Когда началась война, таким как ты дали месяц, чтобы убраться из внутренних планет домой. Оставшиеся по закону стали шпионами. Ты на крючке, девочка. — Фойл разжал руку. — Ты у меня вот где, девочка. — Он сжал руку в кулак.

— Моя мать и сестры полтора года пытались покинуть Каллисто. Наше место на Земле. Мы…

— Вот здесь, девочка, — повторил Фойл. — Ты знаешь, как поступают со шпионами? Из них выколачивают сведения. Они выпотрошат тебя. Разрежут на части, кусок за куском…

Робин закричала. Фойл сжал ее трясущиеся плечи.

— Ты у меня в руках, девочка, и все. Ты не можешь дать убежать, потому что стоит мне сказать пару слов в Разведке, и где ты тогда? Никто меня не остановит, ни госпиталь, ни даже Святой Всемогущий Престейн из Престейнов.

— Убирайся, ты, грязная, мерзкая… тварь! Убирайся!

— Не нравится мое лицо, мисс Робин? И здесь ты ничего не сделаешь.

Внезапно он схватил ее и бросил на диван.

— Ничего… — хрипло повторил он.

* * *

Преданный принципу показной расточительности, на котором основано все общество, Престейн из Престейнов держал в своем колоссальном особняке в Центральном Парке лифты, внутренние телефоны и другие экономящие труд приспособления, исчезнувшие за ненадобностью с появлением джантации. Его многочисленные слуги покорно ходили из комнаты в комнату, открывая и закрывая двери и взбираясь по лестницам.

Престейн из Престейнов встал, оделся с помощью камердинера и парикмахера, спустился на лифте вниз и позавтракал. Его обслуживали дворецкий, лакей и официанты. После чего он прошел в свой кабинет. Когда средства связи отжили свой век; когда вместо того, чтобы звонить или слать телеграммы гораздо проще джантировать прямо на место и обсудить вопросы лично, Престейн сохранил телефонный узел с личным оператором.

— Свяжите меня с Дагенхемом, — приказал он.

«Курьеры Дагенхема Inc.» была богатейшей и могущественнейшей организацией дипломированных джантеров, выполняющая любые общественные или конфиденциальные поручения. Плата — 1 Кр за милю. Дагенхем гарантировал: его курьер обойдет вокруг света за восемьдесят минут.

Через минуту после звонка на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился курьер Дагенхема. Он показал удостоверение и его провели через противоджантный лабиринт. Как всякий член организации Дагенхема, он был джантером М-класса, способным телепортироваться на тысячу миль за раз, знающим координаты десятков тысяч джант-площадок. Считался блестящим специалистом обмана и уловок, экспертом по лести и крючкотворству, вымуштрованным до едкой эффективности и язвительной прямоты, свойственных «Курьерам Дагенхема» и отражавших безжалостность их основателя.

— Престейн? — спросил он, не тратя время на церемонии.

— Я желаю нанять Дагенхема.

— К вашим услугам.

— Не вас. Лично Саула Дагенхема.

— Мистер Дагенхем не оказывает услуг менее чем за 100.000 кредиток.

— Даю в пять раз больше.

— Решено. Дело?

— ПирЕ.

— По буквам, пожалуйста.

— Вам название ничего не говорит?

— Нет.

— Отлично. Дагенхему скажет. П-заглавное-И-Р-Е-заглавное. Передайте Дагенхему: мы узнали, где ПирЕ. Его задача достать ПирЕ… любой ценой… через человека по имени Фойл. Гулливер Фойл.

Курьер достал крошечную серебряную жемчужину — мемеограф, надиктовал инструкции Престейна и удалился без лишних слов. Престейн повернулся к оператору.

— Соедините меня с Регисом Шеффилдом.

Через десять минут после звонка в нотариальную контору Региса Шеффилда на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился молодой клерк.

— Извините за промедление, — слегка поклонился он, пройдя через лабиринт и представ перед Престейном. — Мы получили ваш вызов в Чикаго, а у меня всего лишь класс Д.

— Ваш шеф ведет дело в Чикаго?

— В Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне. Он весь день джантирует из суда в суд.

— Я хочу нанять его.

— Это большая честь, Престейн, но мистер Шеффилд крайне занят.

— Он не может быть слишком занят для ПирЕ.

— Простите сэр, я не совсем…

— Нет, вы совсем, Шеффилд поймет. Скажите ему просто: ПирЕ. И назовите сумму гонорара.

— А именно?

— Полмиллиона.

— Какого рода действия требуются от мистера Шеффилда?

— Необходимо подготовить все законные средства похищения человека и основания не выдавать его армии, военному флоту и полиции.

— Ясно. Имя человека?

— Гулливер Фойл.

Клерк повторил указания в мемеограф, кивнул и удалился. Престейн вышел из кабинета и по плюшевым ступеням спустился на половину дочери.

В домах верхушки женщины жили в комнатах без окон и дверей, в комнатах, открытых лишь для джантирования членов семей. Так блюли

мораль и охраняли целомудрие. К сожалению, Оливия Престейн была слепа и не могла джантировать. В ее апартаменты вели двери, которые оберегали вассалы в клановых ливреях.

Оливия Престейн была альбиноской. Ее волосы были похожи на белый шелк, кожа — белый сатин; ее ногти, губы, глаза были коралловыми. Она блистала красотой. Отличалась от других девушек и тем, что видела только в инфракрасном свете, с семи с половиной тысяч ангстрем до миллиметровых волн. Видела тепловые и радиоволны, электромагнитные поля.

Оливия Престейн вела Гранд Леви — утренний прием в своей гостиной. Девушка восседала на парчовом троне под охраной дуэньи, управляя двором, непринужденно беседуя с десятками мужчин и женщин, заполнявших салон. Дочь Престейна казалась изысканной статуей из мрамора и коралла, сверкая смотрящими, но незрячими глазами.

Гостиная представлялась ей пульсирующим клубком тепловых излучений — от горячих вспышек до прохладных теней. Она видела слепящие магнитные рисунки часов, огней и телефонов. Распознавала людей по характерным тепловым узорам их лиц и тел. Видела электромагнитный

ореол вокруг каждой головы и пробивающееся сквозь тепловой фон тела сверкание вечноизменяющегося нервного и мышечного тонуса.

Престейн не обращал внимания на свиту артистов, музыкантов и хлыщей, с удовольствием отметив присутствие именитостей. Сирс-Робука, Жиллета, юного Сиднея Кодака, который однажды станет Кодаком из Кодаков, Бьюика из Бьюиков и Р. Мэси XVI, главу могущественного клана Сакс-Гимбелей.

Престейн засвидетельствовал почтение дочери, покинул дом и в запряженной четверкой карете направился в свою деловую штаб-квартиру, на Уолл Стрит 99. Кучер и грум носили ливреи с красно-черно-синей эмблемой дома Престейнов. Черное «П» на ало-голубом поле считалось одним из самых древних и благородных знаков в социальном регистре, соперничая с «57» клана Гейнца и «РР» династии Роллс-Ройсов.

Нью-Йоркские джантеры хорошо знали главу клана Престейнов. Седой, красивый, мужественный, безупречно одетый, с несколько старомодными манерами Престейн из Престейнов был воплощением социальной элиты. Он стоял так высоко, что нанимал кучеров, грумов, конюхов и лошадей для исполнения функций, которые

простые смертные осуществляли джантацией.

По мере подъема по социальной лестнице люди в те дни обозначали свое положение отказом от джантации. Многообещающий бизнесмен разъезжал в маленьком спортивном автомобиле. Видного деятеля возили на каком-нибудь древнем бентли или кадиллаке. Руководитель большой коммерческой группы седлал дорогой велосипед. Его прямой наследник пользовался яхтой или самолетом. Престейн из Престейнов, глава клана Престейнов, владел каретами, машинами, яхтами, самолетами и поездами. Он стоял в обществе на такой высоте, что не джантировал уже сорок лет. И презирал выскочек и нуворишей, подобных Дагенхему и Шеффилду, которые все еще бесстыдно джантировали.

Престейн вошел в дом 99 по Уолл Стрит, в свою святая святых, Храм Престейна, охраняемый его знаменитой джант-стражей в клановых ливреях. Он шествовал подобно грозному вождю среди покорных рабов. Был величественнее вождя, в чем на горьком опыте убедился докучливый государственный чиновник, дожидавшийся аудиенции. Несчастный пробился сквозь толпу просителей навстречу Престейну, когда тот проходил по коридору.

— Мистер Престейн, я из Департамента внутренних сборов. Мне необходимо повидаться с вами…

Престейн смерил его ледяным взглядом.

— Существуют тысячи Престейнов, — надменно произнес он. — Ко всем обращаются «мистер». Но я — Престейн из Престейнов, глава дома и клана, первый в семье. И ко мне обращаются «Престейн». Не «мистер» Престейн, а Престейн.

Повернулся и вошел в кабинет. Хор служащих приветствовал его невнятным «Доброе утро, Престейн».

Престейн кивнул, улыбнулся улыбкой василиска. Сел за необъятный стол и знаком велел докладывать. Он презирал мемеографы и прочие механические вспомогательные устройства.

— Состояние предприятий Клана Престейн. Средний курс по Нью-Йорку, Парижу, Цейлону…

Престейн раздражительно махнул рукой.

— Необходимо посвятить нового мистера Престо, Престейн.

Престейн сдержал нетерпение и прошел через утомительную процедуру приведения к присяге 497-го мистера Престо, которые в престейновской иерархии управляли магазинами розничной продажи. До недавних пор этот человек имел

свои собственные лицо и тело. Теперь, после десяти лет осторожной проверки и тщательных испытаний, его причислили к лику Престо.

В результате шести месяцев хирургии и психообработки он стал совершенно неотличим от остальных 496 мистеров Престо и идеализированного портрета, висящего за троном Престейна…

Добрый, честный человек, напоминающий Авраама Линкольна, человек, которого нужно любить, которому можно доверять. В каком бы уголке света вы что-либо ни покупали, вы оказывались в одном и том же магазине Престейна и имели дело с отечески заботливым мистером Престо. С ним соперничали — но не могли его превзойти — мистер Квик клана Кодаков и дядюшка Монти Монтгомери.

По завершении обряда Престейн резко поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. В кабинете остались лишь высшие чины иерархии. Престейн мерил комнату шагами, с трудом подавляя бурлящее нетерпение. Он никогда не ругался, но его выдержка наводила больший ужас, чем брань.

— Фойл, — сдавленно проговорил он. — Подонок. Шваль. И я — Престейн из Престейнов. Но этот человек стоит между мной и…

— Извините, Престейн. Сейчас одиннадцать часов по западному времени, восемь по атлантическому…

— И что?

— Я хочу напомнить: в девять состоится церемония запуска. С ванкуверских стапелей сходит корабль, престейновская «Принцесса». Установление трехмерного контакта со стапелями займет некоторое время, так что нам лучше…

— Я буду присутствовать лично.

— Лично! — поперхнулся советник. — Но мы не можем за час долететь до Ванкувера, Престейн. Мы…

— Я джантирую! — рявкнул Престейн из Престейнов. Таково было его возбуждение.

Его ошеломленный штат начал готовиться. По всем концам страны помчались гонцы, расчищая частные площадки. Престейна отвели к площадке его нью-йоркской Цитадели. Она представляла собой округлую платформу в закрытой наглухо комнате без окон. Маскировка и предосторожности были необходимы для предотвращения непрошенных визитов, чтобы невозможно было узнать и запомнить джант-координаты. В тех же целях все дома и конторы имели запутанные лабиринты у дверей.

Для джантации нужно (среди прочих вещей) знать точно, где находишься и куда направляешься, иначе у вас нет шансов попасть куда-либо живым. Нельзя джантировать из неопределенной точки, точно так же, как нельзя прибыть в неизвестный пункт. Подобно стрельбе из пистолета, надо знать, куда целиться и за какой конец держать оружие. Единого взгляда через окно или дверь может быть достаточно для опытного человека, чтобы запомнить РВО координаты.

Перешагивая по сто миль, Престейн пересек континент и прибыл к ванкуверским стапелям ровно в девять часов по атлантическому времени. Он покинул Нью-Йорк в одиннадцать и выиграл два часа. Такие вещи были тоже обычным явлением в джантирующем мире. Почтительно выждав секунду, рядом появился его штат.

Квадратная миля неогороженного бетона (какая изгородь может остановить джантера) выглядела белой скатертью, на которой концентрическими окружностями выложены черные монеты. Однако при внимательном рассмотрении монеты оказывались тридцатиметровыми провалами шахт, уходящих вглубь земли. Каждую такую пасть окружали здания, конторы, контрольные пункты, хранилища.

Это были взлетно-посадочные колодцы, сухие доки строительных стапелей. Космические корабли, как и морские суда, не в состоянии самостоятельно противостоять оковам тяготения. Земная тяжесть расколет корабль, словно пустую скорлупку. Корабли строились в глубоких колодцах, на специальных подпорках, поддерживаемые антигравитационными экранами. Из таких же колодцев они взлетали, взбираясь по антигравитационному лучу. И в них же садились.

Когда свита Престейна ступила на ванкуверские стапели, часть колодцев была занята. Из некоторых поднимались носы или корпуса кораблей, окруженные группками рабочих. В центре находились три транспорта класса «В»: «Вега», «Весталка» и «Ворга». Вокруг них суетились люди, вспыхивали огни ремонтной сварки.

У бетонного здания с надписью «ВХОД» свита Престейна остановилась перед светящимся предупреждением: «Входя на территорию без разрешения, вы подвергаете свою жизнь опасности». Всем вручили значки посетителей. И даже Престейн из Престейнов покорно приколол его к костюму, зная, чем может закончиться вторжение без защитного значка. Свита двинулась дальше, пока не достигла шахты 0–3, украшенной

цветами Престейна. Рядом находилась трибуна.

Заиграл, засверкал медью оркестр. Одна нота обезумела и полезла все выше и громче, пока не перекрыла весь оркестр и изумленные восклицания. Тогда Престейн понял: ревет сирена.

На территорию проник посторонний, человек без значка сотрудника или посетителя. Сквозь оглушающий рев еле доносились хлопки воздуха. Это джантирующая охрана занимала свои места по необъятному полю. Личная джант-стража Престейна быстро сомкнулась вокруг него.

Над бетоном разнесся усиленный мощными динамиками голос.

— На территории посторонний. На территории посторонний. Направляется к шахте Е-9.

— Кто это сюда ворвался! — вскричал советник.

— Я догадываюсь, — спокойно произнес Престейн.

— Видимо, он здесь чужой, раз не джантирует.

— Я догадываюсь и об этом.

— Посторонний приближается к шахте Д-5. Д-5. Внимание.

— О, господи, что ему надо?! — забеспокоился советник.

— Вам известны мои правила, сэр, — холодно

отчеканил Престейн. — Ни один служащий не может всуе произносить Святое Имя. Вы забываетесь.

— Ц-5. Внимание. Посторонний приближается к шахте Ц-5.

Советник тронул Престейна за рукав.

— Он идет сюда, Престейн. Укройтесь.

— Нет.

— Престейн, на вас уже трижды покушались. Если…

— Как мне подняться наверх?

— Престейн!

— Помогите мне.

С помощью отчаянно протестующего советника Престейн взошел на трибуну, чтобы наблюдать, как поведет себя клан в борьбе с опасностью. К центру событий с дальних концов стягивалась охрана.

— Посторонний двигается к Б-3.

Престейн посмотрел на шахту. Рядом с ней возникла фигура бегущего человека — высокого мужчины в голубом больничном халате, с копной всклокоченных черных волос и искаженным мертвенно-бледным лицом. Его одежда дымилась, нагретая защитным индуктивным полем. У шеи, локтей и коленей плясали огни пламени.

— Внимание. Б-3. Внимание. Б-3. Охрана, завершить окружение.

Раздались крики и отдаленные выстрелы. На чужака бросилось с полдюжины рабочих в белом. Он раскидал их, как кегли, и рванулся к шахте, откуда торчал нос «Ворги». Его одежда пылала. Неожиданно нарушитель остановился, сунул руку в горящую куртку и вытащил черный предмет. Конвульсивным движением корчащегося в смертных муках зверя зубами он вырвал какую-то деталь и высоко швырнул предмет в сторону «Ворги». В следующий миг его сбили с ног.

— Взрывчатка. Внимание. Всем укрыться. Взрывчатка.

— Престейн! — взвыл советник.

Престейн стряхнул его и взглядом следил, как летит к «Ворге», кувыркаясь и блестя на солнце, черная бомба. На краю шахты ее подхватил антигравитационный луч и бросил наверх гигантским незримым пальцем. Все выше, выше... Потом ослепительно полыхнуло, и через мгновение титанический взрыв заложил уши.

Престейн спустился с трибуны, подошел к пульту и коснулся пусковой кнопки «Принцессы».

— Доставьте мне этого человека, если он жив, — бросил он советнику. И нажал кнопку. — Нарекаю

тебя… «Сила Престейна»! — ликующе крикнул он.

Глава 4

Звездный Зал Храма Престейна обит металлическими панелями и украшен высокими зеркалами. В нем находились золотой орган и робот-органист, библиотека с библиотекарем-андроидом на шаткой лесенке, письменный стол с секретаршей-андроидом за механическим пишущим устройством и американский бар с роботом-барменом. Престейн предпочитал слуглюдей, хотя андроиды и роботы лучше хранили тайну.

— Садитесь, капитан Йовил, — вежливо предложил он. — Мистер Шеффилд, представляющий сейчас мои интересы. Молодой человек — его помощник.

— Банни — моя походная библиотека, — засмеялся Шеффилд.

Престейн дотронулся до кнопки. В Звездном Зале пробудилась механическая жизнь. Органист играл. Библиотекарь разбирал книги. Секретарша печатала. Бармен изящно кидал из руки в руку шейкер. Это было эффектное зрелище.

Его действие, тщательно рассчитанное психологами, давало Престейну преимущество над посетителями.

— Вы говорили о человеке по имени Фойл, — подсказал Престейн.

Капитан Йанг-Йовил из Центральной Разведки Вооруженных Сил Внутренних Планет состоял членом наводящего ужас Общества Бумажных Человечков, был адептом тзеньцинских Хамелеонов, Мастером Суеверий, свободно владел Секретной Речью. Сейчас он колебался, прекрасно осознавая действующее против него психологическое давление. Капитан изучал бесстрастное аскетичное лицо Престейна. Упрямое агрессивное выражение Шеффилда. Прилежную маску молодого человека по имени Банни, кроличьи черты которого выдавали восточное происхождение. Йанг-Йовил старался восстановить контроль над положением или хотя бы ответить на удар ударом.

Он начал обходной маневр.

— Не связаны ли мы случайно родственными узами в пределах пятнадцати колен? — спросил он Банни на мандаринском диалекте. — Я принадлежу к дому ученого Менг-Тзе, прозванного варварами Менцием.

— Тогда мы кровные враги, — запинаясь, ответил Банни. — Моею великого предка, правителя Шантунга, свергли в 342 г. до н. э. земляной свиньей Менг-Тзе.

— С любовью и благоговением я брею ваши кривые брови, — сказал Йанг-Йовил.

— Со смиренным почтением я подпаляю ваши обломанные зубы, — смеясь, ответил Банни.

— Господа, господа! — запротестовал Престейн.

— Мы возобновляем трехтысячелетнюю вражду, — объяснил Йанг-Йовил Престейну, раздраженному непонятным разговором и смехом. Капитан попробовал нанести прямой удар.

— Когда вы закончите с Фойлом?

— С каким Фойлом? — вмешался Шеффилд.

— А какой у вас Фойл?

— С кланом Престейна связаны тринадцать человек, носящих это имя.

— Любопытное число. Вам известно, что я Мастер Суеверий? Когда-нибудь я открою вам тайну Зеркала-и-Слуха… Я имею в виду Фойла, связанного с утренним покушением на мистера Престейна.

— На Престейна, — поправил Престейн. — Я не «мистер». Я Престейн из Престейнов.

— На жизнь Престейна совершено три покуше-

ния, — Чеканил Шеффилд. — Вам следует быть более точным.

Капитан попробовал другой ход.

— Хотел бы я, чтобы наш мистер Престо был более точным.

— **Ваш** мистер Престо!.. — воскликнул Престейн.

— Разве вы не знали: один из пятисот ваших Престо — наш агент? Странно. Мы были уверены, что вам все известно, и предприняли соответствующие меры.

Престейн был потрясен. Йанг-Йовил положил ногу на ногу и доверительно произнес:

— Разведка часто страдает от чрезмерных ухищрений и предосторожностей.

— Это провокация! — не выдержал Престейн. — Никто из наших Престо не мог знать о Гулливере Фойле.

— Спасибо, — улыбнулся Йанг-Йовил. — Вот этот Фойл мне и нужен. Когда мы сможем его забрать?

Шеффилд бросил злой взгляд на Престейна и повернулся к Йанг-Йовилу. — Кто это «мы»? — поинтересовался он.

— Центральная Разведка.

— Это гражданское дело, касающееся част-

ных лиц, и поскольку оно не связано с военным сырьем, кадровым персоналом, тактикой или стратегией, оно не входит в сферу вашей компетенции.

— Согласно 191-ой поправке, — пробормотал Банни.

— «Номад» нес стратегическое сырье.

— «Номад» перевозил в Банк Марса платиновые слитки, — рявкнул Престейн. — Если деньги…

— Разговор веду я! — оборвал Шеффилд и резко повернулся к Йанг-Йовилу. — Назовите стратегическое сырье.

Прямой вызов ошеломил Йанг-Йовила. Свистопляска вокруг «Номада» возникла из-за наличия на борту 20 фунтов ПирЕ, мирового запаса вещества, невосполнимого после гибели его создателя. Оба это знали, но Йовил предполагал, что адвокат предпочтет не упоминать ПирЕ.

Он решил ответить на откровенность откровенностью.

— Хорошо, джентльмены, я назову. «Номад» нес 20 фунтов ПирЕ.

Престейн приподнялся с кресла. Шеффилд яростным взглядом осадил его.

— Что такое ПирЕ?

— По нашим данным…

— Полученным от мистера Престо?

— О, это ерунда, — засмеялся Йанг-Йовил и тут же перехватил инициативу. — По данным разведки ПирЕ разработан для Престейна. Изобретатель его исчез. Пирофор. Это все, что мы знаем точно. Но до нас доходят странные слухи… Невероятные доклады от надежных агентов… Если хотя бы часть наших догадок верна, ПирЕ может решить исход войны.

— Чепуха. Никакой военный материал не может в ней иметь решающего значения.

— Нет? А антигравы 2022 года? А универсальный Экран 2194? Любой стратегический материал имеет решающее значение, особенно если враг доберется до него первым.

— Сейчас такого шанса не существует.

— Благодарю Вас за признание важности ПирЕ.

— Я ничего не признаю. Я все отрицаю.

— Центральная Разведка готова предложить вам обмен. Человека за человека. Изобретателя ПирЕ за Гулли Фойла.

— Он у вас? — потребовал Шеффилд. — В таком случае, зачем вам Фойл?

— У нас труп! — вспыхнул Йанг-Йовил. — Полгода вооруженные силы Внешних Спутников держали его на Ласселе и выбивали информацию.

Мы устроили рейд, который закончился почти поголовной смертью его участников. Спасли труп. И до сих пор не знаем, сколько они из него вытянули.

Престейн резко выпрямился.

— Черт подери, — бушевал Йанг-Йовил, — неужели вы не понимаете остроты положения Шеффилд? Мы все ходим по проволоке. Какого дьявола вы поддерживаете Престейна в этом грязном деле? Вы руководитель Либеральной партии… сверхпатриот. Главный политический враг Престейна. Продайте его, глупец, пока он не продал всех нас!

— Капитан Йовил, — ядовито вставил Престейн, — я не могу одобрить ваши выражения.

— Нам отчаянно нужен ПирЕ, — продолжал Йанг-Йовил. — Мы исследуем эти двадцать фунтов, научимся его синтезировать, применять в военных действиях… пока нас не опередили ВС. Но Престейн отказывается помогать. Почему? Потому что находится в оппозиции к правящей партии. Он не хочет никаких побед для либералов. Ради своей политики он предпочел бы наше поражение, потому что богачи типа Престейна никогда не проигрывают. Придите в себя, Шеффилд. Вас нанял предатель. Подумайте, что вы

собираетесь сделать!

В этот момент раздался стук, и в Звездный зал вошел Саул Дагенхем. Было время, когда Дагенхем, чародей от науки, сверкал среди физиков первой величины колоссальной памятью, изумительной интуицией и мозгом изощренней вычислительной машины шестого поколения. Но произошла катастрофа, ядерный взрыв. Он не убил его, но сделал радиоактивным, «горячим», если можно так сказать, ходячей чумой.

Правительство Внутренних Планет ежегодно выплачивало ему 25 тысяч кредиток для обеспечения защитных мер. Дагенхем не мог общаться с человеком более пяти минут, не мог занимать никакое помещение, включая собственное, более тридцати минут в сутки. Изолированный от жизни и любви, он бросил свои исследования и создал колосс «Курьер Инк».

Когда бледный труп со свинцовой кожей появился в Звездном Зале, Йанг-Йовил понял неминуемость поражения. Он не мог соперничать одновременно с тремя соперниками. Он встал.

— Переговоры закончены. Я беру ордер на Фойла.

— Капитан Йовил уходит, — обратился Престейн к офицеру джант-стражи, приведшему

Дагенхема. — Проводите его через лабиринт.

Йанг-Йовил поклонился, а когда офицер двинулся вперед, посмотрел прямо на Престейна, иронично улыбнулся и исчез со слабым хлопком.

— Престейн! — воскликнул Банни. — Он джантировал! Координаты этой комнаты не тайна для него! Он…

— Очевидно, — ледяным тоном отрезал Престейн. — Офицер, сообщите начальнику стражи. Звездный Зал немедленно перевести в другое место. Теперь, мистер Дагенхем…

— Подождите, — сказал Дагенхем. — Надо заняться ордером.

И без извинения или объяснения, он исчез. Престейн поднял бровь.

— Еще один, — пробормотал он. — Но у этого, по крайней мере, хватило такта хранить свою пирортацию до конца.

Вновь показался Дагенхем.

— Не имеет смысла тратить время на лабиринт, — успокоил он присутствующих. — Я принял меры. Йовила задержат — два часа гарантировано, три часа вероятно, четыре возможно.

— Как? — поразился Банни.

Дагенхем холодно улыбнулся.

— Мне пора.

— Что с Фойлом? — спросил Престейн.

— Пока ничего. — На лице Дагенхема снова появилась страшная улыбка.

— Он действительно уникален. Я перепробовал все обычные методы и наркотики… Ничего. Снаружи — всего лишь заурядный космонавт… если не татуировка… но внутри… из стали. Что-то завладело всеми его помыслами, всем существом и не отпускает.

— Что же? — спросил Шеффилд.

— Надеюсь узнать.

— Как?

— Не спрашивайте, станете соучастниками. Корабль наготове?

Престейн кивнул.

— Ждите. Фойл долго не выдержит.

— Где вы его держите?

Дагенхем покачал головой.

— Это помещение ненадежно.

Дагенхем джантировал по курсу Цинцинна-ти-Нью-Орлеан-Монтеррей-Мехико и появился в психиатрическом крыле гигантского госпиталя Объединенных Земных Университетов. Крыло — едва ли подходящее название для целого города в маленькой стране госпиталя. Дагенхем появился

на сорок третьем этаже терапевтического отделения, где в изолированном баке плавал без сознания Гулливер Фойл. Рядом стоял солидный бородатый мужчина в халате.

— Привет, Фриц.

— Привет, Саул.

— Хороша картинка — главврач обхаживает для меня пациента.

— Мы у тебя в долгу, Саул.

— Хватит об этом, Фриц. Я не облучу тебе госпиталь?

— Здесь свинцовые стены.

— Готов к работе?

— Хотел бы я знать, за чем ты охотишься.

— За информацией.

— И собираешься для этого превратить терапевтическое отделение в камеру инквизиции? Почему бы не использовать наркотики?

— Все испробовано. Бесполезно. Он не обычный человек.

— Это запрещено, ты же знаешь.

— Передумал? За четверть миллиона я могу продублировать твое оборудование.

— Нет, Саул. Мы всегда будем у тебя в долгу.

— Тогда начнем с Театра Кошмаров.

Театр Кошмаров появился на свет в результате

ранних попыток лечения шизофрении методом шока с целью заставить больного вернуться к реальности, превратив его воображаемый мир в пытку. Связанные с ним эмоциональные перегрузки пациента были очень жестокими.

Проекторы очистили от пыли и подготовили к работе. Фойла достали из бака, сделали ему стимулирующий укол и оставили на полу. Бак удалили. Выключили свет.

Каждый ребенок на свете считает, будто его воображаемый мир уникален. Психиатрам же известно: радости и ужасы личных фантазий — общее наследство всего человечества. Терапевтическое отделение Объединенного Госпиталя записало эмоции на тысячи километров пленки и создало всеобъемлющий сплав ужаса в Театре Кошмаров.

Фойл очнулся в холодном поту, так и не поняв, что он вышел из небытия. Его сжимали в клещах, кидали в пропасть, жарили на костре. С него содрали кожу и кислотой выжигали внутренности. Он закричал, побежал, но вязкое болото обхватило его ноги. Какофонию скрежета, визга, стонов, угроз, терзавшую его слух, перекрывал настойчивый голос.

— Где «Номад», где «Номад», где «Номад», где

«Номад»?

— «Ворга», — хрипел Фойл. — «Ворга».

Его защищало собственное сумасшествие, и это придавало ему дополнительные силы.

— Где «Номад»? Где ты оставил «Номад»? Что случилось с «Номадом»? Где «Номад»?

— «Ворга» — не сдавался Фойл. — «Ворга». «Ворга». «Ворга».

В контрольном помещении Дагенхем выругался. Главврач, управляющий проекторами, взглянул на часы.

— Минута сорок пять, Саул. Ему, пожалуй, больше не выдержать.

— Его надо расколоть. Выжимай все до конца!

Фойла хоронили заживо, медленно, неумолимо, безжалостно. Его засасывала глубина. Вонючая слизь обволакивала со всех сторон, отрезая от света и воздуха. Он мучительно долго задыхался, а вдали гремел голос:

— ГДЕ «НОМАД»? ГДЕ ТЫ ОСТАВИЛ «НОМАД»? ТЫ МОЖЕШЬ СПАСТИСЬ, ЕСЛИ НАЙДЕШЬ «НОМАД». ГДЕ «НОМАД»?

Но Фойл был на борту «Номада» в своем гробу, без света и воздуха. Он свернулся в зародышевый комок и приготовился спать. Он был доволен. Он выживет. Он найдет «Воргу».

— Толстокожая свинья! — выругался Дагенхем. — Кто-нибудь раньше выдерживал Театр Кошмаров, Фриц?

— Нет. Ты прав. Это поразительный человек, Саул.

— Мы должны из него вытянуть… Ну, хорошо, к черту с этой штукой. Попробуем Мегалан. Актеры готовы?

— Все готово.

— Начнем.

Мания величия может развиваться в шести направлениях. Мегалан является драматической попыткой диагностики конкретного течения мегаломании.

Фойл проснулся в громадной постели. Он находился в роскошной спальне, сплошь в парче и бархате. Фойл удивленно огляделся. Мягкий солнечный свет падал через решетчатые окна. В дальнем углу застыл лакей, поправляя сложенную одежду.

— Эй… — промычал Фойл.

Лакей повернулся.

— Доброе утро, мистер Фойл.

— Что?

— Прекрасное утро, сэр. Я приготовил вам бежевую саржу и легкие кожаные туфли.

— В чем дело, эй, ты?

— Я?... — Лакей удивленно посмотрел на Фойла. — Вы чем-то недовольны, мистер Формайл?

— Как ты меня зовешь, паря?

— По имени, сэр.

— Мое имя... Формайл? — Фойл приподнялся на локтях. — Нет, мое имя Фойл. Гулли Фойл. Так меня зовут.

Лакей прикусил губу.

— Простите, сэр.

Он вышел. Через минуту в комнату вбежала прелестная девушка в белом. Она села на край постели. Взяла Фойла за руки и заглянула ему в глаза. Ее лицо выражало страдание.

— Милый, милый, милый, — прошептала она, — пожалуйста, не надо начинать все сначала. Доктор клянется, что ты пошел на поправку.

— Что начинать?

— Всю эту чепуху про Гулливера Фойла, будто бы ты простой...

— Я Гулли Фойл. Мое имя — Гулли Фойл.

— Любимый, нет. Это болезнь. Ты, наверное, чересчур много работал.

— Я Гулли Фойл всю мою жизнь.

— Дорогой, тебе так кажется. На самом же деле ты Джеффри Формайл. Ты... о, к чему это я расска-

зываю? Одевайся, любовь моя. Тебя ждут внизу.

Фойл позволил лакею одеть себя и, как в тумане, спустился по лестнице.

Прелестная девушка, очевидно обожавшая его, повсюду шла за ним. Они пересекли колоссальную студию, заставленную мольбертами и незаконченными картинами, миновали зал со шкафами, столами, посыльными и секретаршами и вошли в громадную лабораторию с высокими потолками, загроможденную стеклом и хромом. Там колыхалось и шипело пламя горелок, бурлили и пенились разноцветные жидкости, пахло странными химикалиями. По всему чувствовалось: здесь проводятся необычные эксперименты.

— Что все это значит? — поинтересовался Фойл.

Девушка усадила его в плюшевое кресло у необъятного стола, заваленного бумагами. На некоторых из них красовалась оставленная небрежным взмахом пера внушительная подпись: Джеффри Формайл.

— Все свихнулись, все… — забормотал Фойл.

Девушка остановила его.

— Вот доктор Реган. Он объяснит.

Импозантный джентльмен со спокойными

уверенными манерами приблизился к Фойлу, пощупал пульс, осмотрел глаза и удовлетворенно хмыкнул.

— Прекрасно. — констатировал он. — Превосходно. Вы близки к полному выздоровлению, мистер Формайл. Можете уделить мне одну минуту?

Фойл кивнул.

— Вы ничего не помните. Случается — перетрудились, к чему скрывать — чрезмерно увлеклись спиртным и не выдержали нагрузок. Вы утратили связь с реальностью.

— Я…

— Вы убедили себя в собственном ничтожестве — инфантильная попытка уйти от ответственности. Вбили себе в голову, будто вы простой космонавт по имени Фойл. — Гулливер Фойл, верно? Со странным номером…

— Гулли Фойл. АС 128/127.006. Но это действительно я! Про…

— Это не вы. Вот вы. — Доктор Реган махнул рукой в сторону необычных помещений, виднеющихся через прозрачную перегородку. — Обрести настоящую память, всю эту великолепную реальность можно лишь избавившись от фальшивой. — Доктор Реган подался вперед, сверкнув

стеклами очков. — Восстановите детально вашу старую память, и я уничтожу ее без следа. Где, по-вашему, вы оставили воображаемый корабль «Номад»? Как вам удалось спастись? Куда делся ваш воображаемый «Номад»?

Фойл заколебался.

— Мне кажется, я оставил «Номад»... — Он замолчал. Из блестящих очков доктора Регана на него уставилось дьявольское лицо... кошмарная тигриная маска с выжженной надписью «Номад» через перекошенные брови. Фойл вскочил.

— Врете! — взревел он. — Я Фойл!

В лабораторию вошел Саул Дагенхем.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Все свободны.

Кипучая жизнь в соседних комнатах прекратилась. Актеры исчезли быстро и тихо, не глядя в сторону Фойла. Дагенхем обратил к Фойлу свою смертельную улыбку.

— Ты крепкий орешек, не правда ли? Ты воистину уникален. Меня зовут Саул Дагенхем. У нас есть пять минут для разговора. Выйдем в сад.

Сад Успокоения на крыше Терапевтического Здания был венцом лечебного планирования. Каждая перспектива, каждый цвет, каждый контур умиротворяли страсти, гасили раздражение, смягчали злость, убирали истерию, наводили

меланхолию.

— Садись. — Дагенхем указал на скамейку рядом с кристально чистым бассейном, — Мне придется ходить вокруг тебя. Я облучен. Ты понимаешь, что это значит?

Фойл угрюмо мотнул головой. Дагенхем сорвал орхидею и обхватил ее ладонями. — Следи за цветком, увидишь.

Он прошелся перед скамейкой и неожиданно остановился.

— Ты прав, разумеется. Все, что с тобой случилось, — правда. Только… что с тобой случилось?

— Проваливай, — прорычал Фойл.

— Знаешь, Фойл, я восхищаюсь тобой.

— Проваливай.

— Надо признать, у тебя есть характер и изобретательность. Ты кроманьонец, Фойл. Бомба, брошенная на верфи Престейна, замечательна. Ты разграбил чуть ли ни весь Объединенный Госпиталь, добывая деньги и материалы. — Дагенхем стал считать по пальцам. — Обокрал слепую сиделку, очистил шкафчики, украл химикалии, украл приборы.

— Проваливай.

— Но откуда такая ненависть к Престейну? Зачем ты пытался взорвать его корабль? Чего

ты хотел?

— Проваливай.

Дагенхем улыбнулся.

— Если мы собираемся беседовать, тебе придется выдумать что-нибудь новое. Твои ответы становятся однообразными. Что произошло с «Номадом»?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Последнее сообщение с корабля пришло семь месяцев назад. Потом… Что ты делал все это время? Украшал лицо?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Нет, Фойл, так не пойдет. У тебя на лбу татуировка — «НОМАД». Свежая татуировка. Гулливер Фойл, АС 128/127.006, помощник механика, находился на борту «Номада». Разведку залихорадило от одного лишь факта, что ты возвращаешься на частной яхте, которую считали пропавшей более пятидесяти лет. Послушай, да ты просто напрашиваешься на неприятности. Знаешь, как в разведке выбивают ответы из людей?

Фойл выпрямился. Дагенхем кивнул, увидев: его слова попали в цель.

— Подумай хорошенько. Нам нужна правда,

Фойл. Я пытался выманить ее у тебя хитростью. Ничего не получилось, признаю. Теперь я предлагаю тебе честную сделку. Если пойдешь на нее, мы защитим тебя. Если нет, проведешь пять лет в застенках разведки или в ее лабораториях.

Фойла испугали не пытки, он боялся потерять свободу. Ему нужна свобода, чтобы набрать денег и снова найти «Воргу», чтобы убить «Воргу».

— Какую сделку? — спросил он.

— Скажи нам, что произошло с «Номадом», и где он сейчас?

— Зачем, ты, паря?

— Зачем? Спасти груз, ты, паря.

— Там нечего спасать. Чтоб за миллион миль да ради обломков?! Не крути, ты.

— Ну, хорошо, — сдался Дагенхем. — «Номад» нес груз, о котором ты не подозревал, — платиновые слитки. Престейн покрывал свой долг Банку Марса — двадцать миллионов кредиток.

— Двадцать миллионов… — прошептал Фойл.

— Плюс-минус пара тысяч. Тебя бы ждало вознаграждение. Ну, скажем, тридцать тысяч кредиток.

— Двадцать миллионов, — снова прошептал Фойл.

— Мы предполагаем, что с «Номадом» распра-

вился крейсер Внешних Спутников. Тем не менее они не поднимались на борт и не грабили, иначе тебя бы уже не было в живых. Значит в сейфе в каюте капитана… Ты слушаешь, Фойл?

Но Фойл не слушал. Перед его глазами стояли двадцать миллионов… не двадцать тысяч… двадцать миллионов в платиновых слитках, как сияющая дорога к «Ворге». Не надо больше никакого воровства. Двадцать миллионов. Этого вполне хватит стереть с лица земли «Воргу».

— Фойл!

Фойл очнулся и посмотрел на Дагенхема.

— Не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Я предлагаю щедрое вознаграждение. На тридцать тысяч космонавт может кутить, ни о чем не думая, целый год… Чего тебе еще?

— Ничего не знаю.

— Либо мы, либо разведка, Фойл.

— Больно вам надо, чтобы я попал им в лапы, иначе к чему эти разговоры? Все это пустой треп. Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Ты!.. — Дагенхем пытался подавить бешенство. Он слишком много открыл этому хитрому примитивному созданию. — Да, мы не стремимся выдать тебя разведке. У нас есть свои собственные средства. — Его голос окреп. — Ты думаешь,

сумеешь надуть нас. Ты думаешь, мы станем ждать, пока рак на горе свистнет. Ты думаешь даже, что раньше нас доберешься до «Номада».

— Нет, — сказал Фойл.

— Так вот слушай. На тебя заготовлено дело. Наш адвокат в Нью-Йорке только ждет знака, чтобы обвинить тебя в саботаже, пиратстве в космосе, грабеже и убийстве. Престейн добьется твоего осуждения в двадцать четыре часа. Если у тебя раньше было знакомство с полицией, это означает лоботомию. Они вскроют твой череп и выжгут половину мозгов. После чего ты никогда не сможешь джантировать.

Дагенхем замолчал и пристально посмотрел на Фойла, когда тот покачал головой, Дагенхем продолжил.

— Что ж, тебя присудят к десяти годам того, что в насмешку называют лечением. В нашу просвещенную эпоху преступников не наказывают. Их лечат. Тебя бросят в камеру одного из подземных госпиталей. Там ты будешь гнить в темноте и одиночестве. Будешь гнить там, пока не решишь заговорить. Будешь гнить там вечно. Выбирай.

Ворга, я тебя убью.

— Я ничего не знаю о «Номаде». Ничего!

— Хорошо, — Дагенхем сплюнул. Внезапно он

протянул вперед сжатый в ладонях цветок орхидеи. Цветок почернел и рассыпался. — Вот что с тобой будет.

Глава 5

К югу от Сен-Жирона, возле Франко-испанской границы, тянутся на километры под Пиринеями глубочайшие во Франции пещеры — Жофре Мартель. Это самый большой и самый страшный госпиталь на Земле. Ни один пациент не джантировал из его чернильной тьмы. Ни одному пациенту не удалось узнать джант-координаты мрачных глубин госпиталя.

Если не считать фронтальной лоботомии, есть всего три пути лишить человека возможности джантировать: удар по голове, вызывающий сотрясение мозга, расслабляющий наркотик и засекречивание джант-координат. Из этих трех наиболее практичным считался последний.

Камеры, отходящие от запутанных коридоров Жофре Мартель, были вырублены в скале. Они не освещались, как и коридоры. Мрак подземелий пронизывали лучи инфракрасных ламп. Охрана и обслуживающий персонал носили специальные очки. Пациенты жили во тьме и слышали

лишь отдаленный шум подземных вод.

Для Фойла существовали лишь тьма, шум вод и однообразие госпитального режима. В восемь часов (или в любой другой час этой немой бездны) его будил звонок. Он вставал и получал завтрак, выплюнутый пневматической трубой. Завтрак надо было съесть немедленно, потому что чашки и тарелки через пятнадцать минут распадались. В восемь-тридцать дверь камеры отворялась, и Фойл вместе с сотнями других слепо шаркал по извивающимся коридорам к Санитарии.

Там, так же в темноте, с ними обращались, как со скотом на бойне — быстро, холодно, с безразличием. Их мыли, брили, дезинфицировали, им вкалывали лекарства, делали прививки. Старую бумажную одежду удаляли и сжигали, и тут же выдавали новую. Затем их гнали в камеры, автоматически вычищенные и обеззараженные во время их отсутствия. Все утро Фойл слушал в камере лечебные рекомендации, лекции, морали и этические наставления. Потом снова наступала закладывающая уши тишина, и ничто не нарушало ее, кроме отдаленного шума вод и едва слышных шагов надзирателей в коридоре.

Днем их занимали лечебным трудом. В каждой камере зажигался телевизионный экран, и па-

циент погружал руки в открывшееся отверстие. Он видел и чувствовал трехмерно передающиеся предметы и инструменты. Он кроил и штопал госпитальные робы, мастерил кухонную утварь и готовил пищу. На самом же деле он ни до чего не дотрагивался. Его движения передавались в мастерские и там управляли соответствующими механизмами. После одного короткого часа облегчения вновь наваливались мрак и тишина темницы.

Правда, временами, раз или два в неделю (или, может быть, раз или два в год) доносился приглушенный звук далекого взрыва. И Фойл отрывался от горнила ненависти, где закалялась его жажда мести. В Санитарии он шептал вопросы невидимым фигурам.

— Что за взрывы, там?

— Взрывы?

— Слышу их, как будто издалека.

— Это Чертовджант.

— Что?

— Чертовджант. Когда кто-то по горло сыт Жофре. Поперек глотки. Джантирует прямо к черту, он.

— Ах ты!..

— Вот так вот. Невесть откуда, невесть куда.

Чертовджант… вслепую… и мы слышим их. Бум! Чертовджант.

Фойл был потрясен. Тьма, тишина, одиночество наводили отчаяние, ужас, сводили с ума. Монотонность казалась невыносимой. Погребенные в застенках госпиталя Жофре Мартель, пациенты страстно ждали утра ради возможности прошептать слово и услышать ответ. Но любые разговоры сразу пресекались охраной, а динамик потом читал наставления о Добродетели Многотерпения.

Фойл знал записи наизусть, каждое слово, каждый шорох и треск ленты. Он возненавидел эти голоса: всепонимающий баритон, бодрый тенор, доверительный бас. Он научился отрешаться, работать механически. А вот перед бесконечными часами одиночества он оказался беспомощен. Одной ярости тут не хватало.

Фойл потерял счет дням. Больше он не перешептывался в Санитарии. Его сознание оторвалось от реальности и куда-то медленно и бездумно плыло. Ему стало казаться, что он снова на «Номаде», опять дерется за жизнь. Потом и эта слабая связь с иллюзией оборвалась. Все глубже и глубже он погружался в пучину кататонии, в лоно тишины, в лоно темноты, в лоно сна.

То были странные, быстротечные сны. Однажды ему явился голос ангела-спасителя. Ангела-женщины. Она тихонько напевала. Трижды он слышал слова: «О, боже…», «Боже мой!..», и «О…»

Фойл падал в бездонную бездну и слушал.

— Есть выход, — сладко нашептывал в его уши ангел. Голос ангела гнева был мягким и нежным, и в то же время горел безумием.

И внезапно, с безрассудной логикой отчаяния, Фойл осознал: выход есть. Глупец, он не видел этого раньше.

— Да, — прохрипел он. — Есть выход.

Послышался сдавленный вздох. — Кто это?

— Я, — сказал Фойл. — Это я, не кто иной. Ты меня знаешь.

— Где ты?

— Здесь. Где всегда.

— Но здесь никого нет. Я одна.

— Спасибо, показала мне путь, ты.

— Я слышу голоса, — прошептал гневный ангел. — Это начало конца.

— Ты показала мне путь. Чертовджант.

— Чертовджант!.. Боже мой, неужели это правда? Ты говоришь на уличном арго… ты существуешь на самом деле… Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Но ты не в моей камере. И даже не поблизости. Мужчин здесь держат в северной части Жофре Мартель. Я — в «Юге-900». А ты?

— Север-III.

— Четверть мили. Как мы… О, господи! Конечно! Это Линия Шепота. Я всегда думала — выдумки… А она существует…

— Что ж, пора, — пробормотал Фойл. — Чертовджант.

— Фойл, не смей! Послушай меня. Это чудо.

— Чудо?

— Акустический феномен… такое случается в пещерах… Каприз передачи звука… Старожилы называют это Линией Шепота. Я им не верила. Никто не верит, но это правда! Мы на разных концах Линии Шепота. Мы можем разговаривать. Мы можем строить планы. У нас есть надежда. Мы можем спастись.

* * *

Ее звали Джизбелла Мак Куин. Она была вспыльчива, умна, образована и независима. Жофре Мартель пять лет назад начал лечить ее от бандитизма. Джизбелла гневно-шутливо поведала Фойлу о том, как она бросила вызов обществу.

— Ты не знаешь, что джантация принесла жен-

щинам, Гулли. Она заперла нас. Отправила назад в сераль.

— Что такое сераль?

— Гарем. Место, где содержат женщин. Через тысячу лет развития цивилизации мы снова — собственность. Джантация так угрожала нашей добродетели, нашему достоинству, нашей чести, что нас заперли как золотые слитки в сейф. Нам закрыты все дороги. Это страшный тупик, Гулли, и из него нет выхода. Остается только плюнуть на все и идти напролом.

— Зачем это тебе, Джиз?

— Свобода нужна мне как воздух, Гулли. Я хочу жить своей собственной жизнью, а общество заковало меня в кандалы и обрекло на смирение. — И она поведала ему все мрачные и трагические подробности своего бунта: Слабохарактерное Вымогательство, Каскадный Шантаж, Новобрачное и Похоронное Ограбления и другие.

Фойл рассказал ей о «Номаде» и «Ворге», о своей ненависти и своих планах, но не сообщил Джизбелле ни о своем лице, ни о двадцати миллионах в платиновых слитках, скрытых в поясе астероидов.

— Что случилось с «Номадом»? — спросила Джизбелла. — Верно ли то, что говорил тот чело-

век, Дагенхем? Его уничтожил крейсер Внешних Спутников?

— Мне не понять. Сказано — не помню, ты.

— Очевидно, взрыв вызвал у тебя амнезию, а шесть месяцев одиночества и мук усугубили потерю памяти. На корабле не осталось ничего ценного?

— Нет.

— И Дагенхем ни о чем не упоминал?

— Нет, — солгал Фойл.

— Значит, у него была иная причина упрятать тебя в Жофре Мартель. Зачем-то ему нужен «Номад»... Но пытаться взорвать «Воргу» — это глупость. Только дикий зверь грызет захлопнувшийся капкан. Сталь не виновата.

— Не пойму, о чем ты. «Ворга» прошел мимо.

— Кару заслужил мозг, Гулли. Тот мозг, который устроил западню. Выясни, кто находился на борту «Ворги». Узнай, кто приказал уйти. И накажи его.

— Да-а. Как?

— Думай, Гулли. Голова, сообразившая, как сдвинуть «Номад», как из ничего собрать адскую машинку, должна найти способ. Но никаких бомб! — Думай! Разыщи кого-нибудь из экипажа «Ворги». Он назовет остальных. Выследи их,

узнай, кто отдал приказ и покарай его. На это требуется время, Гулли… время и деньги, много денег, больше, чем у тебя есть.

Они часами переговаривались по Линии Шепота. Голоса слышались слабо, звучали как будто у самых ушей. Лишь в определенном месте каждой камеры можно было услышать собеседника. Вот почему они не сразу обнаружили это чудо. Теперь они наверстывали упущенное время. Джизбелла учила Фойла.

— Если нам когда-нибудь удастся выбраться из Жофре Мартель, мы будем вместе. Я не могу довериться безграмотному человеку.

— Кто безграмотный?

— Да, ты, — решительно заявила Джизбелла. — Мне приходится все время разговаривать на уличном арго.

— Я умею читать и писать.

— И все… то есть, кроме голой силы — ты нуль.

— Говори толком, ты, — рассвирепел Фойл.

— Я и говорю толком. Что проку от самого лучшего резца, если он тупой? Надо заточить твой разум, Гулли. Надо дать тебе образование.

Он покорился. Он понял: она права. Надо знать гораздо больше не только для того, чтобы выбраться, но и для поисков «Ворги». Джизбелла

оказалась дочерью архитектора, получила блестящее образование. Она муштровала Фойла, вбивала в него знания с циничным опытом пяти лет тюрьмы. Иногда он бунтовал против тяжелого труда. Тогда по Линии Шепота кипели яростные, но тихие споры. Затем, в конце концов, он просил прощения и вновь покорялся. Иногда Джизбелла уставала от наставлений. И они просто разговаривали и мечтали.

— Мне кажется, мы влюбляемся друг в друга, Гулли.

— Мне тоже так кажется, Джиз.

— Я старая карга, Гулли. Мне сто пять лет. А ты как выглядишь?

— Кошмарно.

— То есть?

— Лицо.

— Это романтично. Один из тех загадочных шрамов, украшающих настоящих мужчин?

— Нет. Ты увидишь, когда встретимся мы. Неправильно, да, Джиз? Просто: «когда мы встретимся».

— Молодец.

— Мы ведь встретимся однажды, Джиз?

— Скоро, я надеюсь, Гулли. — Далекий голос Джизбеллы окреп. — А теперь пора за работу.

Надо готовиться.

За пять лет Джизбелла многое узнала о Жофре Мартель. Никто никогда не джантировал из подземного госпиталя, но десятилетиями из уст в уста передавались слухи и крупицы истины. По этим сведениям Джизбелла быстро установила соединяющую их Линию Шепота. На их основе начала она обсуждать планы спасения.

— Это в наших силах, Гулли, не сомневайся. В системе охраны наверняка есть недостатки.

— Никто их раньше не находил.

— Никто раньше не действовал с партнером.

Фойл не волочился больше в Санитарию и обратно бесцельно. Во мраке он задавал шепотом продуманные вопросы. Ощупывал стены. Замечал двери, их фактуру. Считал, слушал, изучал и докладывал. Фойл и Джизбелла вместе «рисовали» картину порядков и охраны Жофре Мартель.

Однажды утром по возвращении из Санитарии его остановили на пороге камеры.

— Иди дальше, Фойл.

— Это Север-3. Я знаю свое место.

— Двигай, говорят.

— Но… — Фойл пришел в ужас. — Меня переводят?

— К тебе посетитель.

Его довели до конца северного коридора, до пересечения с тремя остальными главными коридорами госпиталя. Там, на гигантском перекрестке, располагались административные помещения и мастерские. Фойла втолкнули в непроглядную темень комнаты и закрыли сзади дверь. Перед ним маячил слабо мерцающий силуэт, едва уловимый контур, не более чем призрачный намек, очертания тела и головы самой Смерти. Два бездонных провала на черепе — глазницы или инфракрасные очки.

— Доброе утро, — произнес Дагенхем.

— Вы?! — воскликнул Фойл.

— Я. У меня есть пять минут. Садитесь. Стул позади вас.

Фойл нащупал стул и медленно опустился.

— Довольны? — поинтересовался Дагенхем.

— Что вам надо?

— Замечаю перемену, — сухо сказал Дагенхем. — В нашу последнюю встречу вы ограничивались исключительно выражением «убирайтесь к черту».

— Убирайтесь к черту, Дагенхем, если угодно.

— Ого, вы начали острить и речь улучшилась… Вы изменились… — задумчиво проговорил Дагенхем. — Изменились чертовски сильно и

чертовски быстро. Мне это не нравится. Что с вами случилось?

— Я посещал вечернюю школу.

— Вы десять месяцев учились в этой вечерней школе.

— Десять месяцев! — изумленно повторил Фойл. — Неужели так долго?

— Десять месяцев во мраке и тишине. Десять месяцев полного одиночества. Вас должны были сломать.

— Я сломлен, не беспокойтесь.

— Вы должны были взвыть… Я прав. Вы не обычный человек… Такими темпами это займет слишком долго… А мы не можем ждать. Я хочу вам сделать новое предложение. Десять процентов. Два миллиона.

— Два миллиона! — воскликнул Фойл. — Почему вы сразу не сказали?

— Я не знал вас. По рукам?

— Почти.

— А что еще?

— Я выбираюсь из Жофре Мартель.

— Естественно.

— И кое-кто еще.

— Сделаем. Дальше.

— Открытый доступ к архивам Престейна.

— Это исключено. Вы с ума сошли? Будьте благоразумны.

— К его корабельным архивам.

— Зачем?

— Мне нужен список команды одного из кораблей.

— Так, так… — в голосе Дагенхема вновь зазвучало оживление. — Обещаю. Что-нибудь еще?

— Нет.

— Значит, договорились. — Дагенхем был доволен. Мерцающий контур поднялся со стула. — Приготовления для вашего друга мы начнем немедленно. Вас выпустим через шесть часов. Жаль, мы потеряли столько времени, Фойл.

— Почему вы не подослали ко мне телепата?

— Телепата? О чем вы говорите? На всех Внутренних Планетах не наберется и десятка телепатов. Каждый их час расписан на десять лет вперед. Никто бы из них не согласился нарушить расписание.

— Прошу прощения, Дагенхем. Я думал вы плохо знаете свое дело.

— Вы меня обижаете.

— Теперь я вижу: вы просто лжете. За долю в двадцати миллионах можно нанять любого телепата.

— Правительство никогда…

— Не все они работают на правительство. Нет. Дело не в этом. Тут кроется что-то слишком важное.

Пятно света метнулось через комнату и схватило Фойла.

— Что вам еще известно?! Что вы скрываете? На кого работаете? — Руки Дагенхема тряслись. — Господи, какой я дурак! Конечно, вы не простой космонавт… Отвечайте: на кого работаете?!

Фойл резко стряхнул руки Дагенхема.

— Ни на кого, — сказал он. — Ни на кого, кроме себя.

— Да? Включая друга в Жофре Мартель, которого вы так стремитесь спасти? Боже мой, вы чуть не одурачили меня, Фойл. Передайте капитану Йанг-Йовилу мои поздравления. Его люди лучше, чем я думал.

— Не знаю никакого Йанг-Йовила.

— Так вот вы и ваш коллега здесь сгниете! Издохните! Я переведу вас в самую страшную камеру. Я брошу вас на самое дно Жофре Мартель. Я… Охрана, сюда! Охра…

Фойл схватил Дагенхема за горло, повалил на пол и стал бить головой о каменную плитку. Дагенхем раз вскрикнул и затих. Фойл сорвал с

его лица очки и одел их на себя. В мягкорозовом свете вернулось зрение.

Фойл раздел Дагенхема и быстро, разрывая по шву, влез в его костюм. На столе лежала широкополая шляпа. Фойл надвинул ее на самый лоб.

Из комнаты вели две двери. Фойл подскочил к ближней и осторожно ее приоткрыл. Она выходила в северный коридор. Он закрыл ее. Бросился к другой двери и вырвался в противоджантный лабиринт. И тут же потерялся. Отчаянно заметавшись по переходам, он снова оказался в комнате, где Дагенхем пытался подняться на колени.

Фойл повернулся и кинулся назад в лабиринт. Неожиданно перед ним оказалась дверь. Он распахнул ее и попал в просторную и ярко освещенную мастерскую. На него ошеломленно уставились двое рабочих. Фойл схватил кувалду, прыгнул на них и двумя ударами свалил. Тут до него донесся крик Дагенхема. Фойл затравленно огляделся, ворвался в следующую дверь и вновь потерялся в лабиринте. Заревела сирена. Фойл замахнулся кувалдой, пробил тонкий пластик перегородки и оказался в южном коридоре женской половины, освещенном инфракрасным светом.

Навстречу ему бросились две надзирательницы. Фойл страшным ударом повалил их. Перед

ним тянулся бесконечный ряд камер. На каждой двери красным огнем горел номер. Фойл привстал на цыпочки и разбил инфракрасный фонарь над головой. Весь коридор погрузился во мрак… даже для оснащенных очками.

— Теперь мы на равных, — выдохнул он и побежал дальше, на ощупь считая двери. Он налетел на охранницу, расправился с ней, обнаружил, что сбился со счета, пробежал еще, остановился.

— Джиз! — взревел Фойл.

До него донесся ее голос. Он помчался вперед и, наконец, нашел камеру Джизбеллы.

— Гулли, о Гулли, боже мой…

— Отойди, детка! Назад! — Он трижды яростно ударил молотом. Дверь поддалась. Фойл ввалился внутрь.

— Джиз?… — задыхаясь, выдавил он. — Проходил мимо. Дай, думаю, загляну.

— Гулли, ради…

— Да-а… Ничего себе встреча, а? Идем. Идем, девочка. — Он вытащил ее из камеры. — Назад через приемную для нас пути нет. Я там не понравился. Где ваша Санитария?

— Гулли, ты сошел с ума!..

— Вся половина обесточена. Я разбил силовой кабель. У нас есть полшанса. Идем, девочка.

Идем.

Он подтолкнул ее вперед. И она повела его по проходам женской Санитарии. Пока механические руки удаляли одежду, мыли, опрыскивали и дезинфицировали их, Фойл нащупал контрольное медицинское окошко и разбил его молотом.

— Лезь, Джиз.

Он протолкнул ее сквозь окошко и последовал за ней. Голые, намыленные, изрезанные и окровавленные искали они дверь, через которую входили врачи. Вдруг Фойл поскользнулся и с грохотом упал.

— Не могу найти дверь, Джиз. Дверь. Я…

— Тсс!

— Но…

— Тихо, Гулли!

Мыльная рука нащупала и зажала ему рот. Поблизости раздался топот ног. Закоулки Санитарии вслепую обшаривали охранники. Инфракрасное освещение до сих пор не исправили.

— Окно могут не заметить, — прошептала Джиз.

Они скорчились на полу. Шаги прогромыхали и затихли.

— Все в порядке, — выдохнула Джизбелла. — Но в любую минуту включат прожектора. Идем,

Гулли, живей!

— Но дверь в клинику, Джиз… Я думал…

— Двери нет. Они спускаются по убирающейся винтовой лестнице. И это предусмотрено. Надо попытаться найти грузовой лифт. Хотя бог знает, что это нам даст… О, Гулли, ты идиот! Ты совершенный идиот!

Они пролезли обратно через контрольное окошко и стали лихорадочно искать в темноте лифт, в котором увозили старую одежду и подавали новую. Механические руки в темноте их снова мылили, опрыскивали и дезинфицировали.

Внезапно, заглушая все прочие звуки, надрывно взвыла сирена. Наступила полная тишина, удушающая, как мрак.

— Они выслеживают нас геофоном, Гулли.

— Чем?

— Геофоном. Им можно уловить шепот за целую милю.

— Грузовой лифт… грузовой лифт… — лихорадочно бормотал Фойл.

— Нам не найти.

— Тогда идем.

— Куда?

— Мы убегаем.

— Куда?

— Не знаю. Я не собираюсь ждать, как баран. Идем. Физические упражнения тебе на пользу.

Он снова толкнул Джизбеллу вперед. Они побежали, задыхаясь, судорожно хватая ртом воздух и спотыкаясь, в черные глубины Жофре Мартель. Джизбелла дважды падала. Фойл бежал вперед и как антенну вытянув перед собой рукоятку молота и ею нащупывая проход. Потом наткнулись на стену и поняли: они в тупике. Пути вперед не было.

— Что теперь?

— Не знаю. Похоже, я больше ничего придумать не могу. Но и возвращаться нам нельзя. Я пристукнул Дагенхема. Мерзкий тип. Как этикетка на бутылке с ядом. Тебя не осенило, девочка?

— О, Гулли… Гулли… — Джизбелла всхлипнула.

— Рассчитывал на тебя. «Никаких бомб», — говорила ты. Хотел бы я сейчас иметь бомбу. По крайней мере… Погоди-ка. — Он ощупал скользкую стену. — Внимание, Г.Фойл передает последние известия. Это не естественный пещерный свод, а сложенная из кирпича стена. Посмотри.

— Ну?

— Значит проход здесь не кончается. Его просто

заложили. Прочь!

Он отшвырнул Джизбеллу назад и яростно набросился на стену. Он бил ритмично и мощно, со всхлипом втягивая сквозь зубы воздух и пристанывая при каждом ударе.

— Они приближаются, — сказала Джизбелла. — Я слышу.

Начали сыпаться камни. Фойл удвоил усилия. Внезапно стена рухнула, и в лица им ударил поток ледяного воздуха.

— Лезь.

Фойл бросил молот, схватил Джизбеллу и поднял ее к отверстию на высоте груди. Она вскрикнула от боли, протискиваясь через острые камни. Фойл безжалостно толкал ее вперед, пока не прошли плечи, а затем и бедра. Он отпустил ее ноги, услышал, как она упала по ту сторону, и последовал за ней. Ее руки попытались смягчить его падение на груду камней и щебня. Они оказались в ледяной черноте естественных пещер Жофре Мартель… — мили неисследованных проходов и гротов.

— Мы еще вырвемся, — прохрипел Фойл.

— Не знаю, есть ли отсюда выход, Гулли. — Джизбелла дрожала от холода. — Может быть, это тупик.

— Должен быть выход. Мы найдем его. Вперед, девочка.

Они слепо двинулись вперед. Фойл сорвал бесполезные очки и швырнул их под ноги.

Они натыкались на стены, углы, низкие своды, падали на острые камни и катились вниз. Потом однажды их ноги разъехались, и оба тяжело упали на гладкий пол. Фойл ощупал его и притронулся языком.

— Лед, — пробормотал он, — Мы в ледяной пещере, Джиз. Подземный ледник.

Они с трудом поднялись и неуверенно пошли по льду, тысячелетиями нараставшему в безднах Жофре Мартель. Они пробирались сквозь лес сталактитов и сталагмитов, поднимающихся снизу и свисавших сверху. От каждого их шага с гулким уханьем падали, рассыпаясь, камни. Так они брели вперед — слепо, наугад, спотыкаясь, падая и снова вставая. Закладывающую уши тишину нарушали только судорожное дыхание и колотящиеся сердца, грохот булыжников, звон срывающихся капель и отдаленный шум подземной реки.

— Не туда, девочка. — Фойл легонько подтолкнул ее в сторону. — Забирай левее.

— Ты хоть немного представляешь себе, куда

мы идем, Гулли?

— Вниз, Джиз. Только вниз.

— У тебя есть идея…

— Да. Сюрприз! Сюрприз! Голова вместо бомб.

— Голова вместо… — Джизбелла истерически рассмеялась. — Ты ворвался с молотом в руках. И это голова вместо б-б-б… — Она не могла выговорить, подавившись всхлипываниями. Фойл схватил ее и яростно встряхнул.

— Заткнись, Джиз. Если нас выслеживают геофоном, тебя услышат с Марса.

— П-прости, Гулли. Прости. — Она глубоко вздохнула. — Почему вниз?

— Река. Она должна быть близко. Вероятно, это растаявшие воды ледника. Единственный надежный путь. Где-нибудь она выходит наружу. Мы поплывем.

— Гулли, ты сошел с ума!

— В чем дело, ты? Не умеешь плавать?

— Я умею плавать, но…

— Мы должны попытаться. Иди, Джиз. Вперед. Шум реки приближался, однако их силы стали иссякать. Джизбелла остановилась, хватая ртом воздух.

— Гулли, мне надо передохнуть.

— Слишком холодно. Иди вперед.

— Я не могу.

— Иди вперед. — Он нащупал ее локоть.

— Убери свои руки! — яростно закричала она.

Фойл изумленно отступил.

— Что с тобой? Девочка, успокойся. Я пропаду без тебя.

— Вот как? Я говорила тебе: надо готовиться… думать… а ты втянул меня в эту западню…

— Я сам был в западне. Дагенхем угрожал перевести меня в другую камеру. И больше уже не было бы Линии Шепота. Меня вынудили, Джиз… и мы ведь выбрались, правда?

— Выбрались?! Мы потерялись в Жофре Мартель! Ищем треклятую реку, чтобы утопиться. Ты кретин, Гулли, а я набитая дура, что позволила втянуть себя в эту авантюру. Будь ты проклят! Бежать. Спасаться. Молотить… Все, что ты знаешь. Бить. Ломать. Взрывать. Крушить. Уничтожать… Гулли!

Джизбелла вскрикнула. Покатились камни, и послышался тяжелый всплеск. Фойл бросился вперед, заорал: «Джиз!» и сорвался с обрыва.

Он упал в воду с оглушающим ударом. Ледяная река поглотила его и мгновенно закрутила. Бешено заработав руками и ногами, Фойл почувствовал, как течение тащит его по скользким

камням, захлебнулся и всплыл на поверхность. Он откашлялся и закричал. Джизбелла ответила слабым голосом, едва слышным в ревущем потоке. Бурное течение швырнуло его на холодное тело, цепляющееся за скалу.

— Джиз!

— Гулли! Боже мой! — Джизбелла зашлась кашлем. Прижимаясь к стене, Фойл стал ощупывать своды. Вода с ревом уходила в тоннель, и поток засасывал их за собой.

— Держись! — прохрипел Фойл. Он обследовал своды слева и справа — гладкие, скользкие. Ухватиться здесь за что-либо было невозможно.

— Нам не выбраться. Придется плыть, — прокричал Фойл, стараясь перекрыть оглушающий шум воды.

— Там нечем дышать, Гулли. Не выплывешь.

— Ненадолго, Джиз. Наберем воздуха и нырнем.

— Тоннель может тянуться дольше, чем хватит дыхания.

— Придется рискнуть.

— Я не смогу.

— Ты должна. Другого пути нет. Давай первая. Помогу, в случае чего.

— В случае чего!.. — безумным голосом повто-

рила Джизбелла и нырнула. Течение всосало ее в тоннель. Фойл сразу за ней ушел под воду. Яростный поток тянул вниз, швыряя на гладкие стены. Он плыл сразу за Джизбеллой. Ее молотящие ноги все время били его по голове и по плечам. Они неслись в тоннеле, пока не запылали легкие. Внезапно снова раздался рев воды: их вынесло наверх. И они теперь могли дышать.

Вместо заледеневших сводов перед ними появились изломанные скалы. Одной рукой Фойл ухватил ногу Джизбеллы, другой вцепился за выступавший камень.

— Надо выбираться! — прокричал он. — Слышишь этот рев? Водопад. Разорвет на части. Лезь, Джиз.

У нее не было сил, чтобы выбраться из воды. Он подкинул ее обмякшее тело наверх и вскарабкался сам. Они изнеможденно лежали на мокрых камнях, не в состоянии даже говорить. Наконец Фойл, шатаясь, поднялся на ноги.

— Нужно идти, — пробормотал он. — Вниз по реке. Готова?

Она не могла ни ответить, ни протестовать. Он поднял ее, и они, еле держась на ногах, побрели вперед, обходя разбросанные гигантские валуны. Вскоре они заблудились в каменном лабиринте.

— Все… — с отвращением выдавил Фойл. — Снова потерялись. На этот раз, похоже, окончательно. Что будем делать?

Джизбелла зарыдала. Это был не плач, а беспомощные, но яростные звуки.

Фойл остановился и сел, потянув ее вниз за собой.

— Возможно, ты права, девочка, — устало произнес он. — Возможно, я кретин. Моя вина.

Она не ответила.

— Ну, вот и все, на что способна моя голова… Хорошее образование ты мне дала. — Он поколебался. — Не попробовать ли нам вернуться в госпиталь?

— Мы не сможем.

— Вероятно. Просто упражнение на сообразительность… Устроим шум? Чтобы нас нашли по геофону?

— Они не услышат… Нас не успеют найти…

— Мы поднимем настоящий шум. Побьешь меня немного… Это доставит удовольствие нам обоим.

— Заткнись.

— Ну и ну! — Фойл откинулся назад, опустив голову на мягкую траву. — На «Номаде» был хоть какой-то шанс. Я, по крайней мере, видел, куда

надо попасть. Я мог… — Он неожиданно замолчал и судорожно подскочил. — Джиз!

— Не говори так много.

Он зарыл руки в землю и швырнул ей в лицо пригоршню мягкой пахучей почвы.

— Вдохни! — захохотал он. — Попробуй! Это трава, Джиз. Земля и трава. Мы выбрались из Жофре Мартель.

— Что?!

— Снаружи ночь. Непроглядная ночь. Мы вышли из пещеры и не поняли этого. Мы вышли!

Они вскочили на ноги. Их окружала абсолютная темнота. Их овевал теплый ласковый ветер, и сладкий аромат растений касался их ноздрей. Издалека донесся собачий лай.

— Боже мой, Гулли… — недоверчиво прошептала Джизбелла. — Ты прав. Мы выбрались. Теперь надо только ждать рассвета.

Она засмеялась, раскинув руки, обняла его и поцеловала. Они что-то лепетали возбужденно, перебивая друг друга. Опустились на мягкую траву, обессиленные, но неспособные забыться сном, нетерпеливые, горячие, на заре новой жизни.

— Здравствуй, Гулли, милый Гулли. Здравствуй, Гулли, после всего этого времени…

— Здравствуй, Джиз.

— Я же говорила, мы встретимся однажды… Я говорила тебе, любимый. И вот настал этот день.

— Ночь.

— Пускай ночь. Но больше не будет одинокого перешептывания во тьме. Наша ночь кончилась, Гулли, милый.

Внезапно они осознали, что лежат рядом, обнаженные, касаясь друг друга. Джизбелла замолчала. Фойл схватил ее и яростно сжал, и она ответила с не меньшей страстью.

Когда рассвело, он увидел, как она прекрасна. Высокая и стройная, с дымчатыми рыжими волосами и щедрым ртом.

Когда рассвело и она увидела его лицо.

Глава 6

У доктора медицины Харли Бэйкера была маленькая практика в Вашингтоне, вполне законная и едва оплачивающая счета за дизельное топливо, которое он сжигал, еженедельно участвуя в тракторных гонках в Сахаре. Настоящий доход приносила его фабрика Уродов в Трентоне, куда он джантировал по понедельникам, средам и пятницам. Там, за огромную плату и без лишних вопросов, Бэйкер создавал чудовищ для

бизнеса развлечений и творил новые лица для преступного мира.

Похожий на повивальную бабку, Бэйкер сидел на прохладной веранде своего дома и дослушивал повествование Джиз Мак Куин о побеге.

— По сравнению с побегом из Жофре Мартель, все остальное казалось чепухой. Мы наткнулись на охотничий домик, выломали дверь и достали себе одежду. К тому же там оказалось оружие… старое доброе оружие, стреляющее пулями. Мы продали его кое-каким местным и купили билеты к ближайшей известной нам джант-площадке.

— Именно?

— Биариц.

— Переезжали ночью?

— Естественно.

— Лицо прикрывали?

— Пытались нанести грим, ничего не получилось. Проклятая татуировка просвечивала. Тогда я купила темную кожу-суррогат и опрыскала его.

— Ну?

— Бесполезно, — раздраженно бросила Джиз. — Лицо должно быть неподвижно, иначе суррогат трескается и отпадает. Фойл не в состоянии контролировать себя. Это был настоящий ад.

— Где он сейчас?

— С Сэмом Куаттом.

— Я думал, Сэм завязал.

— Да, — мрачно сказала Джиз. — Но он мне обязан.

— Любопытно… — пробормотал Бэйкер. — Никогда в жизни не видел татуировки. Я полагал ее искусство умерло и хотел добавить его к моей коллекции. Ты знаешь о моем хобби — собираю курьезы, Джиз?

— Все знают о твоем зоопарке в Трентоне, Бэйкер. Это ужасно.

— В прошлом месяце я приобрел настоящий шедевр — интереснейший случай сиамских близнецов, — увлеченно начал Бэйкер.

— Не желаю ничего слышать об этом, — резко оборвала его Джиз. — И не заикайся о своем зверинце. Можешь очистить его лицо? По его словам, в Госпитале махнули рукой.

— У них нет моего опыта, дорогая. Гм-мм… Кажется, я что-то читал… где-то… Где же?… Подожди. — Бэйкер поднялся и со слабым хлопком исчез. Джизбелла нервно мерила веранду шагами, пока, через двадцать минут, он не появился вновь с потрепанной книгой в руке и с торжествующей улыбкой на лице.

— Нашел! Ты воистину можешь восхищаться

моей памятью!

— К черту твою память. Как с его лицом?

— Это можно сделать. — Бэйкер перелистал хрупкие выцветшие страницы и задумался. — Да, это может быть сделано. Индиготиновая кислота. Вероятно, ее придется синтезировать, но… — Бэйкер захлопнул книгу и уверенно кивнул. — Я могу. Жаль только портить такое уникальное лицо.

— Да забудь ты про свое хобби! — закричала Джизбелла. — Нас разыскивают, понимаешь?! Мы первые, кто удрал из Жофре Мартель. Ищейки не угомонятся, пока нас не схватят. Это вопрос престижа.

— Чего ты бесишься?

— Я не бешусь, объясняю.

— Он будет счастлив в зверинце, — убеждал Бэйкер. — Там его никто не найдет. Я помещу его рядом с девушкой-циклопом и…

— Зоопарк исключен. Абсолютно.

— Ну хорошо, дорогая… Почему ты так беспокоишься о Фойле? Пускай его схватят. А ты отсидишься.

— Почему тебя беспокоит то, что я забочусь о судьбе Фойла? Тебе предлагают работу. Я заплачу.

— Это дорого обойдется, милая. Я пытаюсь сэкономить твои деньги.

— Неправда.

— Значит, я просто любопытен.

— Тогда скажем, я благодарна. Он помог мне. Теперь я помогаю ему.

Бэйкер цинично улыбнулся.

— Так давай поможем ему по-настоящему — сделаем совершенно новое лицо.

— Нет.

— Я так и думал. Ты хочешь очистить его лицо, потому что оно тебя интересует.

— Будь ты проклят, Бэйкер, ты согласен или нет?

— Пять тысяч.

— Не чересчур?

— Тысяча, чтобы синтезировать кислоту. Три тысячи за операцию. И тысячу за…

— Твое любопытство?

— Нет, моя милая. — Он снова улыбнулся. — Тысяча за наркоз.

— Зачем наркоз?

Бэйкер приоткрыл древний текст.

— Это очень болезненная процедура. Знаешь, как делают татуировку? Берут иглу, макают в краску и вкалывают в кожу. Чтобы вывести крас-

ку, мне придется пройтись иглой по всему лицу, пора за порой, вкалывая туда индиготиновую кислоту. Это очень больно.

Глаза Джизбеллы вспыхнули.

— Можно это сделать без наркоза?

— Я могу, дорогая, но Фойлу…

— К черту Фойла. Плачу четыре тысячи. Никакого наркоза, Бэйкер. Пусть страдает.

— Джиз! Ты не ведаешь, на что его обрекаешь!

— Знаю. Пусть мучается. — Джизбелла истерически засмеялась.

Бэйкеровская фабрика Уродов занимала пятиэтажное здание, в котором раньше находился завод. Завод выпускал вагончики для метро, пока с метро не покончила джантация. Задние окна фабрики выходили на ракетное поле, и пациенты Бэйкера могли развлекаться, наблюдая за взлетающими и садящимися по антигравитационным лучам кораблями.

В подвальном этаже располагался бэйкеровский зоопарк анатомических аномалий, естественных выродков и чудовищ, купленных, одурманенных или похищенных. Бэйкер был страстно предан этим несчастным созданиям и проводил с ними долгие часы, упиваясь их уродством, как другие упиваются красотой искусства.

На средних этажах размещались палаты для прооперированных пациентов, лаборатории, склады и кухни. Наверху — операционные.

В одной из последних — крошечной комнатке, обычно используемой для экспериментов на сетчатке глаз, — Бэйкер трудился над лицом Фойла. Под ослепительно яркими лампами он склонился с маленьким стальным молотком, выискивая каждую пору с краской и вбивая туда иглу. Голову Фойла зажимали тиски, но тело было не привязано. И хотя его мускулы дергались, он ни разу не шевельнулся, вцепившись руками в край операционного стола.

— Самообладание, — выдавил Фойл сквозь зубы. — Ты хотела, чтобы я научился самообладанию, Джиз. Я учусь. — Он скривился.

— Не двигайся, — приказал Бэйкер.

— Мне смешно.

— Все хорошо, сынок, — произнес Сэм Куатт, отвернувшись. Он искоса взглянул на яростное лицо Джизбеллы. — Что скажешь, Джиз?

— Он учится.

Бэйкер методично продолжал манипулировать иглой и молоточком.

— Послушай, Сэм, — еле слышно пробормотал Фойл. — Джиз сказала мне, что у тебя есть свой

корабль.

— Да. Из тех, что зовут «Уикенд на Сатурне».

— То есть?

— Уикенд на Сатурне длится девяносто дней. Корабль обеспечивает жизнь четырех человек девяносто дней.

— Как раз для меня, — невнятно прошептал Фойл. Он скорчился от боли, однако тут же взял себя в руки. — Сэм, я хочу воспользоваться твоим кораблем.

— Зачем?

— Есть дело.

— Законное?

— Нет.

— Тогда это не для меня, сынок. Я завязал.

— Плачу 50 тысяч. Хочешь заработать 50 тысяч? Считай их целыми днями.

Безжалостно впивалась игла. Фойл корчился.

— У меня есть 50 тысяч. В венском банке лежит в десять раз больше. — Куатт вытащил из кармана колечко с мерцающими радиоактивными ключами. — Вот ключ от сейфа. Вот ключ от моего дома в Йобурге — двадцать комнат, двадцать акров земли. А вот ключ от корабля. Можешь не искушать меня, сынок. Я джантирую в Йобург и остаток дней своих буду жить тихо и мирно.

— Позволь мне взять корабль. Сиди в Йобурге и греби деньги.

— Когда будут деньги? И откуда?

— Когда вернусь. В астероидах… корабль «Номад».

— Что там ценного?

— Не знаю.

— Лжешь.

— Не знаю, — упрямо пробормотал Фойл. — Но там должно быть что-то ценное. Спроси Джиз.

— Послушай, — зло произнес Куатт. — Если хочешь договориться, давай начистоту. Ты осторожничаешь, как проклятый татуированный тигр, готовящийся к прыжку. Мы твои единственные друзья…

С губ Фойла сорвался крик.

— Не шевелись, — бесстрастно сказал Бэйкер. — Когда у тебя дергается лицо, я не туда попадаю иглой.

Он поднял глаза и пристально посмотрел на Джизбеллу. Ее губы дрожали. Внезапно она открыла сумочку и достала две банкноты по 500 кредиток.

— Мы подождем снаружи.

В приемной она потеряла сознание. Куатт подтащил ее к креслу и разыскал сестру, которая

привела ее в чувство нашатырем. Она так зарыдала, что Куатт испугался. Он отпустил сестру и ждал, не решаясь подойти, пока рыдания не стихли.

— Черт побери, что происходит?! — потребовал он. — Что значат эти деньги?

— Это кровавые деньги.

— За что?

— Не хочу говорить об этом.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

— Могу я тебе помочь?

— Нет.

Наступило молчание. Потом Джизбелла произнесла усталым голосом:

— Ты согласен на предложение Гулли?

— На «Номаде» должно быть что-то ценное. Иначе Дагенхем не преследовал бы Гулли.

— Я все равно пас. А ты?

— Тоже. Не желаю больше иметь ничего общего с Гулли Фойлом.

Снова наступило молчание. Потом Куатт спросил:

— Значит, я возвращаюсь домой?

— Тебе не сладко пришлось, да, Сэм?

— Я тысячу раз думал, что вот-вот сдохну, нян-

часть с этим тигром.

— Прости, Сэм.

— Я бросил тебя, когда ты попала в беду в Мемфисе.

— Это было естественно.

— Мы всегда делаем то, что естественно, хотя иногда не следовало бы.

— Я знаю, Сэм. Знаю.

— А потом проводишь остаток дней, пытаясь отквитаться… Пожалуй, я счастлив, Джиз. Сегодня ночью я сумел отдать долг. Могу теперь вернуться домой?

— Назад в Йобург, к спокойной жизни?

— Да.

— Не оставляй меня одну, Сэм. Я стыжусь себя.

— Почему?

— Жестокость к глупым животным.

— Что это значит?

— Не обращай внимания. Побудь со мной немного. Расскажи мне о счастливой жизни. Что в ней счастливого?

— Что ж, — задумчиво произнес Куатт. — Это иметь все, о чем мечтал в детстве. Если в пятьдесят у тебя есть все, о чем мечтал в пятнадцать, это счастье. А мечтал я…

И Куатт стал рассказывать о символах, целях и

разочарованиях своего детства, пока из операционной не вышел Бэйкер.

— Ну, как? — нетерпеливо спросила Джизбелла.

— Все. С наркозом я мог работать быстрее. Сейчас его бинтуют.

— Он ослаб?

— Разумеется.

— Когда снимут бинты?

— Через пять-шесть дней.

— Лицо будет чистым?

— Я полагал, тебя не интересует его лицо, дорогая… Оно должно быть чистым. Не думаю, что я пропустил хоть пятнышко. Можешь восхищаться моим мастерством, Джизбелла… и моей проницательностью. Я собираюсь поддержать затею Фойла.

— Что?! — Куатт рассмеялся. — Ты хочешь рискнуть, Бэйкер? Я считал тебя умнее.

— Не сомневайся. Под наркозом он заговорил… На борту «Номада» — двадцать миллионов в платиновых слитках.

— Двадцать миллионов! — Лицо Куатта побагровело. Он повернулся к Джизбелле, но та тоже была в ярости.

— Не смотри на меня, Сэм. Я не знала. Он и мне

не сказал. Клялся, что понятия не имеет, почему Дагенхем его преследует… Я убью его, растерзаю его своими собственными руками и не оставлю ничего, кроме черной гнили. Он будет экспонатом твоего зверинца, Бэйкер. О, господи, почему я сразу не позволила тебе…

Дверь операционной открылась, и две сестры выкатили носилки, на которых, слегка подергиваясь, лежал Фойл. Голова его была одним сплошным белым кулем.

— В сознании? — спросил Куатт.

— Этим займусь я, — вспыхнула Джизбелла. — Я буду говорить с этим… Фойл!

Фойл слабо отозвался сквозь марлевую повязку. Когда Джизбелла в бешенстве втянула воздух, одна стена госпиталя вдруг исчезла, и оглушающий взрыв повалил их с ног. Здание зашаталось. В образовавшийся проем хлынули люди в форме.

— Рейд! — выдохнул Бэйкер. — Рейд!

— Боже всемогущий! — Куатт задрожал. Солдаты заполнили здание, крича:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Со слабым хлопком исчез Бэйкер. Бросив носилки, джантировал обслуживающий персонал. Фойл хныкал, немощно шевеля руками и ногами.

— Это рейд! — Куатт встряхнул Джизбеллу. — Беги, девонька, беги!

— Мы не можем оставить Фойла! — крикнула Джизбелла.

— Очнись, девонька! Беги!

— Мы не можем его бросить.

Джизбелла схватила носилки и побежала с ними по коридору. Куатт тяжело трусил рядом. Крики стали громче:

— Фойл! Фойл! Фойл!

— Оставь ты его, ради бога! — молил Куатт. — Пускай он достанется им.

— Нет.

— Ты знаешь, чем это для нас может обернуться? Лоботомией, Джиз!

— Мы не можем бросить его.

Они завернули за угол и врезались в толпу вопящих пациентов — людей-птиц с трепещущими крыльями, тащившихся подобно тюленям русалок, гермафродитов, гигантов, пигмеев, двухголовых близнецов, кентавров и мяукающих сфинксов. Все они в ужасе выли и цеплялись за Джизбеллу и Куатта.

— Снимай его с носилок! — закричала Джизбелла. Куатт сдернул Фойла с носилок. Тот оказался на ногах и медленно повалился. Джизбелла и

Куатт подхватили его за руки и втащили в палату, где Бэйкер содержал уродцев с ускоренным чувством времени, подобно летучим мышам мечущихся по комнате и испускающих пронзительные визги.

— Сэм, джантируй с ним.

— После того, как он собирался надуть нас?

— Мы не можем бросить его, Сэм. Ты должен был бы уже понять. Джантируй с ним. Быстрее!

Джизбелла помогла Куатту взвалить Фойла на плечо. Воздух дрожал от душераздирающего визга уродцев. Двери палаты распахнулись. Залязгали пневматические винтовки. Куатта швырнуло в стену. Он охнул и выронил Фойла. На виске появился иссиня-черный подтек.

— Убирайся отсюда, — прохрипел Куатт. — Со мной покончено.

— Сэм.

— Со мной покончено. Не могу джантировать. Спасайся!

Превозмогая боль, Куатт выпрямился и с ревом бросился на хлынувших в палату солдат. Джизбелла схватила Фойла за руку и поволокла через заднюю дверь, через кладовую, через клинику, через приемную, через прачечную, вниз по древним ступеням — шатким, скрипучим и

поднимающим клубы пыли. Протащила его через подвальный склад продовольствия. Наткнулась на забитую деревянную дверь и вышибла ее. Они спустились по выщербленным ступенькам и очутились в старом угольном подвале. Взрывы и крики над головой звучали тише. Скатившись по спускному желобу, Джизбелла и Фойл оказались у задней стены Фабрики Уродов. Перед ними расстилалось ракетное поле. Пока они переводили дыхание, Джизбелла проследила взглядом за садящимся по антигравитационному лучу грузовым кораблем. Его иллюминаторы сверкали, опознавательные огни перемигивались, как зловещая неоновая вывеска, выхватывая из тьмы заднюю стену госпиталя.

С крыши здания сорвалась фигура. То был отчаянный прыжок Сэма Куатта, который надеялся долететь до ближайшей шахты, где антигравитационный луч мог бы подхватить его и смягчить падение. Он рассчитал идеально. Но луч был выключен. Сэм упал на бетон и разбился.

Джизбелла сдавленно вскрикнула. Все еще машинально держа Фойла за руку, она подбежала к телу Куатта. Выпустив Фойла, нежно коснулась головы Сэма. Ее пальцы обагрились кровью. Фойл вцепился в свою повязку и проделал дыры перед

глазами. Он что-то бормотал, прислушиваясь к рыданиям Джизбеллы и доносящимся крикам. Его руки слепо ощупали тело Куатта, потом он поднялся и потянул Джизбеллу.

— Надо идти, — прокаркал он. — Надо убираться. Нас заметили.

Джизбелла не шевельнулась. Фойл напряг все силы и поднял ее на ноги.

— Таймс-Сквер, — бормотал он. — Джантируй, Джиз! Таймс-Сквер. Джантируй!

Вокруг них возникли фигуры в форме. Фойл дернул Джизбеллу за руку и джантировал на Таймс-Сквер. Тысячи джантеров изумленно уставились на огромного человека с большой перебинтованной головой. Фойл до боли всматривался сквозь бинты. Джизбелла могла быть где угодно. Он закричал.

— Монтак, Джиз! Монтак!

Фойл джантировал с последней вспышкой энергии и молитвой. В лицо ему ударил холодный северный ветер, швырнув горсть колючих ледяных крошек. На площадке виднелась еще одна фигура. Фойл на неверных ногах заковылял к ней через снег и ветер. Это оказалась Джизбелла, замерзшая и оцепеневшая.

— Слава богу, — пробормотал Фойл. — Сла-

ва богу. Где Сэм держит свой «Уикенд»? — Он встряхнул Джизбеллу. — Где Сэм держит свой «Уикенд»?

— Сэм мертв.

— Где он держит свой корабль?

— Сэм отошел от дел. Теперь его не напугаешь.

— Где корабль, Джиз?

— Там за маяком.

— Идем.

— Куда?

— К кораблю Сэма. — Фойл взмахнул рукой перед глазами Джизбеллы. Связка мерцающих ключей лежала у него на ладони. — Идем.

— Он дал тебе ключи?

— Я снял их с тела.

— Вампир! — Она засмеялась. — Лжец… Вор… Тигр-Вампир… Мразь… Стервятник… Гулли Фойл.

И все же она пошла вслед за ним через буран к маяку.

Трем акробатам в напудренных париках, четырем огненно-красным женщинам, обвитым питонами, младенцу с золотыми кудрями и циничным ртом и инвалиду с пустотелой стеклянной ногой, в которой плавала золотая рыбка, Саул Дагенхем сказал:

— Все, операция закончена. Отзовите остальных.

Статисты джантировали и исчезли.

Регис Шеффилд протер глаза и поинтересовался:

— Что значит это помешательство, Дагенхем?

— Юрист сбит с толку, не так ли? Это часть нашей операции ВФБК. Веселье, фантазия, беспорядок, катастрофа. — Дагенхем повернулся к Престейну и улыбнулся улыбкой мертвой головы. — Могу вернуть вашу плату, если угодно, Престейн.

— Выходите из игры?

— Нет. Получаю колоссальное удовольствие. Готов работать бесплатно. Мне никогда не доводилось сталкиваться с человеком такого масштаба. Фойл уникален.

— То есть? — резко потребовал Шеффилд.

— Я устроил ему побег из Жофре Мартель. Он бежал, однако совсем не так, как я предполагал. Я пытался спасти его от лап полиции беспорядком и катастрофами. Он ушел от полиции, но не так, как я рассчитывал… по-своему. Я пытался спасти его от лап Разведки весельем и фантазией. Он ушел… и опять на свой манер. Я хотел заманить его на корабль, чтобы он сделал бросок на «Но-

мад». Он не поддался на уловку. Достал корабль. И сейчас на нем уже летит.

— А вы следом.

— Разумеется. — В голосе Дагенхема появилось сомнение. — Кстати, что это он делал на Фабрике Бэйкера?

— Пластическая операция? — предположил Шеффилд. — Новое лицо?

— Не может быть. Бэйкер, конечно, недурной хирург, но и он не может сделать пластическую операцию так быстро. У Фойла была забинтована голова.

— Татуировка, — сказал Престейн.

Дагенхем кивнул, улыбка сошла с его губ.

— Вот что меня беспокоит. Вы понимаете. Престейн, если Бэйкер свел татуировку, мы не узнаем Фойла?

— Мой дорогой Дагенхем, лицо-то ведь не изменилось.

— Мы никогда не видели его лица. Видели только маску.

— Я вообще не встречался с ним, — заметил Шеффилд. — На что похожа эта маска?

— На тигра. Я дважды встречался с Фойлом и должен был бы запомнить его лицо, но вот не помню. Узнаю его только по татуировке.

— Нелепо, — резко бросил Шеффилд.

— Нет. Чтобы поверить, Фойла надо видеть. Правда, теперь это уже не имеет значения. Он приведет нас к «Номаду», к вашим сокровищам и ПирЕ, Престейн. Я почти жалею, что все кончено. Ведь я получаю от игры с ним огромное удовольствие. Он воистину уникален.

Глава 7

«Уикенд на Сатурне» — корабль на четверых. Для двоих он более чем просторен, но только не для Фойла и Джиз Мак Куин. Фойл спал в рубке. Джиз сидела в своей каюте.

На седьмой день Джизбелла заговорила с Фойлом во второй раз.

— Пора снимать повязку, Чудовище.

Фойл покинул камбуз, где угрюмо варил кофе, и вплыл за Джизбеллой в ванную. Джизбелла открыла капсулу с эфиром и начала снимать бинты. Медленно сходили полосы прозрачного газового полотна. Фойл мучался от подозрительности.

— Ты думаешь, у Бэйкера все получилось?

Молчание.

— Он ничего не мог пропустить?

Снимаются бинты.

— Болеть перестало два дня назад.

Молчание.

— Ради всего святого, Джиз! Между нами еще война?

Руки Джизбеллы замерли. Она с ненавистью смотрела на забинтованное лицо.

— А ты как думаешь?

— Я спрашиваю тебя.

— Да.

— Почему?

— Тебе не понять.

— Объясни.

— Заткнись.

— Если между нами война, зачем ты пошла со мной?

— За тем, что причитается Сэму и мне.

— Деньги?

— Заткнись.

— Это было вовсе не обязательно. Ты можешь мне доверять.

— Доверять? Тебе? — Джизбелла мрачно засмеялась, продолжая снимать повязку. Фойл грубо отмахнулся от ее рук.

— Я сам.

Она наотмашь ударила его по забинтованному лицу.

— Ты будешь делать то, что говорю тебе я. Спокойно, Чудовище!

Последний слой бинта упал с глаз Фойла. Огромные и темные, они пристально смотрели на Джизбеллу. Веки были чистыми, переносица тоже чистой. Последний слой бинта сошел с подбородка. Подбородок был иссиня-черным. Фойл, жадно наблюдавший в зеркало, хрипло вздохнул.

— Он пропустил подбородок! Бэйкер…

— Заткнись, — бросила Джиз. — Это борода.

Лоб был чист. Щеки под глазами были чисты. Все остальное покрывала черная семидневная щетина.

— Побрейся, — приказала Джиз.

Фойл пустил воду. Смочил лицо. Втер мазь и смыл бороду. Потом он подался к зеркалу и внимательно рассмотрел себя, не замечая, что его голова едва не касается головы Джиз, тоже наклонившейся вперед. От татуировки не осталось и следа. Оба вздохнули.

— Чистое, — прошептал Фойл. — Чистое. — Внезапно он еще ближе придвинул лицо к зеркалу и с удивлением изучил себя. Лицо показалось ему незнакомым, таким же чужим, как оно показалось Джизбелле. — Я изменился — не помню,

чтобы я так выглядел. Он сделал мне пластическую операцию?

— Нет, — сказала Джизбелла. — Твоя душа изменила его. Ты видишь вампира, вампира, лжеца и обманщика.

— Ради бога! Отстань! Оставь меня в покое!

— Вампир, — повторила Джизбелла, глядя в лицо Фойла широко раскрытыми горящими глазами. — Лжец. Обманщик.

Он схватил ее за плечи и пихнул в кают-компанию. Она поплыла по коридору, ударилась о поручень и закрутилась.

— Вампир! — крикнула она. — Лжец! Обманщик! Вампир! Зверь!

Фойл догнал ее. Снова схватил и яростно встряхнул. Ее огненно-красные волосы разметались и всплыли русалочьими косами. Выражение отчаянной ненависти превратило ярость Фойла в страсть. Он обнял ее и зарыл свое новое лицо на ее груди.

— Лжец, — прошептала Джиз. — Животное…

— О, Джиз…

— Свет, — выдохнула Джизбелла. Фойл нащупал сзади выключатель. «Уикенд на Сатурне» продолжал полет к астероидам с темными иллюминаторами…

Они плавали в каюте, нежась, переговариваясь, ласково касаясь друг друга.

— Бедный Гулли, — шептала Джизбелла. — Бедный мой милый Гулли…

— Не бедный, — возразил он. — Богатый… скоро.

— Да, богатый и пустой. У тебя же ничего нет внутри, Гулли, милый… Ничего, кроме ненависти и жажды мести.

— Этого достаточно.

— Сейчас достаточно. А потом?

— Потом? Будет видно.

— Это зависит от того, что у тебя внутри, Гулли, от того, чем ты обладаешь.

— Нет. Мое будущее зависит от другого. И от него я смогу избавиться.

— Гулли… почему ты обманул меня в Жофре Мартель? Почему не сказал о сокровище на «Номаде»?

— Не мог.

— Ты мне не доверял?

— Не то. Просто не мог. Что-то глубоко внутри… то, от чего мне необходимо избавиться.

— Снова контроль, а, Гулли? Ты одержим.

— Да, одержим. Я не могу обучиться самоконтролю, Джиз. Хочу, но не могу.

— А ты пытаешься?

— Да. Видит бог, да. Но вдруг что-то происходит, и…

— И тогда ты срываешься. «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй. Зверь. Хуже зверя».

— Что это?

— Один человек по имени Шекспир написал. Это ты, Гулли… когда теряешь контроль.

— Если бы я мог носить тебя в кармане, Джиз… предупреждать меня… колоть меня булавкой…

— Никто это за тебя не сделает, Гулли. Ты должен научиться этому.

Фойл надолго замолчал. Потом проговорил неуверенно:

— Джиз… насчет этих денег…

— К черту деньги.

— Могу я не делиться?

— Ох, Гулли…

— Нет… не то, что я жадничаю. Если бы не «Ворга», я бы дал тебе все, что ты хочешь. Все! Я отдам тебе каждый цент, когда кончу. Но я боюсь, Джиз. «Ворга» — крепкий орешек… этот Престейн, и Дагенхем, и их адвокат, Шеффилд… Я должен экономить каждый грош, Джиз. Я боюсь, если я дам тебе хоть одну кредитку, то именно ее мне не

хватит на «Воргу». — Он замолчал.

— Ну?

— Ты одержим, — устало произнесла она. — Совершенно одержим.

— Нет.

— Да, Гулли. Какая-то малая часть твоя занимается любовью, а остальное живет «Воргой».

В этот момент неожиданно и пронзительно зазвенел радар.

— Прибыли, — выдохнул Фойл. Вновь напряженный, вновь одержимый, он рванулся в контрольную рубку.

Фойл налетел на астероид с необузданной свирепостью вандала. Корабль резко затормозил, выплевывая пламя из носовых дюз, и лег на орбиту вокруг кучи хлама. Вихрем проносясь мимо большого люка, из которого Джозеф и его братия выходили на сбор космических обломков, мимо кратера, вырванного Фойлом из бока астероида во время отчаянного броска на Землю. Они прошли над окнами парника и увидели сотни запрокинутых лиц, мелких белых бликов, испещренных татуировкой.

— Значит они все-таки спаслись, — пробормотал Фойл. — Ушли вглубь астероида… пока ремонтируют остальное.

— Ты поможешь им, Гулли?

— Зачем?

— Ведь по твоей вине все они чуть не погибли.

— Пускай проваливают к черту. У меня своих хлопот хватает. Но я рад. По крайней мере, не будут мешать.

Он сделал еще один круг над астероидом и подвел корабль к кратеру.

— Начнем отсюда. Одевай скафандр. Джиз. Пойдем! Пойдем!

Он гнал ее, сжигаемый нетерпением и гнал себя. Они залезли в скафандры. Вышли из корабля и стали продираться сквозь дебри кратера в холодные внутренности астероида, извиваться и протискиваться в узкие извилистые ходы, словно пробуравленные гигантскими червями. Фойл включил микроволновый передатчик и обратился к Джиз.

— Осторожнее, не потеряйся. Держись ближе ко мне.

— Куда мы идем, Гулли?

— К «Номаду». Помню, что они вцементировали его в астероид. Не знаю где. Надо искать.

Они двигались бесшумно в безвоздушных проходах, но звук передавался по скалам и стальным каркасам. Когда они остановились перевести ды-

хание у изъеденного корпуса древнего крейсера и, прислонившись к нему, услышали ритмичный стук.

Фойл мрачно улыбнулся.

— Джозеф и Ученый Люд. Просят на пару слов. Уйдем от ответа. — Он дважды стукнул по корпусу. — А теперь личное послание моей жене. — Его лицо потемнело. Он яростно ударил по металлу и повернулся. — Идем.

Сигналы преследовали их постоянно. Наружная часть астероида оказалась необитаемой. Племя, судя по всему, переместилось к центру. Неожиданно в проходе из покореженного алюминия открылся люк, блеснул свет, и в чудовищном старом костюме появился Джозеф. В неуклюжем перелатанном куле, с моляще воздетыми руками стоял он, шевеля дьявольским ртом, гримасничая дьявольским лицом.

Фойл заворожено не отрывал глаз от старика. Сделал шаг вперед. Потом остановился, судорожно сжимая кулаки. Джизбелла, посмотрев на него, в ужасе закричала. Старая татуировка выступила на его лице, кроваво-красная на мертвенно-бледной коже, уже алая, а не черная, настоящая тигриная маска.

— Гулли! — вскричала она, — Боже мой! Твое

лицо!

Фонд не сводил глаз с Джозефа. Тот делал молящие жесты, отчаянно размахивал руками, предлагая войти вовнутрь астероида, потом вдруг исчез. Только тогда Фойл повернулся к Джизбелле.

— Что? Что ты сказала?

Через прозрачный шлем скафандра она отчетливо видела его лицо. По мере того, как утихала ярость, татуировка бледнела и, наконец, пропала.

— Твое лицо, Гулли. Я знаю, что случилось с твоим лицом.

— О чем ты?

— Тебе хотелось иметь при себе контролера, Гулли. Так ты его получил. Твое лицо. Оно… — Джизбелла истерически засмеялась. — Теперь тебе придется обязательно научиться самоконтролю, Гулли. Ты больше никогда не сможешь дать волю эмоциям… чувствам… потому что…

Фойл смотрел мимо нее и внезапно с диким криком сорвался с места. Он резко остановился перед открытым люком и восторженно завопил, потрясая руками. Люк вел в инструментальный шкаф, размером четыре на четыре на девять. В этом гробу Фойл жил на борту «Номада».

Корабль был практически не тронут. Фойл схватил Джизбеллу за руку и потащил по палубам. Наконец, они добрались до каюты капитана. И там, растащив обломки и сорвав обшивку, Фойл нашел массивный стальной сейф, тусклый и неприступный.

— У нас есть выбор, — пробормотал он. — Выдрать сейф из корпуса и отвезти на Землю или открыть здесь. Я за второе — Дагенхем мог солгать. Пошли назад, Джиз.

Он так и не заметил ее молчания и отвлеченного вида, пока не перерыл весь корабль в поисках инструментов.

— Ничего! — в отчаянии воскликнул он. — На борту нет даже молотка или дрели. Абсолютно ничего, кроме открывалок!

Джизбелла молчала, не сводя глаз с его лица.

— Ты чего так на меня уставилась? — раздраженно поинтересовался Фойл.

— Я зачарована, — медленно произнесла она.

— Чем?

— Я тебе кое-что покажу, Гулли.

— Что?

— Свое презрение.

Джизбелла трижды ударила его. Ошеломленный пощечинами, Фойл яростно сверкнул

глазами. Джизбелла взяла зеркальце и поднесла его к нему.

— Взгляни на себя, Гулли, — сказала она спокойно. — Посмотри на свое лицо.

Он посмотрел и увидел налившуюся кровью татуировку, пылавшую под кожей и превращавшую лицо в ало-белую тигриную маску. Его так заворожило ужасное зрелище, что ярость сразу же улеглась, и одновременно исчезла маска.

— Боже мой, — прошептал Фойл. — О, боже мой… Что это значит, Джиз? Бэйкер запорол работу?

— Не думаю. У тебя остались шрамы под кожей, Гулли — от татуировки и от операции. Иголочные шрамы. Они не видны обычно, но стоит тебе потерять самообладание, дать волю чувствам, как они наливаются кровью… когда тебя охватывает страх, бешенство, страсть… Ты понимаешь?

Он покачал головой, все еще изучая свое лицо, пораженно ощупывая его.

— Ты хотел носить меня в кармане, чтобы я колола тебя булавками, когда ты выходишь из себя… У тебя есть теперь кое-что лучше этого, Гулли, или хуже, бедный мой милый. У тебя есть твое лицо.

— Нет, — закричал он. — Нет!

— Тебе теперь нельзя ни на секунду терять контроль над собой, Гулли. Ты никогда не сможешь много пить, сильно ненавидеть, очень любить… тебе придется держать себя в железных тисках.

— Нет! — отчаянно настаивал он. — Все можно изменить. Бэйкер сможет или кто-нибудь другой. Я не хочу отказываться от чувств из боязни, что превращусь в чудовище!

— Думаю, ничего нельзя сделать, Гулли.

— А пересадка кожи.

— Шрамы чересчур глубоки. Ты никогда не сможешь избавиться от своего клейма, Гулли. Придется научиться жить с ним.

С внезапной вспышкой ярости Фойл отшвырнул зеркало. Кроваво-красная маска вновь зардела под кожей. Он бросился в тамбур и стал судорожно напяливать скафандр.

— Гулли! Куда ты? Что ты собираешься делать?

— Достать инструменты! — выкрикнул он. — Инструменты для проклятого сейфа.

— Где?

— В астероиде. У них там десятки складов, набитых инструментами с разбитых кораблей. Там должно быть все, что мне нужно. Не ходи со мной. Могут возникнуть осложнения. Как теперь мое личико? Дает о себе знать? О, господи, ниспошли

мне испытание!

Фойл нашел ход в обитаемую зону и заколотил по двери. Он ждал, и снова колотил, продолжая свой повелительный вызов, пока люк не открылся. Из него высунулись руки и втянули Фойла внутрь, после чего люк захлопнулся.

Фойл моргнул и оскалился, глядя на Джозефа и сгрудившихся невинных братьев с чудовищно разрисованными лицами. Он понял: его лицо сейчас ярко пылает, так как Джозеф неожиданно отпрянул и кошмарный дьявольский рот по слогам прочитал: «НОМАД».

Фойл пошел сквозь толпу, грубо расталкивая всех в стороны, и сокрушительно ударил Джозефа сжатым кулаком. Он бродил по жилым коридорам, смутно припоминая их, пока, наконец, не наткнулся на склад: полупещеру, полукамеру, где хранились инструменты.

Он рылся, отбрасывая ненужное, отбирая дрели, алмазные сверла, кислоты, головые шашки, запалы. В медленно вращающемся астероиде общий вес набранного не превышал ста фунтов. Наспех перевязав все это кабелем, он вышел из склада.

Джозеф и братия поджидали его. Они набросились, как блохи на волка. Фойл жестоко бил их,

расшвыривал и топтал — безжалостно, свирепо, упоенно. Скафандр защищал его от ударов. И он неумолимо шествовал по коридорам, ища люк, ведущий в пустоту.

В шлемофоне раздался голос Джизбеллы, слабый и тревожный.

— Гулли, ты слышишь меня? Это Джиз. Гулли, слушай.

— Ну.

— Две минуты назад появился чужой корабль. Он по другую сторону от астероида.

— Что?!

— Весь расписан желтым и черным, как шершень.

— Цвета Дагенхема!

— Значит, нас все-таки выследили.

— Дагенхем, очевидно, следил за мной с тех пор, как мы вырвались из Жофре Мартель. Я просто болван, не подумал об этом. Как он выследил меня, Джиз? Через тебя?

— Гулли!

— Не обращай внимания. Неудачная шутка. — Он глухо рассмеялся. — Надо спешить, Джиз. Одевай скафандр, беги на «Номад», к сейфу. Спеши, девочка.

— Но…

— Кончаю. Они могут прослушивать нашу волну. Скорей!

Он проложил себе путь сквозь заслон у запертого люка, разбил его и вышел в пустоту внешних переходов. Ученый Люд временно отказался от погони лишь для того, чтобы закрыть люк, но они не собирались оставить его в покое.

Джизбелла ждала у сейфа. Она сделала движение к рации. Фойл прижал свой шлем к ее и прокричал:

— Никакого радио! Запеленгуют! Ты ведь слышишь меня?

Она кивнула.

— Хорошо. У нас есть. может быть, час, пока нас не найдет Дагенхем или не разыщет Джозеф и его братия. Мы попали с тобой в дьявольский переплет. Надо пошевеливаться.

Она снова кивнула.

— Сейф вскрывать некогда… а потом еще перетаскивать слитки.

— Если они там.

— Дагенхем здесь, не так ли? Вот лучшее доказательство. Нам придется вырубить весь сейф и целиком перетащить его на «Уикенд». Потом — вперед.

— Но…

— Слушай и делай, что я велю. Возвращайся на корабль и выброси все лишнее. Все, без чего можно обойтись… все запасы, кроме НЗ.

— Почему?

— Потому что я не знаю, сколько тонн в этом сейфе. Наша яхточка когда-нибудь вернется на Землю, поэтому мы не можем позволить себе рисковать. Очисти корабль. Быстро! Иди, девочка. Иди!

Фойл отбросил ее в сторону и, больше не взглянув в ее сторону, накинулся на сейф. Он был встроен в корпус, массивный стальной шар четырех футов в диаметре, приваренный к каркасу «Номада» в двенадцати местах. Каждый стык Фойл поочередно атаковал кислотами, дрелью и термитом. Он следовал теории напряжения… нагреть, охладить и травить сталь до разрушения ее кристаллической решетки. Брал металл на усталость.

Вернулась Джизбелла. Фойл понял, что прошло 45 минут. Он весь взмок. Руки его дрожали, и все же массивный глобус сейфа удалось отделить от корпуса, растопырив двенадцать вывороченных ребер. Фойл судорожно махнул Джизбелле. И хотя они вместе налегли на шар, им не удалось стронуть его с места. Когда они в изнеможении

отвалились, черная тень закрыла на миг солнечный свет, льющийся через дыры в корпусе «Номада». Фойл прижал шлем к Джизбелле.

— Дагенхем. Наверное уже выпустил поисковую группу. Как только они поговорят с Джозефом, нам каюк.

— Ох, Гулли…

— У нас есть шанс. Если они сразу не заметят «Уикенд». Еще хотя бы пару витков и мы успеем перетащить сейф на борт…

— Как?

— Не знаю, черт подери! Не знаю. — Он яростно ударил кулаком по стене. — Конец.

— А не попробовать ли взрывом?

— Взрывом?… Что — бомбы вместо мозгов? Ты ли это?

— Послушай. Взрыв вместо реактивного двигателя… он подтолкнет.

— Понял. А что потом? Одними взрывами не поможешь. Нет времени.

— А мы приведем корабль.

— Что?

— Взрывом выталкиваем сейф в космос. Затем подводим корабль, и пускай этот гроб падает в грузовой люк. Это все равно, что ловить шляпой шарик. Понимаешь?

— Господи… Джиз, годится!

Фойл прыгнул к инструментам и стал выбирать динамитные шашки и запалы.

— Придется использовать радио. Один из нас останется с сейфом, другой поведет корабль.

— Веди лучше ты. А я буду направлять.

Он кивнул, уже прикрепляя взрывчатку.

— Вакуумные запалы, Джиз, рассчитаны на две минуты. По моей команде срывай колпачок и убирайся подальше. Ясно?

— Ясно.

— Как только ловим сейф, сразу лезь за ним. Не зевай. Времени в обрез.

Фойл хлопнул ее по плечу и вернулся на «Уикенд». И наружный, и внутренний люки он оставил открытыми. Лишившись воздуха, корабль выглядел заброшенным и чужим.

Фойл сразу сел на пульт и включил радио.

— Начинаем, — пробормотал он. — Я иду.

«Уикенд» поднялся легко и свободно, расталкивая хлам, как всплывающий кит. И тут же Фойл крикнул:

— Динамит, Джиз!

Вспышки не было. Новый кратер открылся в астероиде. Распускающимся цветком брызнули в стороны обломки, сразу опередив лениво враща-

ющийся тусклый шар.

— Спокойней. — Голос Джизбеллы звучал холодно и уверенно. — Ты подходишь слишком быстро. И, между прочим, нас накрыли.

Фойл затормозил, тревожно глядя вниз. Поверхность астероида облепил рой шершней. Это была команда Дагенхема в желто-черных полосатых скафандрах. Они кружили вокруг одинокой белой фигурки.

— Не волнуйся. — Джиз говорила спокойно, но он слышал, как тяжело она дышит. — Еще немного… Сделай четверть оборота…

Фойл повиновался почти автоматически, продолжая наблюдать за борьбой внизу. Корма яхты закрыла сейф, однако все еще было видно людей Дагенхема и Джизбеллу. Она включила ранцевый двигатель… крохотный язычок пламени вырвался из ее спины… снова сумела увернуться. Тут же вспыхнули огни людей Дагенхема. С десяток из них прекратили преследовать Джизбеллу и ринулись на «Уикенд».

— Держись, Гулли. — Джизбелла судорожно втягивала воздух. Голос ее звучал уверенно. — Сейчас должен выйти корабль Дагенхема… Так, хорошо… Секунд через десять…

Шершни сомкнулись и поглотили маленький

белый костюм.

— Фойл! Ты слышишь меня, Фойл? — голос Дагенхема сперва еле пробивался через шум, потом вдруг раздался в шлемофоне ясно и отчетливо. — Это Дагенхем говорит на вашей волне. Сдавайся, Фойл!

— Джиз! Джиз! Ты можешь вырваться?

— Так держать, Гулли… Ну, идет!!

Корабль содрогнулся, когда медленно кувыркающийся сейф ударил в главный люк. В тот же миг белая фигурка выскочила из густого роя, и, оставляя огненный хвост, преследуемая буквально по пятам, помчалась к яхте.

— Давай! Джиз! Давай!!! — прямо-таки взвыл Фойл. — Скорей, девочка, скорей!

Джизбелла скрылась из виду за кормой корабля, и Фойл приготовился к максимальному ускорению.

— Фойл! Ты ответишь мне? Говорит Дагенхем.

— Убирайся к черту, Дагенхем! — прорычал Фойл. — Скажи мне, когда будешь на корабле, Джиз, и держись.

— Я не могу попасть, Гулли.

— Ну давай же, девочка!

— Я не могут попасть на корабль. Сейф закрыл проход. Нет никакой щели…

— Джиз!

— Говорю тебе, не могу!! — в отчаянии выкрикнула она. Фойл дико озирался. Люди Дагенхема карабкались по корпусу «Уикенда» со сноровкой профессиональных пиратов. Над низким горизонтом астероида поднимался корабль Дагенхема. У Фойла закружилась голова.

— Фойл, тебе конец. Тебе и девушке. Но я предлагаю сделку…

— Гулли, помоги мне! Сделай что-нибудь, Гулли! Спаси!.. Я погибла!

— Ворга, — озверело выдавил Фойл. Он закрыл глаза и опустил руки на пульт. Взревели кормовые двигатели. «Уикенд» содрогнулся и прыгнул вперед. Он оставил позади пиратов Дагенхема, Джизбеллу, угрозы, мольбы. Безжалостно вдавил Фойла в кресло чудовищным ускорением, ускорением менее жестоким, менее коварным, менее предательским, чем обуявшая его страсть.

На его лице выступило кровавое клеймо.

Часть II
Глава 1

Война смертельным ядом пропитывала планеты. К концу года боевые действия ожесточились. Из романтических приключений и происходящих где-то в глубинах космоса стычек война превратилась в чудовищную бойню.

Воюющие стороны медленно, но неумолимо посылали людей и технику на уничтожение. Внешние Спутники объявили всеобщую мобилизацию. Внутренние Планеты, естественно, последовали их примеру. На службу армии были поставлены торговля, промышленность, науки и ремесла. Начались запреты и преследования.

Коммерция повиновалась, потому что эта война (как и все войны) являлась лишь продолжением политики другими средствами. Люди возмущались и протестовали. Многие джантировали, спасаясь от призыва и принудительных работ. Бродили слухи о шпионах и диверсантах. Паникеры становились Информаторами и Линчевателями. Зловещие предчувствия завладели умами и парализовали жизнь. Конец года

скрашивался лишь прибытием Пятимильного Цирка. Так называлась нелепая свита Джеффри Формайла с Цереса, молодого повесы с одного из крупнейших астероидов. Формайл был невообразимо богат и невообразимо занятен. Его сопровождение представляло собой абсурдный гибрид передвижного цирка и бродячих комедиантов. Таким он и явился в Грин Бэй, Висконсин.

Сперва, ранним утром, прибыл нотариус в высоченном цилиндре, облюбовал большой луг у озера Мичиган и арендовал его за бешеную цену. За ним явилась орава землемеров, в двадцать минут наметившая контуры лагеря. После чего заговорили о прибытии Пятимильного Цирка. Из Висконсина, Мичигана и Миннесоты стали собираться зеваки. На луг джантировали двадцать рабочих, каждый с тюком-палаткой за спиной. Распоряжения, крики, проклятья, истошный вой сжатого воздуха сплелись в единый хор. Двадцать гигантских куполов рванулись вверх, сверкая быстро высыхающей на зимнем солнце радужной пленкой. Толпа наблюдателей одобрительно зашумела.

Над землей повис шестимоторный вертолет. Из его развернувшегося брюха полился водопад мебели. Появились повара, официанты, слу-

ги и камердинеры. Они обставили и украсили шатры. Задымили кухни и дразнящие ароматы наполнили лагерь. Частная полиция Формайла находилась на посту, патрулируя окрестности и отгоняя зевак.

Затем — самолетами, машинами, автобусами, грузовиками и велосипедами — стала прибывать свита Формайла. Библиотекари и книги, лаборатории и ученые, философы, поэты и спортсмены. Разбили площадку для фехтования, ринг для бокса, уложили маты для дзю-до. Свежевырытый пруд молниеносно заполнили водой из озера. Любопытная перебранка произошла между двумя мускулистыми атлетами — подогреть ли воду для плавания или заморозить для фигурного катания.

Прибыли музыканты, актеры, жонглеры и акробаты. Стоял оглушительный гам. Компания механиков в мгновение ока соорудила заправочно-ремонтный пункт и со страшным ревом завела две дюжины дизельных тракторов — личную коллекцию Формайла. После всех появилась обычная лагерная публика: жены, дочери, любовницы, шлюхи, попрошайки, мошенники и жулики. Через пару часов гомон цирка был слышен за пять миль — отсюда и его название.

Ровно в полдень, демонстрируя транспорт столь вопиюще несуразный и крикливый, что рассмеялся бы и закоренелый меланхолик, прибыл Формайл с Цереса. Гигантский гидроплан зажужжал с севера и опустился на поверхность озера. Из его брюха вылезла баржа и поплыла к берегу. Ее борт откинулся. Оттуда на середину лагеря выехал большой старый автомобиль.

— Что теперь? Велосипед?

— Нет, самокат…

— Он вылетит на помеле…

На этот раз Формайл превзошел самые дикие предположения. Над крышей автомобиля показалось жерло цирковой пушки. Раздался грохот. Из клубов черного дыма вылетел Формайл с Цереса. Его поймали сетью, растянутой у самых дверей его шатра. Аплодисменты, которыми его приветствовали, слышали за шесть миль. Формайл взобрался на плечи лакея и взмахом руки потребовал тишины.

— О, господи! Оно собирается произносить речь!

— «Оно»? Вы имеете в виду «он»?

— Нет, оно. Это не может быть человеком.

— Друзья, римляне, соотечественники! — проникновенно воззвал Формайл.

— Доверьте мне свои уши. Шекспир 1564–1616. Проклятье! — Четыре белые голубки выпорхнули из рукавов Формайла. Он проводил из изумленным взглядом. Затем продолжил:

— Друзья, приветствия.

Что за черт?! — Карманы Формайла вспыхнули. Из них с треском взлетели римские свечи. Он попытался погасить пламя. Отовсюду посыпались конфетти.

— Друзья… Молчать! Я все-таки произнесу эту речь! Тихо!.. Друзья!.. — Формайл ошарашено замолчал. Его одежда задымилась и стала испаряться, открывая ярко-оранжевое трико. — Клейнман! — яростно взревел он. — Клейнман! Что с вашим чертовым гипнообучением?!

Из шатра высунулась лохматая голова.

— Ви училь свой речь, Формайль?

— Будьте уверены. Я учил ее битых два часа. Не отрываясь от проклятого курса — Клейнман об иллюзионизме.

— Нет, нет, нет! — закричал лохматый. — Сколько раз мне говорить?! Иллюзионизм не есть красноречий! Есть магия! Ви училь неправильный курс!

Оранжевое трико начало таять. Формайл рухнул с плеч дрожащего слуги и исчез в шатре.

Толпа ревела и бушевала. Коптили и дымили кухни. Кипели страсти. Царил разгул обжорства и пьянства. Гремела музыка. Стоял кавардак. Жизнь неслась на полных парах. Водевиль продолжался.

В шатре Формайл переоделся. Задумался, махнул рукой, переоделся снова. В конце концов накинулся с тумаками на лакеев и на исковерканном французском потребовал портного. Не успев надеть новый костюм, вспомнил, что не принял ванну, и велел вылить в пруд десять галлонов духов. Тут его осенило поэтическое вдохновение, и он вызвал придворного стихотворца.

— Запишите-ка, — приказал Формайл. — Погодите. Рифму на «блещет».

— Вещий, — предложил поэт. — Рукоплещет, трепещет…

— Мой опыт! Я забыл про мой опыт! — вскричал Формайл. — Доктор Кресчет! Доктор Кресчет!

Полураздетый, очертя голову, он влетел в лабораторию, сбив с ног доктора Кресчета, придворного химика. Когда тот попытался подняться, оказалось, что его держат весьма болезненной удушающей хваткой.

— Нагучи! — воскликнул Формайл. — Эй, Нагучи! Я изобрел новый захват!

Формайл встал, поднял полузадушенного химика и джантировал с ним на маты. Инструктор дзю-до, маленький японец, посмотрел на захват и покачал головой.

— Нет, посалуйста, — вежливо просвистел он. — Фссс. Васэ давление на дыхательное горло не есть верно. Фссс. Я покасу вам, посалуйста. — Он схватил ошеломленного химика, крутанул его в воздухе и с треском припечатал к мату в позиции вечного самоудавления. — Смотрисе, посалуйста, Формайл?

К тому времени Формайл был уже в библиотеке и дубасил библиотекаря толстенной «Das Sexual Leben» Блоха, потому что у несчастного не оказалось трудов о производстве вечных двигателей. Он кинулся в физическую лабораторию, где испортил дорогостоящий хронометр, чтобы поэкспериментировать с шестеренками. Джантировал в оркестр. Схватил там дирижерскую палочку и расстроил игру музыкантов. Одел коньки и упал в парфюмированный пруд, откуда был вытащен изрыгающим страшные проклятья по поводу отсутствия льда. Наконец, он выразил желание побыть в одиночестве.

— Хочу пообщаться с собой, — заявил Формайл, щедро наделяя слуг оплеухами, и храпел, не успел

еще последний из них доковылять до двери и закрыть ее за собой.

Храп прекратился. Фойл поднялся на ноги.

— На сегодня им хватит. — Он подошел к зеркалу. Глубоко вздохнул и задержал дыхание, внимательно наблюдая за своим лицом. По истечении одной минуты оно оставалось чистым. Он продолжал сдерживать дыхание, жестко контролируя пульс и мышечный тонус, сохраняя железное спокойствие. Через две минуты двадцать секунд на лице появилось кроваво-красное клеймо. Фойл выпустил воздух. Тигриная маска исчезла.

— Лучше — пробормотал он. — Гораздо лучше. Прав был старый факир — мне поможет лишь йога. Контроль. Пульс, дыхание, желудок, мозг.

Он разделся и осмотрел свое тело. Фойл был в великолепной форме. На коже от шеи до лодыжек до сих пор виднелась сеть тонких серебристых швов. Как будто кто-то вырезал на теле схему нервной системы. То были следы операции. Они еще не прошли.

Операция обошлась в 200 000 Кр. Столько заплатил Фойл главному хирургу Марсианской диверсионно-десантной бригады, бригады Коммандос, чтобы превратить себя в несравнимую

боевую машину. Каждый его нервный центр перестроили. В кости и мускулы вживили микроскопические транзисторы и трансформаторы. К незаметному выходу на спине подсоединили батарею размером с блоху и включили ее. Во всем его теле запульсировали электрические токи.

— Скорее машина, чем человек, — подумал Фойл. Он сменил экстравагантное облачение Формайла с Цереса на скромное черное платье.

Фойл джантировал в одинокое здание среди висконсинских сосен в квартиру Робин Уэднесбери. Это была истинная причина прибытия Пятимильного Цирка в Грин Бэй. Он джантировал, очутился во тьме и осознал: падает. «О, боже!» — мелькнула мысль. «Ошибся?» Ударившись о торчащий конец разбитой балки, он свалился на полуразложившийся труп.

Фойл брезгливо отпрянул, сохраняя ледяное спокойствие, и нажал языком на верхний правый коренник. (Операция, превратившая его тело в электрический аппарат, расположила систему управления им во рту). Тотчас внешний слой клеток сетчатки возбудился до испускания мягкого света. Он взглянул двумя бледными лучами на останки человека. Поднял глаза вверх и увидел проваленный пол квартиры Робин Уэднесбери.

— Разграблено, — прошептал Фойл. — Все разграблено. Что же случилось?

Эпоха джантации сплавила бродяг, попрошаек, бездельников, весь сброд в новый класс. Они кочевали вслед за ночью, с востока на запад, всегда в темноте, всегда в поисках добычи, остатков бедствий, катастроф, в поисках падали. Как стервятники набрасываются на мертвечину, как мухи облепляют гниющие трупы, так они наводняли сгоревшие дома или вскрытые взрывами магазины. Называли они себя не иначе, как джек-джантерами. Это были настоящие шакалы.

Фойл вскарабкался на этаж выше. Там располагались лагерем джек-джантеры. На вертеле жарилась туша теленка. Искры костра через дыру в крыше вылетали высоко в небо. Вокруг огня сидели с дюжину мужчин и три женщины — оборванные, грязные, страшные. Они переговаривались на кошмарном рифмованном слэнге шакалов и сосали картофельное пиво из хрустальных бокалов.

Грозное рычание ярости и ужаса встретило появление Фойла, когда он, весь в черном, испуская из бездонных глаз бледные лучи света, спокойно шел к квартире Робин Уэднесбери. Железное самообладание, вошедшее в привычку, придавало

ему отрешенный вид.

«Если она мертва, — думал он, — мне конец. Без нее я пропал. Если она мертва…»

Квартира Робин, как и весь дом, была буквально выпотрошена. В полу гостиной зияла огромная рваная дыра. Фойл искал тело. На постели в спальне возились женщина и двое мужчин. Женщина закричала. Мужчины взревели и бросились на Фойла. Он отступил назад и нажал языком на верхние резцы. Нервные цепи взвыли. Все чувства обострились. Все реакции ускорились в пять раз.

В результате окружающий мир мгновенно застыл. Звук превратился в басовитое урчание. Цвета сместились по спектру в красную сторону. Двое атакующих плыли с сонной медлительностью. Фойл расплылся в молниеносно двигающееся пятно. Уклонился от застывших кулаков, обошел мужчин сзади и по одному швырнул их в дыру. Они медленно опускались вниз, развернутые рты испускали утробное рычание.

Фойл смерчем обернулся к сжавшейся на постели женщине.

— Здблтл? — взвыло расплывчатое пятно.

Женщина завизжала.

Фойл снова нажал языком на верхние резцы.

Окружающий мир резко ожил. Звук и цвет скачком вернулись на свои места. Тела двух шакалов исчезли в дыре и с грохотом упали на пол этажом ниже.

— Здесь было тело? — мягко повторил Фойл. — Тело молодой негритянки?

Женщина казалась невменяемой. Он схватил ее за волосы и встряхнул. Затем кинул в дыру. В это время из коридора появилась толпа с факелами и импровизированным оружием. Джек-джантеры не были профессиональными убийцами. Они всего лишь мучили беззащитные жертвы до смерти.

— Не досаждайте мне, — тихо предупредил Фойл, роясь в груде мебели и одежды в поисках ключа к судьбе Робин.

Толпа подвинулась ближе, подстрекаемая головорезом в норковом манто и воодушевляемая доносящимися снизу проклятьями. Предводитель швырнул в Фойла факел. Фойл снова ускорился. Джек-джантеры превратились в живые статуи. Фойл взял ножку стула и спокойно стал бить едва двигающиеся фигуры. Повалил бандита в норке и прижал его к полу. Потом нажал на верхние зубы.

Мир ожил. Шакалы попадали. Их предводитель

ревел.

— Здесь было тело, — с окаменевшей улыбкой проговорил Фойл. — Тело негритянки. Высокой. Красивой.

Бандит корчился, извивался, пытаясь дотянуться до глаз Фойла.

— Я знаю, что вы обращаете на это внимание, — терпеливо продолжал Фойл. — Некоторым из вас мертвые девушки нравятся больше живых. Здесь было тело?

Не получив удовлетворительного ответа, он схватил пылающий факел и поджег норковое манто. Потом поднялся и стал наблюдать с отрешенным интересом. Бандит с воем вскочил, споткнулся у края дыры и, охваченный пламенем, полетел в темноту.

— Так было тело? — проводив его взглядом, тихо спросил Фойл и покачал головой над ответом. — Не очень искусно, — пробормотал он. — Надо уметь извлекать информацию. Дагенхем мог бы кое-чему меня научить.

Фойл джантировал и появился в Грин Бэй, так явственно воняя палеными волосами и обугленной кожей, что ему пришлось зайти в местный магазин Престейна (камни, украшения, косметика, парфюмерия) за дезодорантом. Местный

мистер Престо очевидно лицезрел прибытие Пятимильного Цирка и узнал его. Мгновенно Фойл сбросил отрешенное спокойствие и превратился в эксцентричного Формайла с Цереса. Он паясничал и кривлялся, скакал и гримасничал, купил десятиунцевый флакон «№ 5» по 100 Кр за унцию и опрокинул его на себя к вящему удовольствию мистера Престо.

Старший клерк в Архиве ничего не знал, поэтому был упрям и несговорчив.

— Нет, сэр. Документы Архива не разрешается просматривать без надлежащего ордера. Это мое последнее слово.

Фойл посмотрел на него остро, но беззлобно. Астеничный тип, определил он. Худой, тонкокостный, немощный. Эгоист. Недалек. Педантичен. Сух. Неподкупен. Слишком сдержан и нетерпим. Это брешь в его броне. Через час в Архиве появились шесть лиц женского пола, щедро наделенных пороками. Через два часа, одурманенный и соблазненный плотью и дьяволом, клерк выдал нужную информацию. Жилой дом открыли джек-джантеры после взрыва газа пару недель назад. Всех квартирантов переселили. Робин Уэднесбери находится на принудительном лечении в госпитале милосердия близ Железной Горы.

— Принудительное лечение? — недоумевал Фойл. — Почему? Что она сделала?

Организация Рожественского Бардака в Пятимильном Цирке заняла тридцать, минут. В нем приняли участие музыканты, певцы, актеры и толпа — все, кто знал координаты Железной Горы. Ведомые своим главным фигляром, они джантировали с шумом, фейерверками, горячительными и дарами. Прошествовали через город с безудержным весельем и плясками. Ворвались в госпиталь милосердия вслед за Санта Клаусом, ревущим и скачущим с отрешенным спокойствием печального слона. Санта Клаус перецеловал сестер, напоил сиделок, щедро одарил пациентов, забросал пол деньгами из большого мешка, висящего за спиной, и внезапно исчез, когда дикий разгул достиг таких высот, что прибыла полиция. Впоследствии обнаружилось: исчезла также одна пациентка, несмотря на то, что была оглушена наркотиками и не могла джантировать. Собственно говоря, она покинула госпиталь в мешке Санта Клауса.

Фойл джантировал вместе с ней на госпитальный двор и там, в укрытии сосновых крон под морозным небом, помог ей выбраться из мешка. В белом грубом больничном белье она была пре-

красна. Фойл, сбросивший свой шутовской наряд, смотрел на нее, не отрывая глаз.

Девушка была озадачена и встревожена, ее мысли метались как языки раздуваемого ветром костра. «Боже мой! Что произошло? Снова шакалы? Музыка. Буйство. Почему в мешке? Что ему от меня надо? Кто он?»

— Я Формайл с Цереса, — сказал Фойл.

— «Что? Кто? Формайл с… Да, конечно, понимаю. Шут. Паяц. Вульгарность. Непристойность. Слабоумие. Пятимильный Цирк.» О, Господи! Я опять не сдерживаюсь. Вы слышите меня?

— Я слышу вас, мисс Уэднесбери, — тихо проговорил Фойл.

— Зачем вы это сделали? Что вам от меня нужно? Как…

— Я хочу, чтобы вы на меня посмотрели.

— «Бонжур, мадам. В мешок, мадам. Оп! Посмотрите на меня». Я смотрю, — сказала Робин, пытаясь справиться с круговертью мыслей. Она вглядывалась в него и не узнавала. «Это лицо. Я видела такое множество ему подобных. Лица мужчин. О, Господи! Черты мужественности. На уме одна случка.»

— Мой брачный период уже позади, мисс Уэднесбери.

— Простите. Я просто напугана… Вы знаете меня?

— Я знаю вас.

— Мы встречались? — Она внимательно его изучала и не могла узнать. Глубоко внутри Фойл возликовал. Уж если эта женщина не вспомнила его, он в полной безопасности — при условии, что будет держать себя в руках.

— Мы никогда не встречались, — сказал он. — Но я слышал о вас. Мне кое-что нужно. Мы здесь — для разговора. Если мое предложение вам не понравится, можете вернуться в госпиталь.

— Вам что-то надо? *Но у меня ничего нет… ничего, ничего. Ничего не осталось, кроме позора и… О, Господи, почему я выжила? Почему не сумела…*

— Вы пытались покончить с собой? — мягко перебил ее Фойл. — Так вот откуда взрыв газа… И принудительное лечение. Вы не пострадали во время взрыва?

— Там много погибло. Но не я. Должно быть, я невезучая. Мне не везло всю жизнь.

— Почему вы решились на самоубийство?

— Я устала. Я конченный человек. Я все потеряла. Мое имя в черных списках… за мной следят. Мне не доверяют. Нет работы. Нет семьи. Нет… Почему решилась на самоубийство? О, Господи,

что же еще?!

— Вы можете работать у меня.

— Я могу… что вы сказали?

— Я хочу взять вас на работу, мисс Уэднесбери.

Она истерически засмеялась.

— *Еще одна Шлюха Вавилонская.* Работать у вас, Формайл?

— У вас на уме порочные мысли, — упрекнул Фойл. — Я не ищу шлюх. Как правило, они ищут меня.

— *Простите. Я помешалась на чудовище, которое меня уничтожило…* Вы украли меня из госпиталя, чтобы предложить работу. Вы слышали обо мне. Значит, вам нужно что-то особенное.

— Обаяние.

— Что?

— Я хочу купить ваше обаяние, мисс Уэднесбери.

— Не понимаю.

— Ну как же, — терпеливо сказал Фойл. — Вам должно быть ясно. Я — паяц. Сама вульгарность, непристойность, слабоумие. С этим надо покончить. Я хочу нанять вас в качестве светского секретаря.

— Думаете, я вам поверю? Вы в состоянии нанять сотню секретарей, тысячу… С вашими

деньгами. Хотите мне внушить, что вам подхожу только я? Что вам специально пришлось похитить меня?

Фойл кивнул.

— Верно, секретарей тысячи, но не все могут передавать мысли.

— При чем тут это?

— Вы будете вентрологом. Я стану вашей куклой. Я не знаю жизни высшего общества — вы знаете. У них своя речь, свои шутки, свои манеры. Тот, кто хочет быть принятым этим обществом, обязан говорить на их языке. Я не могу, вы — можете. Вы будете говорить за меня, моим ртом…

— Вы могли бы сами научиться…

— Нет. Слишком долго. И потом обаянию не научишься. Я собираюсь купить ваше очарование, мисс Уэднесбери. Теперь о плате. Я предлагаю вам тысячу в месяц.

Ее глаза расширились.

— Вы очень щедры, Формайл.

— Я удалю из вашего личного дела всякое упоминание о попытке самоубийства. Гарантирую, что вас вычеркнут из черного списка. У вас будут деньги и чистое прошлое.

Губы Робин задрожали. Она плакала, всхлипывала и дрожала. Фойл обнял ее за плечи и

успокоил.

— Ну? — спросил он. — Вы согласны?

Она кивнула.

— Вы так добры. Это… Я отвыкла от доброты.

Донесся звук отдаленного взрыва. Фойл оцепенел.

— Боже! — воскликнул он в панике. — Чертов-джант. Я…

— Нет, — возразила Робин. — Не знаю, что такое чертов-джант, но это просто испытания на полигоне. Там… — Она взглянула на лицо. Фойла и закричала. Потрясение от неожиданного взрыва и яркая цепочка ассоциаций лишили его самообладания. Под кожей выступили багровые рубцы татуировки. Робин кричала, не в силах отвести глаз.

Он прыгнул на нее и зажал рот.

— Что, проявилось? — проскрежетал он, страшно оскалясь. — Потерял контроль. Показалось, что я опять в Жофре Мартель. Да, я Фойл — чудовище, которое тебя уничтожило. Ты все равно бы узнала рано или поздно. Я, Фойл, снова вернулся. Ты будешь слушать меня?

Она отчаянно замотала головой, пытаясь вырваться. Фойл хладнокровно ударил ее в подбородок. Робин обмякла. Фойл подхватил ее,

завернул в пальто и стал ждать возвращения сознания. Вскоре ее ресницы вздрогнули.

— *Чудовище… зверь…*

— Я мог сделать не так, — заговорил Фойл. Мог шантажировать тебя. Мне известно, что твоя мать и сестры на Каллисто. Это автоматически заносит тебя в черный список, ipso facto. Верно? Ipso facto. Самим фактом. Латынь. Нельзя доверять гипнообучению. Мне стоило лишь донести, и ты была бы не просто на подозрении… — Он почувствовал ее дрожь. — Но я так не поступлю. Скажу тебе правду, потому что хочу, чтобы ты стала моим другом. Твоя мать на Внутренних Планетах. На Внутренних Планетах, — повторил он. — Она может прибыть на Землю.

— Невредима? — прошептала Робин.

— Не знаю.

— Отпусти меня.

— Ты замерзнешь.

— Отпусти меня.

Он опустил ее на землю.

— Однажды ты меня уничтожил, — сдавленно произнесла она. — Теперь пытаешься снова?

— Нет. Ты будешь слушать?

Она кивнула.

— Я был брошен в космосе. Гнил шесть месяцев.

Пролетал корабль, который мог бы спасти меня. Он прошел мимо. «Ворга». «Ворга-Т.1339». Его название тебе что-нибудь говорит?

— Нет.

— Джиз Мак Куин, мой друг, она мертва, как-то посоветовала мне выяснить, почему меня оставили подыхать. Тогда я узнал, кто отдал этот приказ. И начал покупать информацию о «Ворге». Любую информацию.

— При чем тут моя мать?

— Слушай. Эту информацию оказалось довольно трудно раздобыть. Все документы «Ворги» исчезли из архивов. Я сумел установить три имени… Трое членов команды. Из шестнадцати. Никто ничего не знал или не хотел говорить. И я нашел это. — Фойл протянул Робин серебряный медальон. — Он был заложен одним членом экипажа. Вот все, что мне удалось обнаружить.

Робин охнула и дрожащими пальцами взяла медальон. Внутри находилась ее фотография и фотография еще двух девушек. Когда медальон открылся, объемные фотографии прошептали:

— Маме, с любовью от Робин… Маме, с любовью от Холли…

— Маме, с любовью от Венды.

— Медальон мамы… — со слезами на глазах

проговорила Робин. — Это… Она… Ради бога, где она?! Что с ней?

— Не знаю, — твердо сказал Фойл. — Но догадываюсь. Я думаю, что твоя мать выбралась из этого концентрационного лагеря… Так или иначе.

— И сестры тоже. Она бы никогда их не оставила.

— Может быть, и сестры. Полагаю, что беженцев с Каллисто заставляли платить — деньгами или драгоценностями, — чтобы попасть на борт «Ворги».

— Где они теперь?

— Не имею никакого понятия. Возможно, брошены на Марсе или на Венере. Скорее всего, проданы в трудовой лагерь на Луне, и поэтому не могут разыскать тебя. Я не знаю, где они, но «Ворга» знает.

— Ты лжешь? Обманываешь меня?

— Разве медальон — ложь?… Я хочу выяснить, почему меня обрекли на смерть, по чьей вине. Человек, который отдал приказ, знает, где твоя семья. Он скажет тебе… перед тем, как я его убью. У него хватит времени. Он будет умирать медленно.

Робин, как завороженная, в ужасе смотрела на Фойла. От обуявшей его страсти вновь появилось

кровавое клеймо. Он превратился в тигра, сжавшегося перед смертельным прыжком.

— Я не ограничен в средствах… Неважно, откуда они. У меня есть три месяца. Я достаточно овладел математикой, чтобы рассчитать вероятность. Через три месяца поймут: Формайл с Цереса — Гулли Фойл. Девяносто дней. От Нового Года до 1 апреля. Ты со мной?

— С тобой? — с отвращением воскликнула Робин. — С тобой?!

— Пятимильный Цирк — всего лишь камуфляж. Шут вне подозрений. Все это время я учился, работал, готовился. Теперь мне нужна ты.

— Зачем?

— Я не знаю, куда может завести мой поиск… В высшее общество или в трущобы. Нужно быть готовым и к тому, и к другому. С трущобами я справлюсь сам. Для общества мне нужна ты. Поможешь мне найти «Воргу» и своих родных?

— Я ненавижу тебя, — яростно прошептала Робин. — Презираю тебя. Ты испорчен, ты гадишь, крушишь, уничтожаешь все на своем пути. Когда-нибудь я отомщу тебе.

— Но с Нового Года до 1 апреля мы работем вместе?

— Да. Мы работаем вместе.

Глава 2

В канун Нового Года Джеффри Формайл с Цереса атаковал высшее общество. Сперва, за час до полуночи, он появился в Канберре, на балу у губернатора. Это было пышное зрелище, помпезное и сверкающее красками, ибо традиция требовала, чтобы члены клана носили одежду, модную в год основания клана или патентования его торговой марки.

Мужчины клана Морзе (телефон и телеграф) носили, например, сюртуки, дамы — викторианские фижмы. Шкоды (порох и огнестрельное оружие) вели свои истоки с восемнадцатого века и щеголяли колготками и юбками на кринолине. Дерзкие Пенемюнде (ракеты и реакторы) ходили в смокингах начала XX столетия, а их женщины бесстыдно обнажали ноги, плечи и шеи.

Формайл с Цереса появился в вечернем туалете очень современном и очень черном. Его сопровождала Робин в ослепительно белом платье. Туго схватывающий тонкую талию китовый ус подчеркивал стройность ее прямой спины и грациозную походку.

Черно-белый контраст немедленно приковал к

себе всеобщее внимание.

— Формайл? Паяц?

— Да. Пятимильный Цирк.

— Тот самый?

— Не может быть. Он похож на человека.

Сливки общества окружили Формайла, любопытствующие и настороженные.

— Начинается, — пробормотал Фойл.

— *Успокойся. Покажи им утонченные манеры.*

— Вы — тот самый ужасный Формайл из цирка?

— *Конечно. Улыбайся.*

— Да, мадам. Можете меня потрогать.

— Ох, да вы, кажется, горды? Вы гордитесь своим дурным вкусом?

— *Сегодня проблема вообще иметь какой-нибудь вкус.*

— Сегодня проблема вообще иметь какой-нибудь вкус. Пожалуй, я удачлив.

— Удачливы, но не пристойны.

— Непристоен, но не скучен.

— Ужасны, но очаровательны.

— Я «под влиянием», мадам.

— О, боже! Вы пьяны? Я леди Шрапнель. Когда вы протрезвитесь?

— Я под вашим влиянием, леди Шрапнель.

— А, вы испорченный молодой человек! Чарлз! Чарлз! Иди сюда и спасай Формайла. Я гублю его.

— *Это Виктор из «Эр-Си-Эй».*

— Формайл? Рад. Сколько стоит ваш антураж?

— *Скажи правду.*

— Сорок тысяч, Виктор.

— Боже всемогущий! В неделю?

— В день.

— Зачем вы тратите такие деньги?

— *Правду!*

— Ради рекламы, Виктор.

— Ха! Вы серьезно?

— Я говорила тебе, он испорчен, Чарлз.

— Чертовски приятно. Клаус! Послушай. Этот нахальный молодой человек тратит сорок тысяч в день ради рекламы.

— *Шкода из Шкода.*

— Добрый вечер, Формайл. Меня весьма интересует история вашего имени. Полагаю, вы потомок основателей компании «Церес, Инк.»?

— *Правду.*

— Нет, Шкода. Я купил компанию и титул. Я выскочка.

— *Отлично.*

— Честное слово, Формайл, вы откровенны!

— Я же говорил, что он нахален. Свежая струя.

Выскочек хватает. Элизабет, познакомься с Формайлом с Цереса.

— Формайл! Мне до смерти хотелось вас видеть!

— *Леди Элизабет Ситроен.*

— Правда, что вы путешествуете с передвижным колледжем?

— С институтом, леди Элизабет.

— Но с какой стати, Формайл?

— О, мадам, так трудно тратить деньги в наши дни. Приходится выискивать самые глупые предлоги. Пора кому-нибудь придумать новое сумасбродство.

— Вам следует путешествовать с изобретателем, Формайл.

— У меня он есть, да, Робин? Он тратит время на вечный двигатель. А мне требуется **настоящий** мот. Никакой из ваших кланов не мог бы ссудить мне младшего сына?

— Стало быть, вам нужен вечный расточитель?

— Нет. Это постыдная трата денег. Весь смак экстравагантности в том, чтобы вести себя как дурак, чувствовать себя дураком и наслаждаться этим. Где изюминка вечного движения? Есть ли экстравагантность в энтропии? Миллионы на че-

пуху, но ни гроша на энтропию — вот мой девиз.

Все рассмеялись. Обступившая Формайла толпа росла. У них появилась новая игрушка.

Большие часы возвестили наступление Нового Года. Собравшиеся приготовились джантировать вслед за полночью вокруг света.

— Идем с нами на Яву, Формайл. Реггис Шеффилд устраивает восхитительный вечер. Мы будем играть «Судья-трезвенник».

— В Гонконг, Формайл!

— В Токио, Формайл! В Гонконге дождь. Давайте в Токио и захватите свой цирк.

— Нет, благодарю вас. Я в Шанхай. Встретимся все через два часа. Готова, Робин?

— *Не джантируй. Дурные манеры. Выйди. Медленно. Сейчас высший шик — в томности. Засвидетельствуй почтение губернатору… Уполномоченному… их дамам… Не забудь дать на чай прислуге. Не ему, идиот! Это вице-губернатор… Ну хорошо, экзамен выдержан. Тебя приняли. Что теперь?*

— Теперь то, зачем мы в Канберре.

— Разве не ради бала?

— Ради бала и человека по имени Форрест.

— Кто это?

— Бен Форрест, бывший член экипажа «Ворги».

У меня есть три нити к тому, кто дал приказ бросить меня умирать. Три имени. В Риме — повар Погги. В Шанхае — знахарь Орель. И этот человек Форрест. У нас два часа, чтобы расколоть его. Ты знаешь координаты Аусси?

— Я не желаю принимать участие в твоей мести. Я ищу семью.

Он так посмотрел на нее, что она вздрогнула и сразу джантировала. Когда Фойл появился в Пятимильном Цирке, она уже переодевалась в дорожное платье. Хотя Фойл и заставил ее жить с ним в одном шатре по соображениям безопасности, он никогда больше не трогал ее. Робин поймала его взгляд и застыла.

Фойл покачал головой.

— Мой брачный сезон позади.

— Как интересно. Ты отказался от насилия?

— Одевайся, — отрезал он. — И передай, что я даю два часа на переезд лагеря в Шанхай.

В ноль тридцать Фойла и Робин встретил сам мэр Аусси.

— С Новым Годом! — пропел он и втолкнул их в вертолет. — Счастье! Счастье! Позвольте мне показать вам город. Сегодня у нас масса гостей. Вот наш ледяной дворец… слева бассейны… Большой купол — лыжный трамплин. Снег круглый

год. Тропический сад под стеклянной крышей. Пальмы, попугаи, орхидеи, фрукты… Наш рынок-театр… своя телевизионная компания. Взгляните на футбольный стадион. Двое наших парней вошли в сборную. Да, сэр, у нас имеется все. Абсолютно все. Вам не надо джантировать по всему свету в поисках развлечений. Наш город — маленькая вселенная. Самая счастливая маленькая вселенная в мире… Форрест, вы говорите? Вот.

Он высадил их перед особняком в швейцарском стиле и сразу взлетел. Фойл и Робин ступили на крыльцо. Вдруг дверь перед ними вспыхнула красным и мертвенно-белым огнем засияли на ней череп и кости. Раздался механический голос: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ЭТОТ ДОМ ЗАЩИЩЕН ОТ ВТОРЖЕНИЯ СИСТЕМОЙ ШВЕДСКОЙ КОМПАНИИ „ОБОРОНА“. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

— Что за черт? — пробормотал Фойл. — В канун Нового Года? Дружелюбен, нечего сказать… Попробуем сзади.

Они обошли особняк, преследуемые световой и звуковой сигнализацией. Из ярко освещенного подвального окна донесся невнятный хор голосов:

— Господь мой пастырь…

— Христиане-подвальники! — воскликнул

Фойл. Они заглянули в окно. Около тридцати верующих разных исповеданий праздновали Новый Год, справляя комбинированную и в высшей степени нелегальную службу.

XXIV столетие хотя и не отменило Бога, запретило организованную религию.

— Не удивительно, что дом превращен в крепость, — произнес Фойл. — С таким-то мерзким занятием… Посмотри, там и священник, и раввин, а та штука сзади — распятие… Идем.

Задняя стена особняка сделана из толстого стекла, открывавшего вид в пустую, тускло освещенную гостиную.

— Ложись, — приказал Фойл. — Я вхожу.

Робин легла ничком. Фойл ускорился и резким ударом разбил стекло. Где-то в самом низу частотного диапазона послышались глухие разрывы. Это были выстрелы. Фойл упал на пол и прослушал весь диапазон звуковых волн до ультразвука, пока, наконец, не уловил гул механизма управления. Затем проскользнул сквозь поток пуль и отключил питание. Потом затормозился.

— Иди сюда, быстро!

Робин с опаской вошла в гостиную. Где-то забегали христиане-подвальники, страдальчески стеная.

— Жди здесь, — буркнул Фойл и вновь ускорился. Он молнией скользнул по дому, нашел христиан-подвальников, застывших в паническом беге и, вернувшись к Робин, замедлился.

— Форреста среди них нет, — сообщил Фойл. — Возможно, он наверху.

Они помчались по лестнице и остановились перевести дыхание на площадке перед последним пролетом.

— Надо торопиться, — выдохнул Фойл. — Сейчас сюда могут джантировать…

Внезапно он замолчал. Из-за двери наверху донесся низкий протяжный звук. Фойл принюхался.

— Аналог! — воскликнул он. — Наверное, Форрест. Надеюсь только, что он не горилла.

Фойл прошел сквозь дверь, как тяжелый трактор. Они оказались в просторной пустой комнате. С потолка свисал толстый канат. Между полом и потолком, переплетясь с канатом, висел голый мужчина. Он зашипел и поднялся выше.

— Питон, — пробормотал Фойл. — Это уже легче… Не подходи к нему. Может раздавить все твои кости.

Снизу раздались голоса:

— Форрест! Что за стрельба? С Новым Годом,

Форрест! Где ты?

— Идут, — прохрипел Фойл, — надо джантировать с ним. Встретимся на берегу.

Он выхватил из кармана нож, перерезал канат, взвалил извивающегося полузверя на спину, джантировал и появился на берегу на секунду раньше Робин. Вокруг его шеи и плеч питоном обвивался голый мужчина, сдавливая его в ужасающем объятии. Кровавое клеймо вспыхнуло на лице Фойла.

— Синдбад, — выдавил он, — мореход… Быстро! Правый карман. Второй внизу. Ампула… — Его голос прервался.

Робин открыла карман, вытащила пакет микроампул и уколола извивающегося человека в шею. Тот обмяк. Фойл стряхнул его и поднялся с песка.

— Боже, — всхлипнул он, потирая горло, и глубоко вздохнул. — Контроль, — прошептал он, вновь принимая выражение отрешенного спокойствия. Багровая татуировка сразу исчезла с его лица.

— Что это за ужас? — спросила Робин.

— Аналог. Лекарственный наркотик для психопатов. Запрещенный. Психу надо как-то дать себе выход: возврат к первобытному. Он отождеств-

ляется с каким-нибудь животным. С гориллой, гризли, волком… Принимает дозу и…

— Откуда ты все это знаешь?

— Говорил тебе — готовился… готовился к «Ворге». Это кое-что из того, что мне удалось узнать. Покажу тебе еще кое-что, если не трусишь. Как вывести его из аналога.

Фойл открыл другой карман своего боевого костюма и начал работать над Форрестом. Робин сперва смотрела. Потом в ужасе застонала. Отвернулась и отошла к самой кромке воды, где стояла, слепо глядя на прибой и звезды, пока ее не позвал Фойл.

— Можешь вернуться.

Робин приблизилась к полууничтоженному существу, копошащемуся у ног Фойла и смотрящему на него тусклыми трезвыми глазами.

— Ты — Форрест?

— Кто вы?…

— Ты — Бен Форрест, бывший член экипажа престейновской «Ворги»… Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на борту «Ворги».

Форрест всхлипнул и затряс головой.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо разбитого корабля, остатков «Номада». Он дал сигнал о помощи. Но

вы ушли. Обрекли его на гибель. Почему «Ворга» прошел мимо?

Форрест страшно закричал.

— Кто приказал пройти мимо?

— Боже! Нет! Нет! Нет!

— Из архивов пропали все документы. Кто-то наложил на них лапу раньше меня. Кто? Кто находился на борту «Ворги»? Кто был с тобой? Кто командовал?

— Нет! — надрывался Форрест. — Нет!!!

Фойл сунул в лицо бьющегося в истерике человека пачку банкнот.

— Я плачу за информацию. Пятьдесят тысяч. Аналог до конца дней твоих. Кто приказал бросить меня околевать? Кто?

Форрест вырвал деньги из рук Фойла, вскочил и побежал по берегу. Фойл нагнал его и повалил на песок, головой в воду.

— Кто командовал «Воргой», Форрест? Кто отдал приказ?

— Ты его утопишь — закричала Робин.

— Пускай помучается, вода лучше, чем космос. Я мучался шесть месяцев. Кто отдал приказ?

Форрест пускал пузыри и захлебывался. Фойл за волосы приподнял его голову.

— Ты что? Преданный? Сумасшедший? Напу-

ганный? Такие, как ты, продаются с потрохами за пять тысяч. Я предлагаю пятьдесят. Пятьдесят тысяч за пару слов, ты, сукин сын. Иначе сдохнешь медленно и болезненно.

На лице Фойла выступила татуировка. С силой вжав голову Форреста в воду, он навалился на извивающееся тело. Робин пыталась оттащить Фойла.

— Ты убиваешь его!

Фойл повернул к Робин свое кошмарное лицо.

— Прочь руки, сволочь!.. Кто был с тобой на борту, Форрест? Кто отдал приказ? Почему?

Форрест извернулся и приподнял голову.

— Нас было двенадцать, — хватая ртом воздух прохрипел он. — Господи, спаси меня! Я, Кемп…

Он судорожно дернулся и обмяк. Фойл вытащил тело из воды.

— Ну, продолжай! Ты и кто? Кемп? Кто еще? Говори!

Ответа не было. Фойл склонился ниже.

— Мертв… — прорычал он.

— О, Господи! Господи!

— Одна нить к черту. И только когда раскололся. Что за невезенье… — Фойл глубоко вздохнул и, как за щитом, укрылся за стеной безразличия. Татуировка исчезла с его лица. — В Шанхае почти

полночь. Пора. Возможно, удача ждет нас с Сержем Орелем, помощником корабельного врача. Не смотри на меня так. Это всего лишь убийство. Вперед, крошка! Джантируй!

Робин охнула и ошеломленно уставилась куда-то за его спину. Фойл повернулся. На песке возникла пылающая фигура, высокий мужчина в охваченной огнем одежде, со страшно татуированным лицом. Это был он сам.

— Боже! — выдавил из себя Фойл. Он шагнул в сторону своего горящего двойника, и видение сразу исчезло. Дрожа от потрясения, Фойл повернулся к Робин.

— Видела?

— Да.

— Что это было?

— Ты.

— Ради бога! Как это возможно? Как…

— Это был ты.

— Но… — Он запнулся, обессиленный и растерянный. — Галлюцинация?

— Не знаю.

— Боже всемогущий! Видеть себя… лицом к лицу… Одежда пылала… Что же это?

— Это был Гулли Фойл, — проговорила Робин, — горящий в аду.

— Хорошо, — свирепо прошипел Фойл. — Я в аду. Но меня и это не остановит. Если мне суждено гореть в аду, «Ворга» будет гореть со мной. — Он резко сжал кулаки, вновь обретая силу и целеустремленность. — Меня не остановить, клянусь! На очереди Шанхай. Джантируй!

Глава 3

На Костюмированном Балу в Шанхае Формайл с Переса взбудоражил публику, появившись в роли Смерти из дюреровской «Смерти и девушки». Его сопровождало ослепительное создание, закутанное в прозрачные вуали. Викторианское общество, душившее своих женщин паранджой и считавшее платья клана Пенемюнде верхом дерзости, было шокировано. Но когда Формайл открыл, что это не женщина, а великолепный андроид, мнение немедленно изменилось в его пользу. Общество пришло в восхищение от искусного обмана. Обнаженное тело, позорное у человека, — всего лишь бесполая диковинка у андроида.

Ровно в полночь Формайл пустил андроида с аукциона.

— Деньги идут на благотворительность, Фор-

майл?

— Конечно, нет! Вам известен мой девиз: «Ни гроша на энтропию!»... Что я слышу? — сто кредитов за это дорогое и очаровательное создание? Всего лишь одна сотня, джентльмены? Сама красота и изумительная приспособляемость. Две? Благодарю. Три с половиной? Благодарю. Предложено... пять? Восемь? Благодарю. Давайте, давайте! Кто больше? Замечательный плод местного гения Пятимильного Цирка. Она ходит, говорит, приспосабливается. В нее заложена обязательная любовь к хозяину. Девять? Кто еще? Что и это все? Вы побиты? Вы сдаетесь? Продано, лорду Йельскому за девятьсот кредитов.

Шум, аплодисменты и недоуменные подсчеты: «Боже, такой андроид должен стоить девяносто тысяч! Так тратить деньги...»

— Будьте любезны, передайте деньги андроиду, лорд Йель. Она отреагирует соответственно... До встречи в Риме, леди и джентльмены!.. Ровно в полночь во дворце Борджиа. С Новым Годом!

Формайл уже исчез, когда, к собственному восторгу и к восторгу прочих холостяков, лорд Йель обнаружил, что их обманули дважды. Андроид оказался живым человеческим существом. Сама красота и изумительная приспособляе-

мость. На девятьсот кредитов она отреагировала великолепно. Шутку долго еще смаковали в курительных салонах. Купленным на корню холостякам не терпелось поздравить Формайла.

А в это время Фойл и Уэднесбери, прочитав табличку «Джантируйте вдвое дальше или получите вдвое больше» на семи языках, ступили во владения «д-ра Ореля, несравненного мастера увеличения возможностей мозга».

Стены приемной покрывали зловещие огненные карты, наглядно поясняющие, как д-р Орель припарками, бальзамами, магнитными полями и электролизом заставлял мозг удвоить дальность джантации или денежную наличность. Кроме того, врач улучшал память жаропонижающими слабительными, укреплял мораль тонизирующими примочками и снимал душевные страдания Целительным Зельем Ореля. Приемная была пуста. Фойл наугад открыл дверь, увидел длинную госпитальную палату и в отвращении скривился.

— Притон для Снежков. Кокаинщики. Мог бы догадаться, что он и этим не брезгует…

Притон предназначался для Болезников, самых безнадежных наркоманов. Они покоились в больничных койках, умеренно страдая от

нарочно вызванных пара-кори, пара-гриппа, пара-малярии. Жадно наслаждались незаконными болезнями и вниманием сестер в ослепительно белых халатах.

— Взгляни на них, — презрительно бросил Фойл. — Отвратительно. Если есть что-то более мерзкое, чем нарко-религия, то только это.

— Добрый вечер, — сзади раздался голос. Фойл захлопнул дверь и повернулся. Перед ним стоял доктор Орель, деловитый и аккуратный, в классической белой шапочке, халате и хирургической маске медицинского клана, к которому принадлежал лишь по мошенническому утверждению.

— Сюда, пожалуйста, — указал доктор Орель и тут же с хлопком исчез. За указанной дверью открывался длинный лестничный пролет. Когда Фойл и Робин стали подниматься по ступеням, доктор Орель возник наверху. — Сюда, сюда, пожалуйста. О… один момент. — Он исчез и возник снова сзади них. — Вы забыли закрыть дверь. — Он закрыл дверь и опять джантировал, на сей раз появившись на площадке. — Пожалуйста, проходите.

— Показуха, — пробормотал Фойл. — Джантируйте вдвое дальше или получите вдвое больше… Так или иначе, он дьявольски проворен. Мне

здесь придется не зевать.

Шарлатан ждал за столом в заставленной внушительной, но устаревшей медицинской техникой комнате. Он джантировал к двери, закрыл ее. Джантировал назад за стол, поклонился, указал на стулья. Джантировал к Робин и любезно помог ей сесть. Джантировал к окну и поправил шторы. Джантировал к выключателю и включил свет и снова появился за столом.

— Всего лишь год назад, — улыбнулся Орель, — я вовсе не мог джантировать. Затем открыл секрет — Целебное Промывание, которое…

Фойл коснулся языком пульта управления, вмонтированного в нервные окончания зуба, и ускорился. Он без спешки поднялся, ступил к застывшей фигуре, что-то утробно тянувшей, достал тяжелый кастет и со знанием дела ударил Ореля по лбу, вызывая сотрясение передних долей и повреждая центр джантации. Потом он привязал его к стулу. Все это заняло не более пяти секунд и предстало перед Робин одним размытым движением.

Фойл замедлился. Шарлатан дернулся и сверкнул глазами яростно и растерянно.

— Итак, вы — Орель, помощник врача на «Ворге», — тихо произнес Фойл.

— Шестнадцатого сентября 2336 года вы находились на борту корабля.

Ярость и растерянность превратились в ужас.

— Шестнадцатого сентября рядом с поясом астероидов вы проходили мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи. Вы ушли. Бросили его и обрекли на гибель. Почему?

Орель закатил глаза, но не ответил.

— Кто отдал приказ уйти? Кто хотел, чтобы я сгнил заживо?

Орель невнятно замычал.

— Кто находился на борту «Ворги»? Кто еще был с тобой? Кто командовал?… Я добьюсь ответа, не сомневайся. — Фойл чеканил с холодной свирепостью. — Деньгами или силой… Почему меня бросили на смерть? Кто приказал оставить меня издыхать?

Орель вскрикнул.

— Я не могу говорить о… Погодите, пока… — Он обмяк.

Фойл осмотрел тело.

— Мертв, — пробормотал он. — И как раз, когда начал говорить. Как Форрест.

— Убит.

— Нет. Я его пальцем не тронул. Самоубийство, — мрачно хохотнул Фойл.

— Ты сумасшедший…

— Нет, просто мне смешно. Я не убивал их. Я вынудил их покончить с собой.

— Что за ерунда?

— Им поставили Блок Сочувствия. Слыхала о БС, милая? Его ставят всем секретным агентам. Возьми некую часть информации, разглашать которую нежелательно. Свяжи ее с симпатической нервной системой, контролирующей дыхание и сердцебиение. Когда субъект пытается раскрыть эту информацию, срабатывает блок. Сердце и легкие останавливаются. Человек умирает. Тайна сохранена. И агенту не надо думать о самоубийстве, чтобы избежать пыток. Все будет сделано за него.

— Этим людям?…

— Очевидно.

— Но почему?

— Откуда мне знать?… Перевозка беженцев тут ни при чем. «Ворга», видимо, занимался куда более серьезными делами, иначе к чему такие меры предосторожности. Вот задача. Последняя нить — Погги в Риме. Анжело Погги, помощник шеф-повара. Как нам добыть из него информацию… — Фойл запнулся на полуслове.

Перед ним стоял его образ, немой, зловещий,

огненное лицо, пылающая одежда.

Фойл был парализован. Он судорожно вздохнул и выдавил дрожащим голосом:

— Кто ты? Что…

Образ исчез.

Фойл провел языком по пересохшим губам и повернулся к Робин.

— Ты видела?… — Ее лицо говорило само за себя. — Это… на самом деле?

Она показала на стол Ореля, возле которого стоял пылающий образ. Бумаги на столе воспламенились и ярко горели. Все еще перепуганный и ошеломленный, Фойл неуверенно попятился назад и провел рукой по лицу. Оно оказалось влажным.

Робин бросилась к столу и попыталась сбить пламя. Фойл не шелохнулся.

— Я не могу погасить огонь! — наконец выдохнула она. — Надо убираться отсюда. Быстро!

Фойл кивнул с отсутствующим видом. Потом, явно напрягая всю свою волю, взял себя в руки.

— В Рим, — хрипло выдохнул он: — Джантируем в Рим. Этому должно быть какое-то объяснение. Я найду его, клянусь всем на свете! А пока… Рим. Джантируй, девочка, джантируй!

Со времен Средних веков Испанская Лестница

служила местом средоточения отбросов Рима. Поднимаясь широкой длинной эстакадой от Пиацца ди Испанья до садов виллы Борджиа, Испанская Лестница кишела, кишит и будет кишеть пороком. Ступени заполоняют сводники, попрошайки, шлюхи, извращенцы и воры. Наглые и высокомерные, они гордо выставляют себя напоказ и глумятся над случайно проходящими «порядочными».

Ядерные войны конца XX столетия уничтожили Испанскую Лестницу. Ее отстроили вновь, и снова уничтожили во время Мирового Восстановления в XXI веке. Еще раз отстроили и на этот раз защитили взрывоупорным кристаллическим куполом. Купол загородил вид, открывавшийся из дома, где почил великий Китс. Посетители больше не прильнут к узкому окошку, дабы прочувствовать картину, которую лицезрел умирающий поэт. Теперь виден был лишь дымчатый купол Испанской Лестницы и, сквозь него, — искаженные тени Содома и Гоморры внизу.

Тысячелетиями Рим встречал Новый Год всякого рода фейерверками, ракетами, торпедами, стрельбой, шутихами, бутылками, банками… Римляне целыми месяцами сберегали старье и рухлядь, чтобы выбросить из окон, когда пробьет

полночь. Какофония вспышек, рев голосов, треск огненной иллюминации, шум падающего на купол хлама оглушили Фойла и Робин Уэднесбери, улизнувших с карнавала во Дворце Борджиа.

Они были еще в костюмах. Фойл — в черно-красном обтягивающем камзоле Цезаря Борджиа, Робин — в расшитом серебристом платье Лукреции Борджиа. Лица их скрывали нелепые вельветовые маски. Контраст между их старинными нарядами и современным тряпьем вокруг вызывал поток насмешек и присвистываний. Даже «лобо», постоянные завсегдатаи Испанской Лестницы, неудачливые закоренелые преступники, у которых вырезали четверть мозга, временно вышли из мрачной апатии. Толпа вскипела вокруг спускающейся по ступеням пары.

— Погги, — спокойно повторял Фойл. — Анжело Погги?

Кошмарный урод надвинул свое лицо и сатанически захохотал.

— Погги? Анжело Погги? — бесстрастно спрашивал Фойл. — Мне сказали, его можно найти ночью на Лестнице. Анжело Погги?

Чудовищная шлюха помянула его мать.

— Анжело Погги? Десять кредитов тому, кто его покажет.

Фойла мгновенно окружили протянутые руки — изуродованные, вонючие, жадные. Он покачал головой.

— Сперва показать.

Вокруг бурлил римский гнев.

— Погги? Анжело Погги?

После шести недель бездарной траты времени, после шести недель томительного ожидания капитан Питер Йанг-Йовил наконец услышал слова, которые надеялся услышать все это время. Шесть недель тягостного пребывания в шкуре некоего Анжело Погги, давно умершего помощника повара «Ворги». С самого начала это была авантюра, задуманная, когда до Разведки стали доходить сведения, что некто осторожно собирает данные о команде престейновской «Ворги» — и при этом не стесняется в средствах.

— Это выстрел наугад, — признал тогда капитан Йанг-Йовил. — Но Гулли Фойл, АС-128/127.006 все-таки совершил безумную попытку взорвать «Воргу». А двадцать фунтов ПирЕ стоят такого выстрела.

Теперь он вперевалку спускался по ступеням навстречу человеку в старинном камзоле и маске. Опустившийся повар с воровской наружностью, протягивающий кипу замаранных конвертов.

— Грязные картинки, сеньор? Христиане-подвальники — молятся, целуют крест? Очень мерзко, очень непристойно, сеньор. Развлеките своих друзей… заинтересуйте дам…

— Нет. — Фойл небрежно отодвинул его рукой. — Я ищу Анжело Погги.

Йанг-Йовил подал незаметный сигнал. Его люди на лестнице стали снимать и записывать происходящий разговор, не прекращая сводничать и продаваться. Секретная Речь Разведывательной Службы вооруженных сил Внутренних Планет гремела вокруг Фойла и Робин градом перемигиваний, ужимок, гримас, жестов на древнем китайском языке век, бровей, пальцев и неуловимых телодвижений.

— Сеньор? — прогнусавил Йанг-Йовил.

— Анжело Погги?

— Си, сеньор. Я Анжело Погги.

— Помощник повара на «Ворге»?

Ожидая знакомое выражение смертельного ужаса, которое он, наконец, понял, Фойл резко схватил локоть Йанг-Йовила.

— Да?

— Си, сеньор, — безмятежно ответил Йанг-Йовил. — Чем могу заслужить вашу милость?

— Может быть, этот… — пробормотал Фойл

Робин. — Он не испуган. Может быть, он знает, как обойти блок.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что рассказал, Погги. Я хочу купить все, что тебе известно. Все. Называй цену.

— Но, сеньор! Я человек немолодой и бывалый. Мой опыт нельзя купить целиком. Мне надо платить пункт за пунктом. Выбирайте, что вас интересует, а я буду называть цену. Что вам угодно?

— Ты находился на борту «Ворги» шестнадцатого сентября 2336 года?

— Цена ответа 10 Кр.

Фойл мрачно усмехнулся и выложил деньги.

— Да, сеньор.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи, а «Ворга» ушел. Кто отдал приказ?

— Ах, сеньор!

— Кто отдал приказ, и почему?

— Зачем вам это, сеньор?

— Не твое дело. Называй цену и выкладывай.

— Перед ответом мне надо узнать причину вопроса, сеньор. — Йанг-Йовил сально ухмыльнулся. — За свою осторожность я заплачу снижением

цены. Почему вас так интересует «Ворга» и «Номад», и это позорное предательство в космосе? Уж не вы ли, случаем, оказались там брошенным?

— Он не итальянец! Произношение идеальное, но совсем не те обороты. Ни один итальянец не станет так строить предложения.

Фойл застыл. Зоркие опытные глаза Йанг-Йовила, натренированные улавливать и распознавать малейшие детали, заметили перемену. Йанг-Йовил мгновенно понял, что он где-то ошибся, и подал условный знак.

На Испанской Лестнице сразу после этого вскипела ссора. Через секунду Фойл и Робин оказались в гуще разъяренной, вопящей, дерущейся толпы. Люди Йанг-Йовила были виртуозами обходного маневра, рассчитанного на предотвращение джантации и основанного на том, что между неожиданным нападением и защитной реакцией неминуемо должно пройти время. Специалисты из Разведки гарантировали: в течение этого времени их молниеносные действия застанут любого атакуемого врасплох и лишат его возможности спастись.

В три пятые секунды Фойла отколотили, швырнули на колени, оглушили, бросили на ступени и распластали. Маску с лица сорвали. Он лежал, об-

наженный и беззащитный, перед равнодушными глазами камер. Затем, впервые за всю историю существования этой процедуры, привычный ход событий был нарушен.

Появился человек, поправ ногами распростертое тело Фойла… Гигантский человек с чудовищно татуированным лицом и дымящейся одеждой. Видение было таким ужасающим, что все застыли. Толпа на Лестнице взвыла.

— Горящий человек! Глядите! Горящий человек!

— Но это Фойл — прошептал Йанг-Йовил. С четверть минуты видение молча стояло, пылая, дымясь, пепеля взглядом слепых глаз. Потом оно исчезло. Распростертый на ступенях человек тоже исчез. Он обернулся в размытое пятно действия. Молнией заскользил среди толпы, отыскивая и уничтожая камеры, магнитофоны, все регистрирующие устройства. Затем пятно метнулось к девушке в старинном платье, схватило ее и исчезло.

Испанская Лестница вновь ожила, мучительно, тягостно, словно приходя в себя после кошмара. Ошеломленные разведчики собрались вокруг Йанг-Йовила.

— Господи, что это было, Йео?

— Я думаю, что это наш человек, Гулли Фойл. Та же татуировка на лице.

— А горящая одежда!..

— Как ведьма на вертеле…

— Но если огненное явление — Фойл, на кого мы тратили время?

— Не знаю. Нет ли у Бригады Коммандос разведывательной службы, о которой они не удосужились сообщить?

— При чем тут Коммандос, Йео?

— Не видел, как наш «Ноги-в-руки» ускорился? Он уничтожил все снимки и записи.

— Не могу поверить собственным глазам.

— Это величайший секрет Коммандос. Они разбирают своих людей на винтики, перестраивают и перенастраивают их. Я свяжусь с марсианским штабом и узнаю, не ведут ли они параллельное расследование… Да, и еще. С той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо… — Йанг-Йовил на минуту замолчал, впервые не замечая многозначительных взглядов вокруг. — Надо выяснить, кто она, — добавил он мечтательно.

— Если она тоже перестроена, это, действительно, любопытно, Йео, — произнес нарочито бесстрастный мягкий голос. — Ромео и Коммандос.

Йанг-Йовил покраснел.

— Ну, хорошо, — выпалил он. — Меня насквозь видно.

— Ты просто повторяешься, Йео. Все твои увлечения начинаются одинаково: «с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо…» А затем — Долли Квакер, Джин Вебстер, Гуин Роже, Марион…

— Пожалуйста, без имен! — перебил другой голос. — Разве Ромео…

— Завтра все отправитесь чистить нужники, — сказал Йанг-Йовил. — Будь я проклят, если снесу такое непристойное ослушание… Нет, не завтра, а как только мы закончим с этим делом. — Его ястребиное лицо помрачнело. — Боже, что за содом! Кто когда-нибудь сможет забыть Фойла, торчащего здесь, как пылающая головня? Но где он? Чего он хочет? Что все это значит?

Глава 4

Дворец Престейна в Центральном Парке сверкал яркими новогодними огнями. Очаровательные древние электрические лампы с остроконечными верхушками и изогнутыми нитями накаливания разливали желтый свет.

По особому случаю удалили противоджантный лабиринт и распахнули двери. Прихожую дома от непрошенных взглядов закрывал разукрашенный драгоценными каменьями экран, установленный сразу за дверями.

Зеваки гулом и криками встречали появление знаменитых и почти знаменитых представителей кланов и семей. Те прибывали на автомобилях, на носилках, в каретах — любым способом приличествующего их положению передвижения. Престейн из Престейнов стоял у входа, серо-стальной, неотразимый, с улыбкой василиска на лице и встречал общество у порога своего открытого дома. Едва одна знаменитость скрывалась за экраном, как другая, еще более прославленная, появлялась в еще более диковинном экипаже.

Кола приехали на грузовике. Семейство Эссо (шесть сыновей, три дочери) — в великолепном стеклянном грей-хаундовском автобусе. Буквально по пятам явились Грей-хаунды (в эдиссоновском электромобиле), что послужило предметом шуток и смеха. Но когда с мотовагонетки, заправленной бензином «эссо», слез Эдиссон из Уэстинг-хауза, завершив, тем самым, круг, смех на ступенях перешел в безудержный

хохот.

Только гости приготовились войти в дом Престейна, как их внимание привлекла отдаленная суматоха. Грохот, лязг, стук пневматических поршней и неистовый металлический скрежет. Все это быстро приближалось. Толпа зевак расступилась. По дороге громыхал тяжелый грузовик. Шестеро мужчин скидывали с кузова деревянные балки. За грузовиком следовали двадцать рабочих, укладывающих балки ровными рядами. Престейн и его гости замерли.

По шпалам с оглушающим ревом ползла гигантская машина, оставляя за собой две полосы стальных рельсов. Рабочие с молотами и пневматическими ключами крепили рельсы к деревянным шпалам. Железнодорожное полотно подошло к дому Престейна широким полукругом и изогнулось в сторону. Ревущий механизм и рабочие исчезли в темноте.

— Боже всемогущий! — воскликнул Престейн.

Вдали раздался пронзительный гудок. Из тьмы на освещенный участок перед домом выехал человек на белом коне, размахивающий красным флажком. За ним громко пыхтел паровоз с единственным вагоном. Состав остановился перед входом. Из вагона выскочил проводник и разло-

жил лесенку. По ступеням спустилась элегантная пара — леди и джентльмен в вечерних туалетах.

— Я не надолго, — бросил проводнику джентльмен. — Приезжайте за мной через час.

— Боже всемогущий! — еще громче воскликнул Престейн.

Поезд с лязгом и шипением тронулся. Пара подошла к дому.

— Добрый вечер, Престейн, — сказал джентльмен. — Мне крайне жаль, что лошадь потоптала ваши газоны, но по старым нью-йоркским правилам перед составом до сих пор требуется сигнальщик с красным флажком.

— Формайл! — вскричали гости.

— Формайл с Цереса! — взревела толпа.

Вечеру у Престейна был обеспечен успех. В просторной парадной зале, обшитой бархатом и плюшем, Престейн с любопытством рассматривал Формайла. Фойл невозмутимо выдержал ироничный взгляд, улыбаясь и раскланиваясь с восторженными поклонниками, которых успел снискать еще в Канберре.

«Самообладание — думал он. — Кровь, внутренности и мозг. Престейн пытал меня полтора часа после моего безумного нападения на „Воргу“. Узнает ли он меня?»

— Мне знакомо ваше лицо, Престейн, — сказал Формайл. — Мы не встречались?

— Не имел чести знать Формайла до сегодняшнего вечера, — сдержанно ответил Престейн. Фойл научился читать по лицам, однако жесткое красивое лицо Престейна оказалось непроницаемо. Они стояли лицом к лицу — один небрежный и бесстрастный, другой — собранный и неприступный, словно две бронзовые статуи, раскаленные добела и вот-вот готовые расплавиться.

— Я слышал, вы кичитесь тем, что вы — выскочка, Формайл.

— Да. По образу и подобию первого Престейна.

— Вот как?

— Вы, безусловно, помните, — он гордился, что начало семейного состояния было заложено на черном рынке во время Третьей Мировой войны.

— Во время Второй, Формайл. Но лицемеры из нашего клана его не признают. Его фамилия Пэйн.

— Не знал.

— А какова была ваша несчастная фамилия, до того, как вы сменили ее на «Формайл»?

— Престейн.

— В самом деле? — Убийственная улыбка ва-

силиска обозначила точное попадание. — Вы претендуете на принадлежность к нашему клану?

— Я предъявлю свои права позже.

— Какой степени?

— Скажем… кровное родство.

— Любопытно. Я чувствую в вас определенную слабость к крови, Формайл.

— Это семейная черта, Престейн.

— Вам нравится быть циничным, — заметил Престейн. — Впрочем, вы говорите правду. Нас всегда отличала пагубная слабость к крови и деньгам. Это наш порок. Признаю.

— А я разделяю его.

— Влечение к крови и деньгам?

— Да. Страстное влечение.

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия?

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

— Формайл, вы мне по душе. Если бы вы не претендовали на родство с моим кланом, я бы вынужден был принять вас.

— Вы опоздали, Престейн. Я уже принял вас.

Престейн взял Фойла под руку.

— Хочу представить вас моей дочери, леди

Оливии. Вы разрешите?

Они пересекли залу. В Фойле бурлило торжество.

«Он не знает. Он никогда не узнает. Затем пришло сомнение. Но и я никогда не узнаю, если он когда-нибудь узнает. Это не человек — сталь. Вот кто мог бы поучить меня самообладанию. Со всех сторон Фойла приветствовали знакомые.»

— Вы дьявольски ловко провели всех в Шанхае.

— Чудесный карнавал в Риме, не правда ли? Слышали о появившемся на Испанской Лестнице Горящем Человеке?

— Мы искали вас в Лондоне.

— У вас был божественный выход, — сказал Гарри Шервин-Вильямс. — Вы перещеголяли нас всех. По сравнению с вами мы выглядели, как распроклятые приготовишки.

— Не забывайтесь, Гарри, — холодно отчеканил Престейн. — В моем доме не принято выражаться.

— Извините, Престейн. Где теперь ваш цирк, Формайл?

— Не знаю, — беззаботно ответил Фойл. — Одну секунду.

Вокруг мгновенно собралась толпа, улыбаясь в

предвкушении очередной выходки. Фойл достал платиновые часы и со щелчком откинул крышку. На циферблате появилось лицо слуги.

— Эээ… как вас там… Где вы сейчас находитесь?

— Вы приказали нам обосноваться в Нью-Йорке, Формайл.

— Вот как? И?…

— Мы купили Собор Св. Патрика, Формайл.

— А где это?

— На углу Пятой Авеню и бывшей Пятидесятой улицы. Мы разбили лагерь внутри.

— Благодарю. — Формайл захлопнул часы. — Мой адрес: Нью-Йорк, Собор Святого Патрика… Одного не отнимешь у запрещенных религий — по крайней мере, строили такие церкви, в которых может разместиться цирк.

* * *

Оливия Престейн восседала на троне, окруженная поклонниками. Снежная Дева, Ледяная Принцесса с коралловыми глазами и коралловыми губами, царственная, недосягаемая, прекрасная. Фойл посмотрел на нее раз. И тут же в замешательстве опустил глаза перед ее слепым взглядом, который различал лишь электромаг-

нитные волны и инфракрасный свет. Его сердце заколотилось.

«Не будь дураком — подумал он. — Держи себя в руках. Это может оказаться опасным…»

Его представили. К нему обратились — хрипловатым снисходительным голосом. Ему протянули руку — изящную и холодную. Но она как будто взорвалась в его руке. Его словно пронзило током.

«Что это? Она символ… Недоступная… Принцесса Мечты… Самообладание.»

Он боролся с собой так ожесточенно, что не заметил, как им пренебрегли, любезно и равнодушно. Он застыл, хватая ртом воздух, на миг потеряв дар речи.

— Что? Вы еще здесь, Формайл?

— Я не могу поверить, что вы уделили мне так мало внимания, леди Оливия.

— Ну, едва ли. Боюсь, вы мешаете подойти моим друзьям.

— Я не привык к такому обращению, леди Оливия. («Нет, нет. Все не так!») По крайней мере, от человека, которого хотел бы считать другом.

— Не будьте навязчивым, Формайл. Пожалуйста, отойдите.

— Я вас обидел?

— Обидели? Не смешите меня.

— Леди Оливия… («Боже! Могу я хоть что-нибудь сказать правильно?! Где Робин?») Давайте начнем сначала.

— Если вы стараетесь показать свою неотесанность, Формайл, то у вас получается восхитительно.

— Пожалуйста, снова вашу руку. Благодарю. Я — Формайл с Цереса.

— Ну, хорошо. — Она рассмеялась. — Я признаю вас фигляром. Теперь отойдите. Уверена, что вы найдете, кого развлечь.

— Что случилось теперь?

— Достаточно, сэр. По-моему, вы хотите меня разозлить.

— Нет. («Да, хочу! Хочу достать тебя как-то… пробиться сквозь лед») Первый раз наше рукопожатие было… неистово. Сейчас же… оно пусто. Что произошло?

— Формайл, — утомленно вздохнула Оливия. — Я признаю: вы оригинальны, остроумны, неотразимы… все, что угодно, если вы только уйдете.

Фойл, спотыкаясь, отошел. «Дрянь. Дрянь. Дрянь. Нет. Она именно такая, о какой я мечтал. Ледяная вершина, которую надо штурмовать и

покорить. Осадить… ворваться… изнасиловать… заставить пасть на колени…» Тут он столкнулся лицом к лицу с Дагенхемом, застыл, парализованный.

— А, Формайл, — произнес Престейн. — Познакомьтесь. Саул Дагенхем. Он может уделить нам только тридцать минут, и настаивает одну из них провести только с вами.

«…Знает? Послал за Дагенхемом, чтобы убедиться?… Нападай.»

— Что с вашим лицом, Дагенхем?

— А я думал, что знаменит. Лучевое поражение. Я радиоактивен. «Горяч». — Беспощадные глаза ощупали Фойла. — Что скрывается за вашим цирком?

— Страсть к популярности.

— Я сам мастер камуфляжа. Узнаю признаки. Каким ремеслом занимаетесь?

— Разве Дилинджер делится с Капоне? — Фойл улыбнулся, успокаиваясь, сдерживая облегчение. («Я перехитрил их обоих.») — Вы кажетесь счастливее, Дагенхем.

Он тут же понял свою ошибку.

Дагенхем мгновенно подхватил ее.

— Счастливее, чем когда? Где мы встречались раньше?

— Не «счастливее, чем когда», а «счастливее, чем кто». Вы счастливее меня. — Фойл повернулся к Престейну. — Я безнадежно влюблен в леди Оливию.

— Саул, твои полчаса истекли.

Дагенхем и Престейн обернулись. К ним подошла высокая женщина в изумрудном платье, статная, с длинными отливающими медью волосами. Это была Джизбелла Мак Куин. Их взгляды встретились. Прежде чем потрясение могло отразиться на его лице, Фойл отвернулся, пробежал шесть шагов до ближайшей двери и выскочил наружу.

Дверь захлопнулась. Он оказался в коротком темном коридоре. Раздался щелчок, шорох, и механический голос вежливо произнес:

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

Фойл судорожно вздохнул, пытаясь придти в себя.

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я и представить не мог… Думал, она убита… Она узнала меня…»

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я пропал. Она никогда не простит мне… Сейчас, наверное, рассказывает Дагенхему и Престейну».

Дверь из зала отворилась. На миг Фойлу почудилось, будто он снова видит свой пылающий образ. Потом он понял, что смотрит на огненные волосы Джизбеллы. Она не шевельнулась. Она просто стояла и улыбалась в неистовом триумфе возмездия.

Фойл выпрямился.

«Нет, я не заскулю!»

Не торопясь, Фойл вышел из коридора, взял Джизбеллу под руку и вернулся с ней в зал. Он не удосужился оглядеться. Дагенхем и Престейн сами проявят себя, в свое время, охраной и силой. Фойл улыбнулся Джизбелле. Та ответила все той же торжествующей улыбкой.

— Спасибо за бегство, Гулли. Я никогда не думала, что ты мне можешь доставить такое удовольствие.

— Бегство? Моя дорогая Джиз!..

— Ну?

— Ты невообразимо хороша сегодня. Мы далеко ушли от Жофре Мартель, не так ли? — Фойл взмахнул рукой. — Потанцуем?

Она была поражена его хладнокровием и по-

корно позволила провести себя к площадке.

— Между прочим, Джиз, как тебе удалось избежать Жофре Мартель?

— Это устроил Дагенхем… Итак, ты теперь танцуешь, Гулли?

— Я танцую, скверно изъясняюсь на четырех языках, занимаюсь наукой и философией, пописываю жалкие стишки, то и дело взрываюсь к черту при идиотских экспериментах, фехтую как марионетка, боксирую как фигляр… Короче говоря, перед тобой пресловутый Формайл с Цереса.

— Гулли Фойла больше нет…

— Он остался лишь для тебя… и для тех, кому ты об этом сообщишь.

— Только Дагенхему. Тебе жаль, что я сказала?

— Ты не более властна над собой, чем я.

— Да, ты прав. Твое имя просто вылетело из меня. Я не могла удержаться. А сколько бы ты заплатил за мое молчание?

— Не валяй дурака, Джиз. Этот случай принесет тебе семнадцать миллионов девятьсот восемьдесят тысяч.

— Что ты имеешь в виду?

— Я обещал отдать тебе все, что останется после того, как я разделаюсь с «Воргой».

— Ты разделался с «Воргой»? — изумленно

спросила она.

— Нет, дорогая. Ты разделалась со мной. Но я сдержу обещание.

Она рассмеялась.

— Щедрый Гулли Фойл… Расщедрись по-настоящему, Гулли. Развлеки меня немного.

— Завизжать как крыса? Я не умею, Джиз. Меня выдрессировали на охоту. Ни на что большее я не способен.

— А я прикончила тигра… Сделай мне одолжение, Гулли. Скажи, что ты был близок к «Ворге». Признайся, я погубила тебя за шаг до победы. Ну?

— Хотел бы я это сказать, Джиз… Увы. Я застрял. Сегодня я пытался напасть на новый след.

— Бедный Гулли. Не исключено, что я вызволю тебя. Скажу… обозналась… или пошутила… на самом деле ты не Гулли Фойл. Я знаю, как убедить Саула. Я могу сделать это, Гулли… если ты по-прежнему любишь меня.

Он посмотрел на нее и покачал головой.

— Между нами никогда не было любви, Джиз. Ты сама понимаешь это. Я слишком целеустремлен, чтобы быть способным на что-либо, кроме охоты.

— Слишком целеустремлен, чтобы не быть

дураком!

— Что ты имела в виду, Джиз… говоря, что Дагенхем спас тебя от Жофре Мартель? Ты знаешь, как его убедить… Что у тебя с ним общего?

— Я на него работаю. Я — один из его курьеров.

— Ты хочешь сказать, он тебя шантажирует? Угрожает упрятать тебя назад, если…

— Нет. С этим было покончено в первую минуту нашей встречи. Он хотел захватить меня, а вышло все наоборот.

— То есть?

— Не догадываешься?

Фойл ошеломленно раскрыл глаза.

— Джиз! С ним?

— Да.

— Но как?! Он…

— Существуют меры предосторожности… Я не хочу касаться подробностей, Гулли.

— Прости… Долго он не возвращается.

— Не возвращается?…

— Дагенхем. Со своим войском.

— Ах, да, конечно. — Джизбелла снова коротко рассмеялась. Потом вдруг быстро зашептала: — Ты и не знаешь, что ходил по проволоке, Гулли. Попытайся ты разжалобить меня или подкупить, или заверить в своей любви… О, господи, я бы

уничтожила тебя. Раскрыла бы всему свету, кто ты… Кричала бы об этом на всех перекрестках…

— О чем ты говоришь?

— Саул не вернется. Он ни о чем не догадывается. Можешь проваливать в ад.

— Не верю.

— Думаешь, он задержался бы так долго? Саул Дагенхем?

— Но почему ты ему не сказала? После того, как я бросил тебя…

— Потому, что я не хочу, чтобы он попал в ад вместе с тобой. Я не имею в виду «Воргу». Речь идет кое о чем другом — ПирЕ. Вот из-за чего тебя преследуют. Вот, к чему они рвутся. Двадцать фунтов ПирЕ.

— Что это?

— Вспомни… Когда ты вскрывал сейф, не было там маленькой коробки? Сделанной из ИСИ… ИнертСвинцового Изомера?

— Была.

— Что находились внутри?

— Двадцать зернышек, похожих на кристаллы иода.

— Что ты с ними сделал?

— Два отправил на анализ. Никто не смог выяснить, из чего они. Над третьим я вожусь сам

в своей лаборатории, когда не кривляюсь перед публикой.

— Ты возишься… Зачем?

— Я расту, Джиз, — мягко произнес Фойл. — Не трудно сообразить, что именно это нужно Престейну и Дагенхему.

— Как ты поступил с остальными зернышками?

— Они в надежном месте.

— Они не могут быть в надежном месте. Не может быть надежного места. Не знаю, что такое ПирЕ, но мне известно, что это дорога в ад. Я не хочу, чтобы по ней пошел Саул.

— Ты так его любишь?

— Я так его уважаю. Он первый человек, который показал мне, что стоит перейти под чужие знамена.

— Джиз, что такое ПирЕ? Ты знаешь.

— Догадываюсь. Я сопоставила все известные мне факты и слухи. И у меня появилась идея. Но я не скажу тебе о ней, Гулли. — Ее лицо осветилось яростью. — На этот раз я бросаю тебя. Оставляю тебя беспомощным и во мраке. Испытай, каково это, на собственной шкуре. Насладись!!

Она вырвалась и побежала по зале. И в этот момент упали первые бомбы.

Они шли, как метеоритный поток, не столь многочисленный, но куда более смертоносный, чем он. Они шли на утренний квадрант. На ту сторону земного шара, которая находилась на границе между светом и тьмой. Покрыв расстояние в четыреста миллионов миль, они столкнулись с Землей.

Их космической скорости противостояло быстродействие земных военных компьютеров, за микросекунды обнаруживших и перехвативших новогодние подарки с Внешних Спутников. Рой ослепительно ярких звезд вспыхнул в небе. Это были бомбы, детонированные на высоте пятьсот миль над их целью.

Но так тонка была грань между скоростью атаки и скоростью обороны, что многие из бомб все-таки прорвались к земле. Невидимые траектории завершились титаническими сотрясениями.

Первый атомный взрыв, уничтоживший Ньюарк, резко встряхнул особняк Престейна. Стены и пол свели странные судороги. Гости повалились на роскошную мебель и друг на друга. Удар следовал за ударом. Почва содрогалась от землетрясений. Оглушающие, леденящие душу взрывы, неестественно бледные вспышки лишали людей рассудка, оставив лишь голый,

примитивный ужас обезумевших животных, в панике вопящих, спасающихся, бегущих. За пять секунд новогодний вечер у Престейна из изысканного приема превратился в дикий хаос.

Фойл поднялся с пола. Посмотрел на сплетенные, извивающиеся тела на паркете. Заметил пытающуюся освободиться Джизбеллу. Сделал шаг вперед и остановился. Вокруг продолжало грохотать. Он увидел ошеломленную и раненую Робин Уэднесбери, еле поднимающую голову. Сделал шаг к ней, но снова остановился. Он понял, куда должен сейчас идти.

Фойл ускорился. Грохот и молнии обратились вдруг в скрежетанье и мельтешенье. Конвульсии землетрясений стали волнообразными покачиваниями. Фойл перерыл весь колоссальный дворец, пока, наконец, не нашел ее в саду, стоящей на мраморной скамье. Мраморная статуя для его ускоренных чувств… статуя экзальтации.

Он замедлился. Ощущения скачком вернулись в норму. И снова он был оглушен и ослеплен.

— Леди Оливия, — окликнул Фойл.

— Кто это?

— Паяц.

— Формайл?

— Да.

— Вы меня искали? Я тронута, воистину тронута.

— Вы с ума сошли… Стоять здесь, на открытом месте… Молю вас позволить мне…

— Нет, нет. Это прекрасно… Великолепно!

— Позвольте мне джантировать с вами в какое-нибудь укрытие.

— А, вы представляетесь себе доблестным рыцарем в доспехах? Благородны и преданны… Это вам не подходит, мой дорогой. У вас нет к этому склонности. Вам лучше уйти.

— Я останусь.

— Как влюбленный в красоту?

— Как влюбленный.

— Вы все так же утомительны, Формайл. Ну, вдохновитесь! Это Армагеддон… Расцветающее Уродство… Расскажите мне, что вы видите.

— Немногое, — начал он, оглядываясь и морщась. — Над горизонтом свет. Стремительные облака света. А выше… сияние. Словно переливаются огоньки новогодней гирлянды.

— О, вы так мало видите своими глазами… Представьте, что вижу я. В небе раскинулся купол. Цвета меняются от темного привкуса до сверкающего ожога. Так я назвала открытые мне краски. Что это может быть за купол?

— Радарный экран — пробормотал Фойл.

— И еще… громадные копья света, рвущиеся вверх, покачивающиеся, извивающиеся, колеблящиеся, танцующие. Что это?

— Следящие лучи. Вы видите всю электронную систему обороны.

— Я вижу и летящие бомбы… резкие мазки того, что вы зовете красным. Но не вашего красного — моего. Почему я их вижу?

— Они нагреты трением о воздух, но инертная свинцовая оболочка для нас бесцветна.

— Смотрите, вам гораздо лучше удается роль Галилея, чем Галахада. О! Вот одна появилась на востоке. Следите! Падает, падает, падает… Ну!!

Яркая вспышка на востоке доказала, что это не плод ее воображения.

— Вот и другая на севере. Очень близко. Очень. Сейчас!

Земля всколыхнулась.

— И взрывы, Формайл… Не просто облака света — ткань, плетенье, паучья сеть перемешавшихся красок. Так прекрасно, будто изысканный саван.

— Так оно и есть, леди Оливия, — отрезвляюще заметил Фойл.

— Вы боитесь?

— Да.

— Тогда убегайте.

— Нет.

— В вас сидит дух противоречия.

— Не знаю. Я испуган и тем не менее не уйду.

— Вы нагло выкручиваетесь. Бравируете рыцарской отвагой? — Хрипловатый голос зазвучал язвительно. — Только подумайте, Галахад… Ну сколько времени нужно, чтобы джантировать? Через считанные секунды вы можете быть в Мексике, Канаде, Аляске. В полной безопасности. Там сейчас наверняка миллионы людей. В городе, вероятно, никого кроме нас и не осталось.

— Не каждый может джантировать так далеко и так быстро.

— Значит, мы последние из тех, кто идет в расчет. Почему вы не бросите меня? Ведь меня скоро убьют. Никто не узнает, что вы струсили и задали стрекача.

— Дрянь!

— Ага, вы злитесь. Что за грубый язык. Это первый признак слабости. Почему же вам не применить силу и в моих же интересах унести меня? Это был бы второй признак.

— Будь ты проклята!

Он подступил к ней вплотную, яростно сжав кулаки. Она коснулась его щеки холодной спо-

койной рукой. Фойл снова ощутил электрический удар.

— Нет, слишком поздно, мой милый, — тихо произнесла она. — Сюда летит целый рой красных мазков… ниже, ниже… ниже… прямо на нас. Нам не спастись. Теперь — быстро! Беги! Джантируй! Возьми меня с собой. Быстро! Быстро!

Он схватил ее.

— Дрянь! Никогда!

Он сжал ее, нашел мягкий коралловый рот и поцеловал. Он терзал ее губы и ждал конца.

Ничего не произошло.

— Надули! — воскликнул он.

Она рассмеялась. Фойл вновь поцеловал ее, и, наконец, заставил себя разжать объятья. Она глубоко вздохнула, затем снова засмеялась, сверкая коралловыми глазами.

— Все кончено, — сказала она.

— Ничего еще не начиналось.

— Ты имеешь в виду войну?

— Войну между нами.

— Так пусть же будет война! — неистово проговорила она. — Ты первый, кого не обманула моя внешность. О, боже! Скука обходительного рыцарства и сладенькая любовь к принцессе. Я не такая… внутри. Не такая. Не такая. Нет. Да здрав-

ствует свирепая, жестокая, беспощадная война между нами. Не побеждай меня… — уничтожь!

Внезапно она снова стала леди Оливия, надменная снежная дева.

— Боюсь, что обстрел прекратился, мой дорогой Формайл. Представление окончено. Что за восхитительная прелюдия к Новому Году, не правда ли? Спокойной ночи.

— Спокойной ночи?! — откликнулся тот.

— Спокойной ночи, — повторила она. — Право, любезный Формайл, неужели вы столь неотесаны и не замечаете, что мне надоели? Можете идти.

Фойл заколебался, судорожно пытаясь найти нужные слова. Затем повернулся и, пошатываясь, вышел из дома. Он дрожал от возбуждения и брел, как в тумане, едва осознавая беспорядок и смятение вокруг. На горизонте полыхали огненные языки пламени. Взрывные волны так разворошили атмосферу, что до сих пор то и дело со свистом налетали шквалы ветра. Многие здания были повреждены — стекло разбилось, сталь покорежилась, карнизы обвалились. Город был полуразрушен — несмотря на то, что избежал прямых попаданий.

Улицы его пустовали. Все население Нью-Йорка джантировало в отчаянных поисках найти без-

опасность… на пределе своих возможностей… на пять миль, на пятьдесят, на пятьсот. Некоторые джантировали прямо под удар бомбы. Тысячи погибли в джант-взрывах, поскольку общественные джант-площадки не были рассчитаны на такой массовый исход.

Фойл видел, как на улицах стали появляться спасатели в белых защитных костюмах. Властный окрик напомнил ему, что и его могут поставить на аварийные работы. Проблема эвакуации джантирующего населения не существовала, а вот вынудить людей вернуться, восстановить порядок власти могли…

Фойлу не совсем улыбалось неделю провести в борьбе с пожарами и грабителями. Поэтому ускорился и ускользнул от Аварийной Команды.

На Пятой Авеню он замедлился. Ускорение пожирало огромное количество энергии. Долгое ускорение требовало потом многих дней восстановления сил.

Грабители и джек-джантеры уже хозяйничали на Авеню — по одиночке и бандами, трусливые и свирепые. Шакалы, раздирающие тело живого, беспомощного животного. Сегодня город принадлежал им, и они орудовали в нем без всякого стеснения. Фойл внезапно столкнулся с ними.

— Я не в настроении, — предупредил он. — Поиграйте с кем-нибудь другим.

Он вывернул все карманы и швырнул им деньги. Они торопливо схватили их, но остались неудовлетворены, так как жаждали забавы, а беспомощный джентльмен вполне мог ее им предоставить. С полдюжины бандитов быстро окружили Фойла тесным кольцом.

— Добрый джентльмен, — скалились они. — Давай повеселимся.

Фойл однажды видел изуродованное тело одной из жертв их веселья. Он вздохнул и с трудом отрешился от образа Оливии Престейн.

— Ну что ж, — сказал он. — Давайте, ребята.

Нащупав пульт управления во рту, он на двадцать губительных секунд превратился в самую смертоносную боевую машину… Коммандос-убийца. Все происходило как будто помимо его воли. Тело просто следовало вживленным в мускулы навыкам и рефлексам… На тротуаре остались лежать шесть трупов.

Собор Святого Патрика стоял незыблемый, вечный, своим величием подавляя крошечные языки пламени, лизавшие позеленевшую медь крыши. Он был пуст. Освещенные и обставленные, шатры Пятимильного Цирка заполняли неф

церкви, но люди их покинули. Слуги, повара, камердинеры, атлеты, лакеи, философы и мошенники поспешно бежали.

— Они, конечно, вернутся сюда пограбить, — пробормотал Фойл.

Он вошел в свой шатер — и увидел сгорбившуюся на ковре фигурку в белом, что-то невнятно про себя мычащую. Это была Робин Уэднесбери — платья в клочья, рассудок в клочья.

— Робин!

Она продолжала мычать. Он поднял ее на ноги, встряхнул, ударил по лицу. Она просияла и продолжала мычать. Фойл достал шприц и ввел ей лошадиную дозу ниацина. Наркотик подействовал на нее отрезвляюще. Ее буквально вывернуло наизнанку. Атласная кожа побелела. Прекрасное лицо исказилось. Она узнала Фойла, вспомнила то, что пыталась забыть, закричала и упала на колени. Зарыдала.

— Так-то лучше, — произнес Фойл. — Ты великая любительница спасаться бегством. Сперва самоубийство. Теперь это. Что следующее?

— Уйди.

— Возможно, религия. Ты чудесно впишешься в какую-нибудь секту. Примешь муки за веру… В состоянии ты смотреть жизни прямо в глаза?

— Разве тебе никогда не приходилось убегать?

— Никогда. Бегство — для неврастеников.

— Неврастеник… Любимое, слово нашего образованного умника… Ты ведь образован, не правда ли? Образован. Уравновешен. Спокоен. Да ты удирал всю свою жизнь!

— Я?! Никогда. Всю свою жизнь я кого-то преследовал.

— Ты удирал. Уходил от реальной жизни, нападая на нее… отрицая ее… уничтожая ее… Вот, что ты делал.

— Что? — Фойл резко встрепенулся. — Ты хочешь сказать, будто я от чего-то спасался?

— Безусловно.

— От чего же?

— От реальности. Ты не в состоянии принять жизнь такой, какой она есть. Отказываешься это сделать. Пытаешься загнать ее в твои собственные рамки. Ты ненавидишь и уничтожаешь все, что не укладывается в твои безумные рамки. — Она подняла залитое слезами лицо. — Я больше не могу это выдержать. Отпусти меня.

— Отпустить… Зачем?

— Хочу жить своей жизнью.

— А как же твоя семья?

— …Буду искать их сама.

— Почему? Что случилось?

— Слишком много… нет сил… ты и война… потому что ты так же страшен, как и война. Даже страшнее. Что случилось со мной сегодня, происходит постоянно, когда я с тобой. Я могу вынести либо одно, либо другое, но не вместе.

— Нет, — отрезал Фойл. — Ты мне нужна.

— Я готова выкупить себя.

— Каким образом?

— Ты потерял все нити, ведущие к «Ворге», не правда ли?

— И?

— Я нашла еще одну.

— Где?

— Не имеет значения. Ты согласен отпустить меня, если я тебе ее передам?

— Я могу вырвать силой.

— Можешь? После сегодняшней бомбежки? Попробуй.

Ее вызов застал его врасплох.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

— Я намекну тебе. Помнишь того человека в Австралии?

— Форреста?

— Да. Он пытался назвать имена своих товарищей. Помнишь единственное имя, которое он

сумел произнести?

— Кемп.

— Он умер, не успев закончить. Его имя — Кемпси.

— Это и есть твоя нить?

— Да. Кемпси. Имя и адрес. В обмен на твое обещание отпустить меня.

— По рукам, — сказал он. — Ты свободна. Выкладывай.

Робин подошла к дорожному платью, в котором была в Шанхае, и достала из кармана обгоревший клочок бумаги.

— Я заметила это на столе Ореля, когда пыталась потушить пожар… пожар, который устроил Горящий Человек…

Это был обрывок письма.

«…все, что угодно, только бы вырваться из этого ада. Почему с человеком надо обращаться, как с паршивой собакой, лишь из-за того, что он не умеет джантировать?! Пожалуйста, помоги мне, прошу. Спаси старого товарища по кораблю, который нельзя упоминать. Неужели ты не найдешь 100 Кр? Помнишь, я выручал тебя… Пошли 100 Кр… хотя бы 50. Не

покидай меня в беде. Родж Кемпси.
Барак № 3
Бактерия, Инк.
Море Спокойствия, Луна.»

— Боже мой! — вскричал Фойл. — Да ведь это действительно нить! На этот раз ничто нам не помешает. Я выжму из него все… все. — Он криво ухмыльнулся Робин. — Мы летим на Луну завтра вечером. Закажи билеты. Нет. Купи корабль. Теперь, после атаки, от них будут отделываться по дешевке.

— Мы? — потрясение проговорила Робин. — Не мы, а ты.

— Нет, мы. Мы летим на Луку. Вдвоем.

— Я ухожу.

— Ты никуда не уходишь. Ты остаешься со мной.

— Но ты поклялся…

— Уймись, девочка. Пора взяться за ум. Ради этого я бы поклялся чем угодно. Теперь ты мне нужна больше, чем когда-либо. Не для «Ворги». С «Воргой» я и сам справлюсь. Есть кое-что гораздо более важное.

Он посмотрел на нее и сочувственно улыбнулся.

— Мне очень жаль, девочка. Если бы ты дала мне это письмо два часа назад, я, пожалуй, сдержал бы свое слово. А сейчас слишком поздно. Мне нужен Доверенный Секретарь. Я влюблен в Оливию Престейн.

Робин вскочила на ноги, словно сгусток живой ярости.

— Влюблен в нее? В Оливию Престейн?! В этот белый труп!

Ее негодование явилось для него ошеломляющим открытием.

— Вот теперь ты потерял меня. Навсегда. Теперь я тебя уничтожу!

Она исчезла.

Глава 5

Капитан Питер Йанг-Йовил принимал информацию в Центральном Разведывательном Штабе в Лондоне со скоростью шесть донесений в минуту. Сообщения приходили по телефону, по телеграфу, по радио, с джант-курьерами. Сложившаяся после бомбардировки ситуация быстро прояснялась.

ОБСТРЕЛ НАКРЫЛ СЕВЕРНУЮ И

ЮЖНУЮ АМЕРИКУ ОТ 60 градусов ДО 120 градусов ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ… ОТ ЛАБРАДОРА ДО АЛЯСКИ… ОТ РИО ДО ЭКВАДОРА… ПО ПРИБЛИЖЕННЫМ ОЦЕНКАМ ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ (10 %) РАКЕТ ПРОНИКЛО ЧЕРЕЗ ЗАЩИТНЫЙ ЭКРАН… ОРИЕНТИРОВОЧНЫЕ ПОТЕРИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ: ОТ ДЕСЯТИ ДО ДВАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ…

— Спасибо, что существует джантация, — сказал Йанг-Йовил. — Иначе потери были бы в пять раз больше. И все же, это нокаут. Еще один такой удар, и с Землей покончено.

Он обращался к помощникам, джантирующим туда и обратно, появляющимся и исчезающим, кидавшим на его стол донесения и мелом заносившим результаты и уравнения на стеклянную доску, которая занимала всю стену.

Здесь действовали без церемоний. И Йанг-Йовил был удивлен и насторожен, когда один из помощников постучал в дверь и вошел с соблюдением всех формальностей.

— Ну, что вы еще придумали? — едко спросил он.

— К вам дама.

— Сейчас не время ломать комедии, — раздраженно бросил Йанг-Йовил. Он указал на доску, красноречиво отражавшую весь ужас положения. — Прочти и поплачь на обратном пути.

— Не обычная дама, Йео. Ваша Венера с Испанской Лестницы.

— Что? Какая Венера?

— Ваша чернокожая Венера.

— Как?… Та самая?… — Йанг-Йовил покраснел. — Пусть войдет.

— Вы будете допрашивать ее с глазу на глаз, разумеется?

— Не ехидничай, пожалуйста. Идет война. Если я кому-нибудь понадоблюсь, пускай обращаются ко мне на Секретном Языке.

Робин Уэднесбери ступила в кабинет все в том же рваном белом платье. Она джантировала из Нью-Йорка в Лондон, даже не переодевшись. Грязное искаженное ее лицо сохраняло красоту. Йанг-Йовил мгновенно окинул ее взглядом и пришел к выводу: его первое впечатление оказалось верным. Робин ответила столь же оценивающим взглядом, и ее глаза расширились.

— Вы… повар с Испанской Лестницы Анжело Погги!

Как офицер Разведки, Йанг-Йовил готов был

справиться с критической ситуацией.

— Не повар, мадам. Пожалуйста, садитесь…

— Уэднесбери. Робин Уэднесбери.

— Очень приятно. Капитан Йанг-Йовил. Как мило с вашей стороны навестить меня, мисс Робин. Вы избавили меня от долгих поисков.

— *Не понимаю. Что вы делали на Испанской Лестнице? Зачем…*

Йанг-Йовил обратил внимание, что губы ее не шевелятся.

— О, так вы телепат, мисс Уэднесбери? Как это может быть? Я считал, что знаю всех телепатов.

— *Я не телепат. Я могу только слать… а не принимать.*

— Что, разумеется, обесценивает ваш дар. Понимаю. — Йанг-Йовил грустно покачал головой. — Что за подлость, мисс Уэднесбери… в полной мере ощущать все недостатки телепатии, и в то же время быть лишенной ее преимуществ. Поверьте, я сочувствую вам.

— *Господи, он первый, кто понял это сам, без разъяснений…*

— Осторожней, мисс Уэднесбери. Я принимаю ваши мысли. Ну, так что же Испанская Лестница?…

Она не могла справиться со своей тревогой.

— Он меня выслеживал? Из-за семьи? О, ужас!.. Меня будут пытать… Выбивать информацию… Я…

— Моя милая девочка, — мягко произнес Йанг-Йовил. Он взял ее руки и ласково сжал их. — Послушайте. Вы зря волнуетесь. Очевидно, вы числитесь в черных списках, так?

Она кивнула.

— Это плохо, но сейчас не будем об этом беспокоиться. То, что в Разведке мучают людей, выбивая информацию… пропаганда.

— Пропаганда?

— Мы не звери, мисс Уэднесбери. Нам известно, как заставить людей говорить, не прибегая к средневековой жестокости. И тем не менее специально распространяем подобные слухи, чтобы, так сказать, заранее подготовить почву.

— Правда? Он лжет. Пытается обмануть меня.

— Это правда, мисс Уэднесбери. Я действительно иногда прибегаю к хитрости, однако сейчас в этом нет нужды. Зачем, когда вы пришли сюда по доброй воле.

— Он слишком находчив… слишком быстр. Он…

— Мне кажется, вас недавно жестоко обманули,

мисс Уэднесбери… Жестоко обидели.

— *Да. Но это в основном, моих рук дело. Я дура. Проклятая дура!*

— Совсем не дура, мисс Уэднесбери, и ни в коем случае не проклятая. Не знаю, что могло так подорвать вашу уверенность в себе. Я надеюсь восстановить ее. Итак — вы обмануты? В основном, сами собой? Что ж, это с каждым бывает. Но вам ведь кто-то помогал… Кто?

— *Так предам его.*

— Тогда не говорите.

— Но я должна найти мать и сестер… Я не могу ему больше верить… — Робин глубоко вздохнула. — Я хочу рассказать вам о человеке по имени Гулливер Фойл.

— Правда, что он приехал по железной дороге? — спросила Оливия Престейн. — На паровозе с вагончиком? Какая удивительная смелость.

— Да, это замечательный молодой человек, — ответил Престейн. Они находились в приемной зале своего особняка, вдвоем во всем доме. Престейн ожидал возвращения бежавших в панике слуг, и невозмутимо развлекал дочь беседой, не позволяя ей догадаться, какой серьезной опасности они подвергались.

— Папа, я устала.

— У нас была тяжелая ночь, дорогая. И все же я прошу тебя пока не уходить.

— Почему?

— Мне одиноко, Оливия. Поговорим еще немного.

— Я сделала дерзкую вещь, папа. Следила за обстрелом из сада.

— Как! Одна?

— Нет. С Формайлом.

В запертую дверь заколотили.

— Кто это?

— Бандиты, — спокойно сказал Престейн. — Не тревожься, Оливия. Они не войдут. — Он шагнул к столу на котором аккуратно лежало оружие. — Нет никакой опасности. — Он попытался отвлечь ее. — Ты говорила мне о Формайле…

— Ах, да. Мы смотрели вместе… описывая друг другу увиденное.

— Без компаньонки? Это неблагоразумно, Оливия.

— Знаю, я вела себя недостойно. Он казался таким большим, таким спокойным, самоуверенным. Я решила разыграть из себя леди Надменность. Помнишь мисс Пост, мою гувернантку, такую бесстрастную и высокомерную. Я прозвала ее леди Надменность? Я вела себя, как леди

Надменность. Он пришел в ярость, папа. Поэтому отправился искать меня в саду.

— И ты позволила ему остаться? Я поражен, дорогая.

— Я тоже. Я, наверно, наполовину сошла с ума от возбуждения. Как он выглядит, папа? Как он тебе показался?

— Он действительно большой. Высокий, жгуче-черный, загадочный. Похож на Борджиа. Мечется между наглостью и дикостью.

— Ага, так он дикарь, да? Я почувствовала это. Он излучает угрозу… Большинство людей просто мерцают… он же искрится, как молния. Ужасно захватывающее зрелище.

— Дорогая, — нравоучительно произнес Престейн. — Твои слова недостойны скромной девушки. Я бы огорчился, любовь моя, если бы у тебя появилось романтическое влечение к такому парню, как этот Формайл.

В зал стали джантировать слуги, повара, официанты, лакеи, камердинеры, кучеры, горничные. Все они стыдились своего панического бегства.

— Вы бросили свои посты. Это не будет забыто, — холодно отчеканил Престейн. — Моя безопасность и моя честь снова в ваших руках. Берегите их. Леди Оливия и я удаляемся на покой.

Он взял дочь за руку и помог ей подняться по лестнице, ревностно охраняя свою ледяную принцессу.

— Кровь и деньги, — пробормотал Престейн.

— Что, папа?

— Я подумал о семейном пороке, Оливия. Какое счастье, что ты не унаследовала его.

— Что это за порок?

— Тебе незачем знать. Это все, что у нас есть общего с Формайлом.

— Значит, он испорчен? Я почувствовала. Как Борджиа, ты сказал. Безнравственный Борджиа, с черными глазами и печатью на лице.

— С печатью?

— Да. Я видела какие-то линии… не обычную электрическую сеть нервов и мышц. Что-то еще на это накладывается. Это поразило меня с самою начала. Фантастическая, чудовищно порочная печать… Не могу описать ее. Дай мне карандаш. Попробую нарисовать.

Они остановились перед чипенддейльским секретером. Престейн достал плиту оправленного в серебро хрусталя. Оливия прикоснулась к нему кончиком пальца. Появилась черная точка. Она повела палец: точка превратилась в линию. Быстрыми штрихами она набросала кошмарные

завихрения дьявольской тигриной маски.

* * *

Саул Дагенхем покинул затемненную спальню. Через секунду ее залил свет, излучаемый одной стеной. Казалось, гигантское зеркало отражало покои Джизбеллы, но с одним причудливым искажением. В постели лежала Джизбелла, а в отражении на постели сидел Дагенхем. Зеркало было на самом деле свинцовым стеклом, разделяющим две одинаковые комнаты. Дагенхем только что включил в своей свет.

— Любовь по часам, — раздался в динамике голос Дагенхема. — Отвратительно.

— Нет, Саул. Нет.

— Низко.

— Снова нет.

— Горько.

— Нет. Ты жаден. Довольствуйся тем, что имеешь.

— Богу известно, это больше, чем я когда-либо имел. Ты прекрасна.

— Ты любишь крайности… Спи, милый. Завтра едем кататься на лыжах.

— Нет, мои планы изменились. Надо работать.

— Саул… ты же обещал. Достаточно работы,

волнений и беготни. Ты не собираешься сдержать слово?

— Не могу. Идет война.

— К черту войну. Ты уже пожертвовал собой. Что еще они могут требовать от тебя?

— Я должен окончить работу.

— Я помогу тебе.

— Нет. Не вмешивайся в это.

— Ты мне не доверяешь.

— Я не хочу тебе вреда.

— Ничто не может повредить нам.

— Фойл может.

— Ч-что?…

— Формайл — Фойл. Ты знаешь это. Я знаю, что ты знаешь.

— Но я никогда…

— Да, ты мне не говорила. Ты прекрасна. Так же храни верность и мне, Джизбелла.

— Тогда каким образом ты узнал?

— Фойл допустил ошибку.

— Как?

— Имя.

— Формайл с Цереса? Он купил его.

— Но Джеффри Формайл?

— Просто выдумал.

— Полагает, что выдумал… Он его помнит. Фор-

майл — имя, которое используют в Мегалане. В свое время я применял к Фойлу все пытки Объединенного Госпиталя в Мехико. Имя осталось глубоко в его памяти и всплыло, когда он подыскивал себе новое.

— Бедный Гулли.

Дагенхем улыбнулся.

— Да. Как мы ни защищаемся от внешних врагов, нас всегда подводят внутренние. Против измены нет защиты, и мы все предаем сами себя.

— Что ты собираешься делать, Саул?

— Покончить с ним, разумеется.

— Ради двадцати фунтов ПирЕ?

— Нет. Чтобы вырвать победу в проигранной войне.

— Что? — Джизбелла подошла к стеклянной перегородке, разделяющей комнаты. — Саул, ты патриотичен?

Он смущенно кивнул.

— Странно. Абсурдно. Но это так. Ты изменила меня полностью. Я снова стал нормальным человеком.

Он прижал лицо к стене. Они поцеловались через три дюйма свинцового стекла.

* * *

Море Спокойствия идеально подходило для выращивания анаэробных бактерий, редких плесней, грибков и прочих видов микроорганизмов, требующих безвоздушного культивирования и столь необходимых медицине и промышленности.

«Бактерия, Инк.» была огромной мозаикой возделанных полей, разбросанных вокруг скопления бараков и контор. Каждое поле представляло собой гигантскую кадку. Сто футов в диаметре, двенадцать футов высотой и не более двух молекул толщиной.

За день до того, как линия восхода, ползущая по поверхности Луны, достигала Моря Спокойствия, кадки заполнялись питательной средой. На восходе — резком и слепящем на безвоздушном спутнике — их засевали. Следующие четырнадцать дней непрерывного солнца их лелеяли, прикрывали, подкармливали полевые рабочие в скафандрах. Перед заходом урожай снимали. Кадки выставляли на мороз и стерилизовали их в течение двухнедельной лунной ночи.

Джантация не требовалась для этой кропотливой работы. «Бактерия, Инк.» нанимала

несчастных, неспособных к джантации, платя им жалкие гроши. Это был самый непрестижный труд. Занимались им отбросы и подонки со всей Солнечной системы. И бараки «Бактерии, Инк.» во время вынужденного четырнадцатидневного безделья напоминали Ад. Фойл сразу же убедился в этом, войдя в барак № 3.

Ему открылась ужасающая картина. Большое помещение прямо-таки ходило ходуном. Две сотни мужчин жрали, пили, сидели, лежали ничком, тупо смотрели на стены, плясали и горланили. Между ними сновали шлюхи и пронырливые сводники, профессиональные игроки с раскладными столиками, торговцы наркотиками, ростовщики и воры. Клубы табачного дыма перекрывала вонь пота, сивухи и Аналога. На полу валялись безжизненные тела, разбросанное белье, одежда, пустые бутылки и гниющая пища.

Дикий рев отметил появление Фойла, но он к этому уже был подготовлен.

— Кемпси? — спокойно сказал он первой искаженной роже, возникшей в сантиметрах от его лица. Вместо ответа Фойл услышал хохот. Он улыбнулся и сунул банкноту в 100 Кр. — Кемпси? — спросил он другого. Вместо ответа услышал проклятья. Он снова платил, протал-

киваясь вглубь, спокойно раздавая банкноты в благодарность за насмешки и оскорбления. В середине барака он, наконец, нашел того, кого искал, «капо», огромного, чудовищно безобразного зверя. Громила возился с двумя проститутками и лакал виски, подносимое льстивыми руками лизоблюдов.

— Кемпси? — обратился Фойл на незабытом языке отродья городских трущоб. — Нужно Роджера Кемпси.

— Тебе ни шиша не нужно, — ответил громила, выбрасывая вперед огромную лапу. — Гони монету.

Толпа радостно взревела. Фойл оскалился и плюнул ему в глаз. Все испуганно застыли. Громила отшвырнул проституток и яростно кинулся на Фойла. Через пять секунд он жалко ползал по полу. Фойл давил его шею ногой.

— Нужно Кемпси, — ласково повторил Фойл. — Сильно нужно. Лучше скажи, а не то конец тебе, и все.

— В уборной! — прохрипел громила. — Отсиживается. Он всегда там…

Фойл презрительно швырнул ему в лицо остаток денег и быстрым шагом прошел в уборную.

Кемпси скорчился в углу, прижав лицо к стене.

Он глухо постанывал в однообразном ритме, очевидно, не первый час.

— Кемпси?

Ему ответило мычание.

— Что такое, ты?

— Одежда… — всхлипнул Кемпси. — Одежда. Везде. Повсюду. Одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо… Одежда. Кругом одежда.

— Вставай, паря. Вставай, ты.

— Одежда. Везде одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо…

— Кемпси, очнись же. Меня прислал Орель.

Кемпси перестал стонать и повернул к Фойлу распухшее лицо.

— Кто? Кто?

— Орель. Я помогу тебе, ты свободен. Уносим ноги.

— Когда?

— Сейчас.

— Благослови его Бог! О, Господи, благослови!..

Кемпси неуклюже запрыгал. Его исцарапанное багровое лицо расплылось в искаженной улыбке. Он надтреснуто смеялся и скакал. Фойл вывел его из уборной. Но в бараке Кемпси снова застонал и заплакал. Они шли по длинному помещению. Голые шлюхи хватали охапки грязной одеж-

ды и трясли перед его глазами. Кемпси что-то нечленораздельно хрипел и трясся, на его губах выступила пена.

— Что такое, с ним? — спросил Фойл у громилы на языке уличных подонков.

Громила демонстрировал почтительный нейтралитет, если не горячую любовь.

— Он всегда так. Сунешь рванье — дергается.

— Чего он?

— Чего? Чокнутый, и все.

В тамбуре Фойл натянул на себя и Кемпси скафандры и вывел его на ракетное поле. Антигравитационные лучи бледными пальцами тянулись из шахт к зависшей в ночном небе горбатой Земле. В яхте Фойл достал из шкафчика бутылку и ампулу, нашел стакан и спрятал ампулу в ладони.

Кемпси жадно глотнул виски — все еще потрясенный, все еще ликующий.

— Свободен, — бормотал он. — Благослови его бог! Свободен…

Он снова выпил.

— Что я пережил… До сих пор не могут поверить. Это словно бы во сне. Почему мы не взлетаем? Я… — Кемпси подавился и выронил стакан, в ужасе гляда на Фойла. — Твое лицо! —

воскликнул он. — Боже мой, твое лицо! Что с ним случилось?

— Ты с ним случился, ты, сволочь! — вскричал Фойл. Он прыгнул подобранный, как тигр, жестокий, как тигр, пылая тигриной маской, и метнул ампулу. Та вошла в шею Кемпси и, подрагивая, повисла. У Кемпси подогнулись ноги.

Фойл ускорился, подхватил его тело в падении и понес в правую каюту. На яхте имелось всего две каюты. Обе Фойл подготовил заранее. Правая каюта была превращена в операционную. Фойл привязал тело к столу, открыл чемоданчик с инструментами и начал тончайшую операцию, технику которой усвоил в то же утро гипно-обучением… Операцию, возможную только благодаря его пятикратному ускорению.

Он разрезал кожу и мышцы, пропилил грудную клетку, обнажил сердце, рассек его и соединил вены и артерии с механизмом искусственного кровообращения, находящимся рядом со столом. Потом наложил на лицо Кемпси маску и включил кислородный насос. Прошло двадцать секунд объективного времени.

Фойл замедлился, проверил температуру Кемпси, сделал противошоковый укол и стал ждать. Клокочущая кровь шла через насос в тело Кемпси.

Через пять минут Фойл снял кислородную маску. Дыхательный рефлекс поддерживался. Кемпси жил без сердца. Фойл сидел у операционного стола и ждал. На лице его ярко горело его клеймо.

Кемпси лежал без сознания.

Фойл ждал.

Наконец Кемпси пришел в себя и закричал.

Фойл вскочил, затянул ремни и склонился над распростертым телом.

— Здравствуй, Кемпси.

Кемпси кричал.

— Взгляни на себя, Кемпси. Ты мертв.

Кемпси потерял сознание. Фойл наложил кислородную маску и привел его в чувство.

— Дай мне умереть, дай мне умереть, ради бога!

— В чем дело? Что, больно? Я умирал шесть месяцев и не выл.

— Дай мне умереть…

— В свое время. В свое время… если будешь вести себя как следует. Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на «Ворге»…

— О, боже, дай умереть…

— Ты был на «Ворге»?

— Да.

— Вам встретились остатки кораблекрушения.

Обломки «Номада». С «Номада» попросили помощи, вы прошли мимо. Так?

— Да.

— Почему?

— Господи! О, господи, помоги мне!

— Почему?

— Боже мой!

— На «Номаде» был я, Кемпси. Почему вы обрекли меня на смерть?

— О, боже мой, боже мой! Господи, спаси меня!

— Я спасу тебя, Кемпси, если ты мне ответишь. Почему вы бросили меня?

— Мы не могли.

— Не могли взять на борт? Почему?

— Беженцы.

— А-а, значит я верно догадался. Вы везли беженцев с Каллисто?

— Да.

— Сколько?

— Шестьсот.

— Это немало, но ведь еще для одного места хватило бы? Почему вы меня не подобрали?

— Мы их прикончили.

— Что?! — вскричал Фойл.

— За борт… всех… шестьсот человек… Раздели донага… забрали их одежду, деньги, вещи, драго-

ценности… За борт, всех, пачками… Боже! Одежда по всему кораблю… Они кричат и… о, Господи, если б я только мог забыть! Женщины… голые… синие… вокруг нас. Одежда… Везде одежда… Шестьсот человек!

— Вы взяли с них деньги, даже и не думая везти на Землю? Ты, сволочь, отвечай, быстро!

— Да.

— Почему не подобрали меня?

— Все равно пришлось бы тебя выбросить за борт.

— Кто отдал приказ?

— Капитан.

— Имя!

— Джойс. Линдси Джойс.

— Адрес!

— Колония Склотски, Марс.

— Что?! — Фойл был оглушен. — Он — Склотски? Я шел по его следам, я гнал его год, я все отдал… и не могу прикоснуться… причинить боль… заставить почувствовать то, что чувствовал я?! — Он отвернулся от корчащегося на столе человека, равно корчась от крушения всех надежд. — Склотски! Единственное, о чем я никогда не думал… Что мне делать? Что же мне делать?! — ревел он в ярости. Клеймо ярко пылало на его лице.

Фойл пришел в себя от стона Кемпси. Он шагнул к столу и наклонился над рассеченным телом.

— Давай-ка напоследок все уточним. Этот Склотски, Линдси Джойс, приказал избавиться от беженцев?

— Да.

— И бросить меня гнить?

— Да. Да. Ради всего святого, довольно. Дай мне умереть.

— Живи, свинья!.. мерзкий и бессердечный ублюдок! Живи без сердца. Живи и страдай. Ты у меня будешь жить долго, ты…

Уголком глаз Фойл заметил яркую вспышку и поднял голову. Его горящий лик заглядывал в большой квадратный иллюминатор каюты. Фойл прыгнул к иллюминатору. Пылающий человек исчез.

Фойл выбежал из каюты и примчался в контрольную рубку, дающую обзор на 270 градусов. Горящего человека нигде не было видно.

— Этого не может быть, — пробормотал он. — Не может быть такого. Это знак, знак удачи… ангел-спаситель. Он спас меня на Испанской Лестнице. Он велит мне не сдаваться и разыскать Линдси Джойса.

Фойл пристегнулся к пилотскому креслу, вру-

бил двигатель и выжал полное ускорение.

— Линдси Джойс, Колония Склотски, Марс — шептал он, противясь железной силе, вдавившей его в кресло. — Склотски… Без чувств, без радости, без боли. Он недостижим… Как покарать его? Мучать, пытать? Затащить в левую каюту и заставить почувствовать то, что чувствовал я, брошенный на «Номаде»? Проклятье! Он все равно, что мертв! Он и есть труп. Живой, ходячий труп. А мне надо победить безжизненное тело и заставить его ощутить боль. Подойти так близко к цели… и оказаться перед захлопнутой дверью. Кошмарный удар… Крушение… Как отомстить?

Через час он освободился от ускорения и ярости, отстегнул ремни и вспомнил о Кемпси. В операционной стояла тишина. Перегрузки нарушили работу насоса. Кемпси был мертв.

Неожиданно Фойла захлестнуло новое, незнакомое чувство — отвращение к себе. Он отчаянно попытался побороть его.

— В чем дело, ты? — шептал он. — Подумай о шести сотнях убитых… Подумай о себе… Никак превращаешься в добродетельною христианина-подвальника… готов подставить другую щеку и заскулить о прощении… Оливия, что ты творишь со мной? Силы прошу, а не трусости…

И все же он отвел глаза, выбрасывая тело за борт.

Глава 6

ВСЕ ЛИЦА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЛУЖБЕ У ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА ИЛИ СВЯЗАННЫЕ С НИМ ИНЫМ ОБРАЗОМ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАДЕРЖАНЫ И ПОДВЕРГНУТЫ ДОПРОСУ.

Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

ВСЕМ СЛУЖАЩИМ КОМПАНИИ В СЛУЧАЕ
ПОЯВЛЕНИЯ НЕКОЕГО ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА НЕМЕДЛЕННО ДОКЛАДЫВАТЬ МЕСТНОМУ МИСТЕРУ ПРЕСТО.

ПРЕСТЕЙН.

ВСЕМ КУРЬЕРАМ. ОСТАВИТЬ ТЕКУЩИЕ ПОРУЧЕНИЯ И ЯВИТЬСЯ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАДАНИЯ ПО ДЕЛУ ФОЙЛА.

ДАГЕНХЕМ.

ПОД
ПРЕДЛОГОМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕКРАТИТЬ
ВСЕ БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ. ЦЕЛЬ — ОТРЕЗАТЬ ФОЙЛА ОТ ДЕНЕЖНЫХ ВКЛАДОВ.

Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

КАЖДОЕ ЛИЦО, НАВОДЯЩЕЕ СПРАВКИ О К/К «ВОРГА», ДОСТАВЛЯТЬ В ЗАМОК ПРЕСТЕЙНА ДЛЯ ПРОВЕРКИ.

ПРЕСТЕЙН.

ВСЕ ПОРТЫ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ ПРИВЕСТИ В СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРИБЫТИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА. КАРАНТИННЫМ И ТАМОЖЕННЫМ СЛУЖБАМ КОНТРОЛИРОВАТЬ ПОСАДКИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ.

Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

СОБОР СВЯТОГО ПАТРИКА ОБЫСКАТЬ. УСТАНОВИТЬ
КРУГЛОСУТОЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ.

ДАГЕНХЕМ.

УСТАНОВИТЬ
ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ФАМИЛИИ ОФИЦЕРОВ И РЯДОВОГО СОСТАВА К/К «ВОРГА» С ЦЕЛЬЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО ХОДА ФОЙЛА.

ПРЕСТЕЙН.

КОМИТЕТУ
ПО ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СОСТАВИТЬ СПИСОК ВРАГОВ НАРОДА, НАЧИНАЯ С ФОЙЛА.

Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

1 000 000 КР. ЗА ИНФОРМАЦИЮ, ВЕДУЩУЮ
К ЗАДЕРЖАНИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА, ОН ЖЕ ГУЛЛИ ФОЙЛ, НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ. КРАЙНЕ ВАЖНО! СРОЧНО! ОПАСНО!

И после двухсотлетней колонизации нехватка воздуха на Марсе была столь резкой, что тут до сих пор действовал закон Р-Л — закон Растительности Линча. Повредить или уничтожить любое растение, жизненно необходимое для превращения богатой двуокисью углерода атмосферы Марса в кислородную, считалось тягчайшим преступлением, Предупреждения типа «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ» были излишни. В любого человека, сошедшего с дорожки, немедленно стреляли. Женщину, сорвавшую цветок, убили бы без пощады. Два столетия кислородного голодания сделали месть за беззащитную зелень, поднявшуюся почти до уровня святыни, вполне нормальным явлением.

Фойл вспоминал все это, торопливо шагая по середине старой дороги, ведущей к Сен Мишелю. Прямо с аэродрома Сиртис он джантировал на площадку Сен Мишель, в начало дороги, четверть мили тянущейся среди зеленых полей. Остаток пути ему предстояло пройти пешком.

Как и оригинальный Монт Сен Мишель на побережье Франции, марсианский Сен Мишель представлял собой величественный готический собор с множеством шпилей и контрфорсов. Он стоял на холме и стремительно взвивался в

небо. Океанские волны окружали Сен Мишель на Земле. Зеленые волны травы окружали Сен Мишель на Марсе. Оба были крепостями. Монт Сен Мишель — крепостью веры, до того, как организованную религию запретили. Марсианский Сен Мишель — крепостью телепатии. Там жил единственный полный телепат Марса Зигурд Магсмэн.

— Итак, Зигурда Магсмэна защищают, — речитативом повторял Фойл, полуистерично, полублагоговейно. — Во-первых, Солнечная Система. Во-вторых, военное положение. В-третьих, Дагенхем-Престейн и Ко. В-четвертых, сама крепость. В-пятых, охрана, слуги и обожатели седобородого мудреца, прекрасно всем нам известного Зигурда Магсмэна, продающего свои поразительные способности за поразительную цену… — Фойл зашелся смехом и еле отдышался. — Правда, существует и кое-что шестое: ахиллесова пята Зигурда Магсмэна. Я знаю ее, потому что заплатил 1 000 000 Кр. Зигурду III… или IV?…

Он прошел внешний лабиринт Сен Мишеля по фальшивым документам и чуть не поддался искушению обманом или силой добиться аудиенции с самим Соломоном. Однако время поджимало. Враги обложили его, как медведя. Кольцо вокруг

него стягивалось все туже и туже. Фойл не мог позволить себе тратить время на удовлетворение своего праздного любопытства. Вместо этого он ускорился и нашел скромный домик в обнесенном стенами саду на территории Сен Мишель. С тусклыми окнами и соломенной крышей, его по ошибке можно было принять за конюшню. Фойл проскользнул внутрь.

Домик был детской. Три милые няни безжизненно сидели в качалках, сжимая в застывших руках вязанье. Фойл молниеносным пятном сделал им по уколу и замедлился. Он посмотрел на древнего, древнего младенца, высохшего, сморщенного ребенка, сидящего на полу рядом с моделью электрической железной дороги.

— Здравствуй, Зигурд, — сказал Фойл.

Младенец заплакал.

— Плакса! Чего ты ревешь? Не бойся, я тебя не обижу.

— *Ты плохой человек, с плохим лицом.*

— Я твой друг, Зигурд.

— *Нет, ты хочешь, чтобы я делал б-бяку.*

— Я твой друг. Я все знаю о тех больших дядях, которые выдают себя за тебя, но я молчу. Прочитай мои мысли и убедись.

— *Ты хочешь обидеть его.*

— Кого?

— *Капитана. Ск… Скол…* — Он не сумел выговорить и заплакал еще горше. — *Уходи. Ты плохой. У тебя в голове вред, горящие люди и…*

— Иди ко мне, Зигурд.

— *Нет. НЯНЯ! НЯНЯ-А-А!*

— Заткнись, ублюдок! — Фойл схватил семидесятилетнего младенца и встряхнул его. — Ты испытаешь кое-что совершенно новое для себя, Зигурд. В первый раз тебя заставят сделать что-нибудь силой. Понимаешь?

Дряхлый ребенок прочел его мысли и завопил.

— Заткнись! Сейчас мы отправимся в Колонию Склотски. Будь паинькой и веди себя хорошо, делай все, что я тебе скажу. Тогда я верну тебя назад целым и невредимым и дам леденец… или чем там они тебя подкупают. Не будешь слушаться, я из тебя дух вышибу.

— *Нет, не вышибешь… не вышибешь… Я — Зигурд Магсмэн. Зигурд-телепат. Ты не посмеешь.*

— Сынок, я — Гулли Фойл, Враг Номер Один. Лишь шаг отделяет меня от заветной цели… Я рискую своей шеей. Ты мне нужен для сведения счетов с одной сволочью… Сынок, я — Гулли Фойл. Нет такой вещи, которую я не посмею сделать.

Телепат стал излучать ужас с такой силой, что

по марсианскому Сен Мишелю заревели сирены. Фойл крепко ухватил древнего младенца, ускорился и вынес его из крепости. Затем джантировал.

СРОЧНО!
СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО. ПОХИЩЕН ЗИГУРД МАГСМЭН. ПОХИТИТЕЛЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ГУЛЛИ ФОЙЛ, ОН ЖЕ ФОРМАЙЛ С ЦЕРЕСА, ВРАГ НОМЕР ОДИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОРИЕНТИРОВОЧНО УСТАНОВЛЕНО. ПОДНЯТЬ БРИГАДУ КОММАНДОС. СРОЧНО. СРОЧНО.

Члены древней секты Склотски веровали в то, что корнем всего зла является секс и безжалостно искореняли зло самокастрированием. Современные Склотски, веруя, что корнем зла являются ощущения, ввели и еще более зверский обряд. Вступив в Колонию Склотски и заплатив за эту привилегию целое состояние, вновь посвященные с великой радостью подвергались операции, отделяющей органы чувств от нервной системы. Они существовали без слуха, зрения, речи, обоняния, осязания и вкусовых ощущений.

Новичкам, впервые вошедшим в монастырь,

показывали уютные кельи. Подразумевалось, что здесь, любовно ухоженные, они проведут остаток дней своих в медитации. В действительности несчастных загоняли в катакомбы и кормили раз в сутки. Двадцать три часа из двадцати четырех они сидели в темноте на сырых каменных плитах, забытые, заброшенные, никому не нужные.

— Живые трупы, — пробормотал Фойл. Он замедлился, опустил Зигурда Магсмэна и активизировал сетчатку глаз до излучения света, пытаясь разглядеть что-нибудь в утробном мраке. Наверху была обычная ночь. А здесь, в катакомбах, царила вечная ночь. Зигурд Магсмэн распространял такой ужас и муку, что Фойлу пришлось его снова встряхнуть.

— Тихо! — прошипел он. — Этих мертвецов ты не поднимешь. Найди мне Линдси Джойса.

— *Они все больные… все больные… в головах будто черви, и болезнь, и…*

— О, Господи, мне ли не знать это… Давай ищи скорее, надо кончать. Нам предстоит еще кое-что похуже.

Они пробирались по извивающимся коридорам катакомб. По стенам, от пола до потолка, тянулись каменные полки. Склотски, бледные как слизни, немые как трупы, неподвижные как будды,

наполняли каверны смердением разлагающейся плоти. Телепатическое дитя всхлипывало и стонало. Фойл стальной хваткой держал его за воротник и заставлял держать след.

— Джонсон, Райт, Килли, Графф, Настро, Андервуд… Боже, да их здесь тысячи… — Фойл считал бронзовые таблички, прикрепленные к полкам. — Ищи, Зигурд, ищи мне Линдси Джойса. Тут можно блуждать без конца. Кон, Брейди, Регаль, Винсент… Что за?…

Фойл отпрянул. Одна из кошмарно-белых фигур задела его рукой. Она покачивалась и корчилась. Телепатические волны ужаса и муки, излучаемые Зигурдом Магсмэном, достигли их и пытали.

— Прекрати! — рявкнул Фойл. — Найди Линдси Джойса, и мы сразу же уберемся отсюда. Ищи его.

— *Дальше вниз,* — всхлипнул Зигурд. — *Прямо вниз. Семь, восемь, девять полок… Я хочу домой. Мне плохо. Я…*

Фойл сорвался с места и побежал по проходу, волоча Зигурда за собой. Внезапно он увидел табличку: «Линдси Джойс. БУГАНВИЛЬ. ВЕНЕРА».

Это был его враг, виновник его смерти и смерти шестисот невинных людей с Каллисто. Враг, о котором он мечтал и к которому рвался долгие

месяцы. Враг, для мучительной агонии которого он подготовил все необходимое в левой каюте яхты. Враг на «Ворге» оказался женщиной.

Фойла как громом поразило. В дни ханжеского пуританства, женщины ходили в парандже, наряжались мужчинами и только так вступали в жизнь, для них закрытую… но он никогда не слышал о женщине в космическом флоте, женщине-капитане…

— Это?! — яростно вскричал он. — Это Линдси Джойс?! Линдси Джойс с «Ворги»? Спроси ее!

— *Я не знаю, что такое «Ворга».*

— Спрашивай!

— *Но я… Она была… Она командовала.*

— Капитан?

— *Я не люблю, что у нее внутри. Там темно и плохо. Мне больно. Я хочу домой.*

— Спрашивай. Она капитан «Ворги»?

— *Да. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня больше. Там мрак. Там боль. Я не люблю ее.*

— Скажи ей, что я тот, кого она не подобрала шестнадцатого сентября 2336 года. Скажи ей, что я, наконец, пришел свести счеты. Скажи ей, что я собираюсь отквитаться.

— *Н-не понимаю. Не понимаю.*

— Скажи ей, что я собираюсь убить ее, медленно и мучительно. У меня на яхте есть каюта… точно такая, как инструментальный шкаф на «Номаде», где я гнил шесть месяцев… где по ее приказу меня бросили подыхать. Скажи ей: она будет гнить и издыхать, как я. Скажи! — Фойл неистово затряс сморщенное дитя. — Заставь ее почувствовать это. Неужели она уйдет, превратившись в Склотски?! Скажи, что я убью ее насмерть! Прочти мои мысли и скажи ей!

— *Она н-не… Она не отдавала этого приказа…*

— Что?!

— *Не могу понять.*

— Она не приказывала меня бросить?

— *Я боюсь…*

— Спрашивай, тварь, или я разорву тебя на части! Что она имеет в виду?

Дитя рыдало. Женщина корчилась. Фойл кипел.

— Ну! Давай же! О, Господи, почему единственный телепат на Марсе ребенок! Зигурд! Зигурд, послушай меня. Спроси: приказывала ли она выбросить беженцев?

— *Нет. Нет!*

— Нет — она не приказывала, или нет — ты не будешь спрашивать?

— *Она не приказывала.*

— Приказывала она пройти мимо «Номада»?

— *Там холодно, темно и страшно. О, пожалуйста! НЯНЯ-А-А! Я хочу домой. Хочу домой.*

— Она приказывала пройти мимо «Номада»?

— *Нет.*

— Не приказывала?

— *Нет. Отведи меня домой.*

— Спроси у нее, кто отдал этот приказ.

— *Я хочу к няне.*

— Узнай, кто ей приказал. Ведь она капитан корабля. Кто же командовал ей? Спрашивай!

— *Хочу к няне.*

— Спрашивай!

— *Нет. Нет. Нет. Я боюсь. Она больна. Она черная и страшная. Она плохая. Я не понимаю ее. Хочу к няне, Хочу домой.*

Дитя вскрикивало и тряслось. Фойл орал. Эхо гремело. Фойл в ярости шагнул к ребенку, и тут глаза его ослепил яркий свет. Катакомбы осветило пламя Горящего Человека. Перед Фойлом возник его собственный образ. Лицо искажено в кошмарной маске. Одежда в огне. Пьшающие глаза прикованы к бьющемуся в конвульсиях Склотски — Линдси Джойс.

Горящий Человек открыл свой тигровый зев.

Раздался скрежещущий звук, похожий на охваченный пламенем смех.

— Ей больно. — Горящий Человек сморщился. — Слишком ярко, — прохрипел он. — Меньше света.

Фойл шагнул вперед. Горящий Человек страдальчески зажал уши руками.

— Слишком громко! — закричал он. — Не двигайся так громко!

— Ты мой ангел-хранитель?

— Не слепи меня! Тссс! — Внезапно он опять рассмеялся. — Послушай ее. Она кричит, ползет на коленях, молит о пощаде. Не хочет подыхать. Не хочет боли. Послушай ее.

Фойл дрожал.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай. — Горящий Человек вытянул указующий перст. — Она говорит — Оливия.

— Что?

— Она говорит — Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Горящий Человек исчез.

В катакомбах снова воцарилась тьма.

Фойла закружил вихрь калейдоскопических огней и какофония звуков. Он пошатнулся и судорожно глотнул ртом воздух.

— Блюджант… — пробормотал он. — Оливия. Нет. Нет. Не может быть. Оливия.

Фойл почувствовал чью-то руку.

— Джиз?! — хрипло выдохнул он. За его руку держался плачущий Зигурд Магсмэн. Он взял ребенка на руки.

— *Мне больно,* — скулил Зигурд.

— И мне больно, сынок.

— *Хочу домой.*

Держа младенца на руках, Фойл брел по катакомбам.

— Живые трупы, — выдавил он. — И я среди них.

Он нашел каменные ступени, ведущие из глубин наверх в монастырь и стал карабкаться, вкушая смерть и отчаяние. Перед ним забрезжил свет. На какой-то миг он подумал, что уже рассвело. Потом он понял: монастырь ярко освещен прожекторами. До него донеслось грохотание сапог и невнятная скороговорка команд. Фойл остановился и собрал все свои силы.

— Зигурд, — прошептал он. — Кто там?

— *Солдатики,* — ответило дитя.

— Солдаты? Какие солдаты?

— *Коммандос,* — Сморщенное лицо Зигурда просветлело. — *Они пришли за мной. Забрать*

меня домой к няне. Я ЗДЕСЬ! Я ЗДЕСЬ!!

Телепатический вопль вызвал крики наверху. Фойл ускорился и молнией выскочил на свет, на зеленый дворик с арками. В центре дворика раскинул ветви огромный ливанский кедр. Дорожки кишели солдатами. Фойл оказался лицом к лицу с соперником, который ему ни в чем не уступал. Через миг после того, как размытое пятно скользнуло у выхода из катакомб, коммандос ускорились. Они были на равных.

Поскольку Фойл держал ребенка, использование оружия исключалось. Прижимая Зигурда к груди, как бегун по пересеченной местности, он, виляя, помчался через двор монастыря. Никто не посмел остановить его. Лобовое столкновение на пятикратном ускорении сулило мгновенную гибель столкнувшимся. Объективно этот головокружительный бросок казался зигзагом молнии.

Фойл перебежал дворик, пронесся через лабиринт и выскочил на общественную джант-площадку за главными воротами. Там он замедлился и джантировал на аэродром, в четверти мили от монастыря. Взлетное поле сверкало огнями и кишело коммандос. Все антигравитационные шахты занимали военные корабли. Его собственная яхта была под охраной.

Через пятую долю секунды после появления Фойла в аэропорту туда джантировали его преследователи из монастыря. Фойл затравленно озирался. Его окружила бригада коммандос — под ускорением, великолепно обученные и смертельно опасные ребята. Перед ними он был беспомощен. У него не осталось ни одного шанса.

И тут вмешались Внешние Спутники. Ровно через неделю после уничтожительного рейда на Землю они нанесли удар по Марсу.

Снова ракеты пришлись на рассветный квадрант. Опять вспыхнули и заиграли перехватывающие лучи, и небеса содрогнулись от детонации. На горизонте вспухли зловещие смерчи огня, земля задрожала. Одновременно с этим, заливая ночную сторону планеты мертвенно-слепяшим светом, рой ядерных боеголовок ударил по крошечному спутнику Марса, Фобосу, и в мгновение ока испарил его.

Смятение, охватившее коммандос, предоставило Фойлу единственный шанс на спасение. Он снова ускорился и напролом бросился к яхте. Перед люком остановился и молниеносно оценил нерешительность охраны. Какую-то долю секунды они колебались, не зная, выполнять ли

задачу или реагировать на новую обстановку. Фойл швырнул застывшее тело Зигурда Магсмэна в воздух, охранники инстинктивно кинулись ловить его, а Фойл тем временем рванулся сквозь них в яхту и захлопнул за собой люк.

Все еще под ускорением, ни на миг не останавливаясь и не проверяя, есть ли кто-нибудь на борту, он ворвался в рубку, ударил по тумблеру взлета, откинув его до предела, и яхта взмыла по антигравитационному лучу с десятикратным ускорением. Фойл не успел привязаться к креслу. Действие десятикратной тяги на его беззащитное тело было чудовищным.

Сокрушительная сила вырвала его из кресла. Его ускоренным чувствам казалось, что задняя стена рубки приближается со скоростью сомнамбулы. Он выбросил обе руки, ладонями вперед. Неотвратимая сила, толкающая его назад, развела руки в стороны и вжала его в стену, сперва мягко, потом все сильнее и сильнее, пока лицо, челюсть, грудь и тело не распластались на металле.

Нарастающее давление стало невыносимым. Фойл попытался нащупать языком выключатель во рту, однако сокрушительная сила, медленно раздавливающая его об стену, парализовала чугунное тело. Череда взрывов — так низко по

звуковому диапазону, что они казались едва уловимым урчанием, — подсказала ему: бригада Коммандос обстреливает его снизу. Когда яхта, раздирая верхние слои атмосферы, выскочила в иссине-черную ночь открытого космоса, он завизжал, как летучая мышь, и визжал до тех пор, пока сознание не покинуло его.

Глава 7

Фойл очнулся в темноте. Он был замедлен. Полное истощение свидетельствовало: в бессознательном состоянии он находился под ускорением. Либо иссякла батарея, либо… Он по миллиметру продвинул руку к спине. Батарея исчезла. Ее кто-то удалил.

Фойл ощупывал себя дрожащими пальцами. Он лежал в постели, к ней его привязывали ремни. Вокруг него гудели вентиляторы и кондиционеры, пощелкивали и жужжали сервомеханизмы. Корабль находился в свободном падении.

Фойл отстегнул ремни, оттолкнулся локтями и взмыл в воздух. Он парил в темноте, тщетно надеясь нашарить выключатель или кнопку вызова. Его руки наткнулись на графин с рельефными буквами на стекле. Он прочитал их кончиками

пальцев. В.О.Р.Г.А. ВОРГА.

Дверь каюты открылась. Из светлого помещения с роскошной обстановкой выплыла какая-то неясная фигура.

— На этот раз мы тебя подобрали, — услышал он голос Оливии Престейн.

— Оливия?

— Да.

— Значит, это правда?

— Да, Гулли.

Фойл заплакал.

— Ты очень слаб, — прошептала она. — Ложись.

Она выплыла с ним в соседнее помещение и уложила его в шезлонг, пристегнув ремнями. Шезлонг еще хранил тепло ее тела.

— Ты находился в таком состоянии шесть дней. Мы не думали, что выживешь. Тебя покинули силы, прежде чем хирург нашел эту батарею на спине.

— Где она? — выдавил Фойл.

— Можешь взять ее в любой момент. Не волнуйся, дорогой.

Он пристально посмотрел на Оливию… его Снежная Дева… его возлюбленная Принцесса… белая шелковая кожа, слепые коралловые глаза,

тонкие коралловые губы… Она коснулась его влажных щек надушенным платком.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Тссс. Знаю, Гулли.

— Ты все знаешь обо мне. Давно?

— Я знала, что Гулли Фойл — мой враг, с самого начала. Однако до нашей встречи я не догадывалась, что это — Формайл. Ах, если б я только знала раньше… Сколько бы удалось спасти…

— Ты знала и смеялась надо мной!

— Нет.

— Была рядом и давилась смехом.

— Была рядом и любила тебя. Нет, не перебивай. Дай мне сказать. Я стараюсь быть рациональной, а это нелегко. — Мраморное лицо зарделось румянцем. — Я не играю с тобой. Я… я выдала тебя своему отцу. Да. И через час поняла, что совершила ошибку — я люблю тебя. Теперь мне приходится расплачиваться. Тебе незачем знать.

— Ты рассчитываешь, я поверю?

— Зачем же тогда здесь я? — Она слегка задрожала. — Почему я последовала за тобой? Эта кошмарная бомбежка… Еще пару минут, и ты был бы мертв, если бы мы тебя не подобрали. От твоей яхты ничего не осталось.

— Где мы сейчас?

— Какая разница?

— Я тяну время.

— Время? Для чего?

— Чтобы собраться с силами.

— Мы на орбите вокруг Земли.

— Как вы нашли меня?

— Я знала, тебе нужна Линдси Джойс и взяла один из отцовских кораблей. Это оказался «Ворга».

— Ему известно?

— Ничего ему неизвестно. У меня своя жизнь и он в нее не вмешивается.

Фойл не мог отвести от нее глаз, и в то же время ему было больно смотреть на нее. Он жаждал и ненавидел… жаждал изменить содеянное и ненавидел правду за то, что она есть. Он гладил ее платок дрожащими пальцами.

— Я люблю тебя, Оливия.

— Я люблю тебя, Гулли, враг мой.

— Ради бога! — взорвался он. — Почему ты это сделала?

— Что?! Ты требуешь извинения?! — повысила голос она.

— Я требую объяснения.

— От меня ты его не услышишь.

— Кровь и деньги, — сказал твой отец. И он

прав. О-о-о… Дрянь! Дрянь! Дрянь!

— Кровь и деньги — да! И я не стыжусь этого!

— Я тону, Оливия. Кинь мне хоть тростинку…

— Тони. Меня ведь не спасал никто. Нет-нет… Все не так… не так… Подожди, мой милый. Подожди. — Она взяла себя в руки и заговорила спокойно и очень нежно. — Я могу солгать, Гулли, любимый, и заставить тебя поверить, но я буду честной. Объяснение очень простое. У меня есть своя личная жизнь. У всех она есть. И у тебя в том числе.

— Какая же жизнь у тебя?

— Ничем не отличающаяся от твоей… от любой другой. Я лгу, обманываю, уничтожаю… как все мы. Я преступаю закон — как все мы.

— Ради чего? Денег? Тебе они не нужны.

— Нет.

— Власти… могущества?

— Нет.

— Тогда зачем?

Она глубоко вздохнула, как будто признание мучило ее страшно.

— Чтобы отомстить.

— За что?

— За мою слепоту, — проговорила она низким голосом. — За беспомощность… Меня следовало

убить в колыбели. Известно ли тебе, что такое быть слепой? Быть зависимой, искалеченной, бессильной… «Если ты слепа, пускай они будут еще более слепы. Если ты беспомощна, раздави их. Отплати им… всем им».

— Оливия, ты безумна.

— А ты?

— Я люблю чудовище.

— Мы оба чудовища.

— Нет!

— Нет? Ты не чудовище?! — Она вспыхнула. — Что же ты делал, если не мстил, подобно мне, всему миру? Что такое твоя месть, если не сведение счетов с невезением? Кто не назовет тебя безумным зверем? Говорю тебе, мы достойны друг друга, Гулли. Мы не могли не полюбить друг друга.

Ее слова ошеломили его. Он примерил на себе пелену ее откровения, и она подошла, облегая туже, чем тигриная маска на его лице.

— «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй! — произнес он. — Зверь! Хуже зверя!» Это правда. Я действительно ничем не лучше тебя. Даже хуже. Но богу известно, я не убивал шестьсот человек.

— Ты убиваешь шесть миллионов.

— Что?

— Возможно, больше. У тебя есть что-то, необходимое им для окончания войны.

— Ты имеешь в виду ПирЕ?

— Да.

— Что это, что за миротворец эти двадцать фунтов чуда?

— Не знаю. Знаю лишь: он им нужен отчаянно. Мне все равно. Да, сейчас я честна. Мне все равно. Пускай гибнут миллионы. Для нас с тобой это ведь не имеет значения. Ведь мы стоим выше всех, Гулли. И сами творим мир. Мы сильны.

— Мы прокляты.

— Мы освящены. Мы нашли друг друга. — Внезапно она рассмеялась и протянула руки. — Я спорю, когда в этом нет нужды. Приди ко мне, любимый… Где бы ты ни был, приди ко мне.

Он сперва слегка коснулся ее, потом обнял, сжал, стал яростно целовать… и тут же выпустил.

— Что, Гулли, милый мой?

— Я больше не ребенок, — устало произнес он. — Я научился понимать, что в жизни нет ничего простого. Не бывает и простых ответов. Можно любить и презирать. Ты заставляешь меня презирать себя.

— Нет, дорогой.

— Всю свою жизнь я был тигром. Я выдрессировал себя… дал себе образование… сам тянул за свои тигриные полосы, отращивая еще более мощные лапы и острые клыки… становясь еще более быстрым и смертоносным.

— Ты и сейчас такой. Ты такой. Самый смертоносный.

— Нет. Нет. Я зашел чересчур далеко. Я миновал простоту. Превратился в мыслящее существо. Я смотрю на себя твоими слепыми глазами, любовь моя, которую презираю, и вижу — тигр исчез.

— Тигру некуда деться. Ты обложен, Гулли, — Дагенхемом, Разведкой, моим отцом, всем светом.

— Знаю.

— А вот со мной ты в безопасности. Мы оба в безопасности. Им никогда не придет в голову искать тебя рядом со мной. Мы можем вместе жить, драться, уничтожать их…

— Нет. Только не вместе.

— Ты что? — вновь вспыхнула она. — Все еще охотишься за мной?! Дело в этом? Еще жаждешь мести? Ну, так давай мсти. Вот я. Ну же!..

— Нет. С этим покончено.

— А, я знаю, что тебя беспокоит. — Она мгно-

венно стала опять ласковой. — Твое лицо. Ты стыдишься своего тигриного лика, но я люблю его. Ты горишь так ярко!.. Ты горишь сквозь слепоту. Поверь мне.

— Боже мой, какая пара кошмарных чудовищ!

— Что с тобой случилось? — потребовала она. Она отпрянула, сверкая незрячими глазами. — Где человек, который стоял возле меня во время рейда? Где бесстыжий дикарь, который…

— Пропал, Оливия. Ты потеряла его. Мы оба потеряли его.

— Гулли!

— Да-да.

— Но почему?! Что я сделала?

— Ты не понимаешь, Оливия.

— Где ты? — Она потянулась, коснулась его и приникла к нему. — Послушай меня, милый. Ты устал, обессилен. Вот и все. Ничего не пропало. — Слова лились из нее бессвязным потоком. — Ты прав. Конечно, прав. Мы были плохими, отвратительными. Сейчас все позади. Ничего не потеряно. Мы были испорчены, потому что чувствовали себя одинокими и несчастными. Теперь мы нашли друг друга и можем спастись. Будь моей любовью. Всегда. Вечно. Я так долго ждала тебя, ждала, надеялась и молилась…

— Нет. Ты лжешь, Оливия, и знаешь это.

— Ради бога, Гулли!

— Опускай «Воргу», Оливия.

— Вниз?

— Да.

— Что ты собираешься делать? Ты сошел с ума. Они же гонятся за тобой по пятам… ловят тебя… ждут, пока ты угодишь им в лапы. Что ты собираешься делать?

— Думаешь, мне просто?… Я все еще одержим, и мне не вырваться из плена. Но теперь в седле иная страсть, и шпоры жгут, черт их подери. Жгут невыносимо.

Он подавил ярость и совладал с собой. Взял ее руки в свои и поцеловал ладони.

— Все кончено, Оливия, — тихо произнес он. — Я буду любить тебя всегда, вечно.

— Подытожим, — мрачно изрек Дагенхем. — В ночь, когда мы нашли Фойла, нас бомбили. Мы потеряли его на Луне, обнаружили через неделю на Марсе. Нас опять бомбили. Мы опять его потеряли. Прошла еще неделя. Предстоит очередная бомбежка. Венеры? Луны? Снова Земли? Кто знает. Мы же знаем одно… еще один рейд без возмездия, и всем нам конец.

Дагенхем скользнул взглядом вокруг стола. Зо-

лото и слоновая кость убранства Звездного Зала замка Престейна еще больше подчеркивали напряженность его лица, напряженность лиц всех трех присутствующих. Йанг-Йовил тревожно нахмурился. Престейн крепко сжал тонкие губы.

— И еще одно нам известно, — продолжал Дагенхем, — Мы не можем нанести ответный удар без ПирЕ, и не можем найти ПирЕ без Фойла.

— Я дал указание, — вмешался Престейн, — не упоминать ПирЕ публично.

— Во-первых, это не просто, — прервал его Дагенхем. — Это общий фонд информации. Во-вторых, сейчас не до прав на собственность. Обсуждается вопрос выживания, и здесь у всех равные права. Да, Джиз?

Джизбелла Мак Куин джантировала в Звездный Зал, полная решимости и ярости.

— До сих пор никаких следов Фойла.

— Собор под наблюдением?

— Да.

— Доклад Бригады Коммандос с Марса?

— Не пришел.

— Это совершенно секретное дело, — мягко заметил Йанг-Йовил.

— У вас так же мало секретов от меня, как у меня от вас, — усмехнулся Дагенхем. — Постарайся

опередить Разведку с этим докладом, Джиз. Иди.

Она исчезла.

— Кстати, о правах, — проворковал Йанг-Йовил. — Центральная Разведка гарантирует Престейну полную оплату его прав на ПирЕ.

— Что ты с ним нянчишься, Йовил?

— Наше совещание записывается, — холодно указал Престейн. — Предложение капитана зарегистрировано. — Он повернул свое застывшее лицо к Дагенхему. — Вы у меня на службе, мистер Дагенхем. Пожалуйста, оставьте все ваши замечания мне.

— И вашей собственности? — с убийственной улыбкой осведомился Дагенхем. — Вы и ваша проклятая собственность… Мы на грани уничтожения ради вашей собственности. Я не преувеличиваю. Если этой войне не положить конец, то больше уже войн не будет.

— Мы всегда можем сдаться, — заметил Престейн.

— Нет, — сказал Йанг-Йовил. — Этот вариант уже обсуждался и его отклонила Штаб-квартира. Нам известны дальнейшие планы Внешних Спутников. Они включают тотальную эксплуатацию Внутренних Планет. Нас просто-напросто выпотрошат, а потом выкинут за ненадобностью.

Сдаться — все равно, что погибнуть.

— Но не для Престейна, — добавил Дагенхем.

— Скажем… за исключением присутствующих, — изящно поправил Йанг-Йовил.

— Ну, Престейн, — нетерпеливо потребовал Дагенхем, — Мы ждем.

— Прошу прощения, сэр?

— Выкладывайте все о ПирЕ. У меня есть идея, как выманить Фойла, но для этого необходимо знать все факты.

— Нет, — сказал Престейн.

— Что «нет»?

— Я принял решение воздержаться от выдачи информации о ПирЕ.

— Боже всемогущий, Престейн! Вы спятили? Сейчас не время ломаться.

— Все очень просто, Дагенхем, — заметил Йанг-Йовил. — Мое сообщение указало Престейну, как улучшить свое положение. Вне всякого сомнения он намеривается предложить эти сведения врагу в обмен на… имущественные выгоды.

— Неужели ничто не может вас тронуть? — презрительно бросил Престейну Дагенхем. — Неужели в вас ничего не осталось, кроме собственности?… Уйди, Джиз, все пропало.

Джизбелла снова джантировала в Звездный

Зал.

— Доклад Бригады Коммандос, — сказала она. — Мы знаем, что случилось с Фойлом. Он у Престейна.

— Что?!

Дагенхем и Йанг-Йовил вскочили на ноги.

— Он покинул Марс на частной яхте, был сбит и подобран престейновской «Воргой».

— Будь ты проклят, Престейн! — вскричал Дагенхем. — Так вот почему…

— Подождите, — приказал Йанг-Йовил. — Посмотрите на него. Он, судя по всему, впервые это слышит, Дагенхем.

Лицо Престейна посерело, как пепел. Он попытался подняться и тяжело свалился назад в кресло:

— Оливия, — прохрипел он. — С ним… с этим подонком…

— Престейн!

— Моя дочь, джентльмены, некоторое… некоторое время занималась… определенной деятельностью. Семейный порок. Кровь… Я закрывал глаза… Почти убедил себя, что ошибаюсь. Я… Но Фойл! Грязь! Мерзость! Его надо уничтожить! — Голос Престейна перешел в визг и сорвался. Его голова неестественно запрокинулась назад, как у

повешенного, тело забилось в конвульсиях.

— Эпилепсия, — коротко бросил Йанг-Йовил. — Подайте ложку, мисс Мак Куин. Живо! — Он вытащил Престейна из кресла, уложил на полу, и засунул ложку между зубами, чтобы уберечь язык. Приступ прошел так же внезапно, как и начался. Дрожь прекратилась. Престейн открыл глаза.

— Ничего страшного, — пробормотал Йанг-Йовил, убирая ложку. — Еще некоторое время он будет не в себе.

Неожиданно Престейн заговорил слабым монотонным голосом.

— ПирЕ — пирофорный сплав. Пирофор — металл, который испускает искры, когда его скоблят или трут. ПирЕ испускает энергию, отсюда «Е» — символ энергии. ПирЕ — твердый раствор трансплутониевых изотопов. Его открыватель был убежден, что получил эквивалент первичного протовещества, давшего начало Вселенной.

— О, боже! — воскликнула Джизбелла.

Дагенхем жестом прервал ее и склонился над Престейном.

— Как подвести его к критической массе? Каким образом высвобождается энергия?

— Как создавалась энергия в начале времен, —

бесстрастно произнес Престейн. — Через Волю и Идею.

— Уверен, что он христианин-подвальник, — тихо заметил Дагенхем Йанг-Йовилу. Он повысил голос. — Объясните.

— Через Волю и Идею, — повторил Престейн. — ПирЕ можно детонировать лишь психокинетически. Его энергия высвобождается мыслью. Нужно захотеть, чтобы он взорвался. Направленная мысль. Вот единственный способ.

— И нет никакого ключа? Никакой формулы?

— Нет. Лишь Воля и Идея.

Остекленевшие глаза Престейна закрылись.

— Боже всемогущий! — Дагенхем ошеломленно стер пот со лба. — Заставит это задуматься Внешние Спутники, Йовил?

— Это всех нас заставит подумать.

— Это дорога в ад, — прошептала Джизбелла. — Так давайте отыщем эту дорогу и сойдем с нее. У меня есть предложение, Йовил. Фойл возился с ПирЕ в своей лаборатории в соборе, пытаясь анализировать его.

— Я рассказала тебе об этом по строжайшему секрету! — гневно вспыхнула Джизбелла.

— Прости, дорогая. Теперь не время церемониться. Гляди, Йовил… какие-то остатки этого

вещества должны были сохраниться, остаться вокруг нас. В растворе, как пыль… Надо детонировать эти остатки и взорвать цирк Фойла к чертовой матери.

— Зачем?

— Чтобы выманить его. Где-то же он спрятал основную массу ПирЕ… Он примчится, чтобы спасти свое сокровище.

— А если взорвется все?

— Не может быть. ПирЕ в сейфе из Инертсвинцового Изомера.

— Возможно, он не весь внутри.

— По словам Джиз — весь. Так, по крайней мере, рассказывал Фойл. Нам придется рисковать.

— Рисковать! — воскликнул Йанг-Йовил. — Мы рискуем всю Солнечную систему превратить в Сверхновую.

— А что остается делать? Выбирай любой путь… и это будет путь к уничтожению. Есть у нас выбор?

— Мы можем подождать, — предложила Джизбелла.

— Чего? Пока Фойл не взорвет нас своими экспериментами?

— Мы его предупредим.

— Нам неизвестно, где он.

— Найдем.

— Как скоро? Разве это не риск? А пылинки ПирЕ вокруг нас? Будут ждать, пока кто-нибудь не превратит их случайно в энергию? А если сейф взломают джек-джантеры в поисках добычи? Тогда уже не пыль, а двадцать фунтов будут ждать случайной мысли.

Лицо Джизбеллы покрылось смертельной белизной. Дагенхем повернулся.

— Тебе решать, Йовил.

Йанг-Йовил тяжело вздохнул.

— Я боюсь… Будь прокляты все ученые… Есть еще одно обстоятельство. Внешние Спутники тоже занимаются этим. У нас имеются основания полагать, что все агенты отчаянно ищут Фойла. Если мы будем ждать, они могут добраться до него первыми. Да что там, возможно, он уже сейчас у них в лапах.

— Итак, твое решение…

— Взрывать.

— Нет! — вскричала Джизбелла.

— Как? — спросил Дагенхем, не обращая на нее внимания.

— О, у меня как раз есть человек для такой работы. Односторонний телепат по имени Робин Уэднесбери.

— Когда?

— Немедленно. Эвакуируем соседние районы. Новости будут переданы по всей системе. Если Фойл находится на Внутренних Планетах, он услышит об этом.

— Не «об этом», — отчаянно проговорила Джизбелла. — Он услышит это. Это последнее, что каждый из нас услышит.

Как всегда, возвращаясь после тяжелого, бурного, но выигранного процесса, Регис Шеффилд был доволен и благодушен, словно нахальный петух, только что победивший соперника в жестоком бою. Он остановился у Блекмана в Берлине, выпил и поболтал там о ходе военных действий. Добавил и еще поболтал в Париже. Основательно посидел в лондонском «Кожа-да-кости». И в свою нью-йоркскую контору попал уже изрядно навеселе.

Миновав узкие коридоры и внешние комнаты, он ступил в приемную, где его встретил секретарь с пригоршней бусинок-мемеографов.

— Я заткнул их за пояс! — восторженно сообщил Шеффилд. — Осуждены, плюс возмещение всех убытков.

Он взял бусинки и стал кидать в самые неподходящие места по всей комнате, включая разину-

тый рот секретаря.

— Как, мистер Шеффилд! Вы пили!..

— Ничего, сегодня уже работы нет. Военные новости чересчур унылые. Надо оставаться бодрым. Не поскандалить ли нам на улице?

— Мистер Шеффилд!

— Есть что-нибудь неотложное?

— Вас ждет в вашем кабинете один джентльмен.

— Ого! Ему удалось проникнуть так далеко? — Шеффилд уважительно покачал головой. — Кто он? Сам Господь бог?

— Он не представился, но дал мне это.

Секретарь протянул Шеффилду запечатанный конверт со сделанной небрежным почерком надписью «КРАЙНЕ ВАЖНО». Движимый любопытством, Шеффилд быстро его вскрыл. Внутри лежали две банкноты по 50 000 кредитов. Не говоря ни слова, Шеффилд повернулся и ворвался в кабинет.

— Они настоящие! — с порога выпалил он.

— Насколько мне известно.

— Ровно двадцать таких купюр выпущено в прошлом году. Все хранятся в Земном Казначействе. Как они к вам попали?

— Мистер Шеффилд?

— Кто же еще?... Как они к вам попали?
— Взятка.
— Зачем?
— Я полагал, они могут пригодиться.
— Для чего? Для других взяток?
— Если законную оплату считать взяткой.
— Я сам устанавливаю размер платы, — отрезал Шеффилд и кинул бумажки Фойлу. — Достанете их снова, если я решу взять ваше дело, и если я решу, что могу быть настолько вам полезен. В чем суть вашей проблемы?
— В преступлении.
— Пока не уточняйте. И...?
— Я хочу придти с повинной.
— В полицию?
— Да.
— Какое преступление?
— Преступлен-и-я.
— Назовите два.
— Грабеж и изнасилование.
— Еще два.
— Шантаж и убийство.
— Еще.
— Измена и геноцид.
— Это исчерпывает ваш реестр?
— Пожалуй. Хотя, возможно, когда мы станем

уточнять, вскроется еще несколько.

— Я вижу, вы времени зря не теряли… Либо вы Принц Злодеев, либо сумасшедший.

— Я был и тем, и другим, мистер Шеффилд.

— Почему же вы решили сдаться в руки правосудия?

— Я пришел в себя, — с горечью ответил Фойл.

— Я имею в виду не это. Преступник никогда не сдается, пока его не настигли. Вас явно не настигли. В чем тогда дело?

— Произошло самое ужасное, что может случиться с человеком. Я подхватил редкое заболевание «совесть».

Шеффилд фыркнул.

— Это может плохо кончиться.

— Уже кончилось. Я понял, что вел себя, как зверь.

— И теперь желаете искупить вину?

— Нет, все не так просто, — мрачно изрек Фойл. — Собственно, поэтому я пришел к вам… для коренной переделки. Человек, который ставит свои решения выше общества, — преступник. Человек, нарушающий морфологию общества, — рак. Бывают цепные реакции. Искупить вину наказанием недостаточно. Все еще нужно расставить на свои места. Если бы положение можно

было бы исправить, просто-напросто казнив меня, или отправив обратно в Жофре Мартель…

— Обратно? — быстро вставил Шеффилд.

— Уточнять?

— Пока не надо… Продолжайте. Похоже, вы мучаетесь душевной болью.

— В том-то и дело. — Фойл вскочил на ноги и зашагал по комнате, нервно сминая банкноты длинными пальцами. — Все смешалось в одну дьявольскую кашу, Шеффилд. Есть девушка, которая обязана заплатить за ужасное, тягчайшее преступление. То, что я люблю ее… впрочем, не обращайте внимания. Она — раковая опухоль. Ее необходимо вырезать… как и меня. Видимо, мне придется дополнить свой реестр. Моя личная явка с повинной, собственно, ничего не меняет.

— Черт подери, о чем вы?! Что за чушь?

Фойл поднял глаза и пристально посмотрел на Шеффилда.

— Одна из Новогодних бомб только что вошла в ваш кабинет и заявляет: «Пожалуйста, сделайте все, как было. Соберите меня снова и отправьте домой. Восстановите города, которые я стерла с лица земли, людей, которых я уничтожила». Вот зачем я хочу нанять вас. Не знаю, как ведут себя преступники, но…

— Спокойно и благоразумно, как здравомыслящий бизнесмен, которому не повезло, — с готовностью подсказал Шеффилд. — Абсолютно ясно: вы не профессионал, а любитель, если преступник вообще. Мой дорогой сэр, пожалуйста, будьте благоразумны. Вы приходите ко мне, сумасбродно и несдержанно обвиняя себя в грабеже, насилии, убийстве, геноциде, измене и еще бог весть в чем. Неужели вы ожидаете, что я всему этому поверю?

Внезапно в кабинет джантировал личный секретарь Шеффилда, Банни.

— Шеф! — возбужденно затараторил он. — Подвернулось кое-что совершенно новое. Джант-камера. Два типа подкупили кассира сфотографировать внутренние помещения Земного Кредитного… О-о, простите. Я не заметил, что у вас… — Банни неожиданно замолчал и широко раскрыл глаза. — Формайл! — воскликнул он.

— Что? Кто?

— Как, вы не знаете его, шеф? — Банни запнулся. — Это Формайл с Цереса. Гулли Фойл.

Больше года назад Регниса Шеффилда, как тетиву лука, гипнотически взвели для этой минуты. Его тело было готово реагировать мгновенно. С быстротой молнии Шеффилд поразил Фойла

тремя уларами: в висок, горло, пах. Заранее было решено не полагаться на оружие: его могло не оказаться под рукой.

Фойл упал. Так же мгновенно Шеффилд расправился с Банни. Затем он плюнул на ладонь. Было решено не полагаться на наркотики: их могло не оказаться под рукой. Его слюнные железы под воздействием раздражителя выделяли антиген. Шеффилд разорвал рукав Фойла, глубоко процарапал ногтем его локоть и втер в рану слюну, вызывая анафилакцию.

Странный крик сорвался с губ Фойла. На его лице выступила багровая татуировка. Прежде чем оглушенный секретарь успел пошевельнуться, Шеффилд взвалил Фойла на плечо и джантировал.

Он материализовался в самом центре Пятимильного Цирка в соборе Св. Патрика. Это был дерзкий, но рассчитанный ход. Здесь его стали бы искать в последнюю очередь, и в то же время именно здесь, скорее всего, и находился ПирЕ. Шеффилд был готов к любым встречам, но цирк оказался пуст.

Тут уже похозяйничали грабители. Гигантские шатры выглядели потускневшими и заброшенными. Шеффилд вбежал в первый попавшийся

из них и очутился в походной библиотеке Формайла, наполненной сотнями книг и тысячами блестящих мемео-бусинок. Джек-джантеров не интересовала литература. Шеффилд свалил Фойла на пол, и только тогда достал из кармана пистолет.

Веки Фойла затрепетали, глаза открылись.

— Я ввел наркотик, — быстро сказал Шеффилд. — Не вздумай джантировать, не шевелись. Предупреждаю. Ты у меня в руках.

Плохо соображая, что к чему, Фойл попытался подняться. Шеффилд мгновенно выстрелил и опалил его плечо. Фойла швырнуло на каменный пол. В ушах шумело. По жилам текла отравленная кровь.

— Предупреждаю, — повторил Шеффилд. — Я готов на все.

— Что вам надо? — проговорил Фойл.

— Две вещи. Двадцать фунтов ПирЕ и тебя. Тебя самого больше всего.

— Псих! Проклятый маньяк! Я пришел к вам с повинной… сдаваться… отдать добровольно…

— Отдать ВС?

— …Чему?

— Внешним Спутникам? Произнести по буквам?

— Нет… — еле слышно пробормотал Фойл. — Мне следовало догадаться. Шеффилд… патриот… агент ВС. О-о, я болван…

— Ты самый ценный болван на свете, Фойл. Ты нужен нам еще больше, чем ПирЕ. Про ПирЕ мы мало что знаем, зато нам отлично известно, кто ты.

— О чем вы? Что вы несете?

— Господи! Ты ничего не знаешь, да? Итак, ты ничего не знаешь… и не подозреваешь…

— Что?!

— Послушай. — Шеффилд говорил громким резким голосом. — Вернемся на два года назад. Гибель «Номада». Наш крейсер снял тебя с обломков «Номада». Единственного, кто остался в живых.

— Значит, «Номад» уничтожил корабль ВС?

— Да. Не помнишь?

— Я ничего не помню об этом. Я не мог вспомнить, сколько ни пытался.

— Сейчас объясню почему. У капитана крейсера родилась идея. Тебя должны использовать… превратить в подсадную утку, понимаешь? Таким же полумертвым, как нашли, тебя выбросили в космос с работающим маяком. Ты передавал сигнал бедствия и молил о помощи на всех волнах. Согласно замыслу, крейсер подстерегал в

засаде любой корабль ВП, который придет на твое спасение.

Фойл начал смеяться.

— Я встаю, — прохрипел он. — Стреляй, сволочь, я встаю. — Он с трудом поднялся на ноги, зажимая раненное плечо. — Итак, «Ворга» все равно не мог меня спасти. — Фойл страшно оскалился. — Из меня сделали всего лишь подсадную утку. Ко мне нельзя было подходить. Я был приманкой в западне… Не правда ли, смешно. «Номад» никто не имел права спасать. Следовательно, у меня нет никакого права на месть.

— До тебя все еще не дошло? — взревел Шеффилд. — «Номада» там и в помине не было! Тебя выкинули из крейсера в шестистах тысячах миль от «Номада».

— В шестистах тысячах?!

— «Номад» находился слишком далеко от основных путей… Итак, ты оказался в космосе. Крейсер отошел назад, не спуская с тебя глаз. На скафандре мигали фонари. Ты молил о помощи на всю мощь передатчика. Затем пропал.

— Пропал?

— Исчез. Ни огней, ни сигналов. Крейсер вернулся для проверки. Ты исчез без следа. Потом мы узнали… ты вернулся на «Номад».

— Невозможно.

— Да пойми же, черт подери! — яростно прошипел Шеффилд. — Ты джантировал в космосе. Полуживой, на грани смерти, в бреду. Ты джантировал шестьсот тысяч миль в абсолютной пустоте! Сделал то, что до тебя никому не удавалось. Одному Богу известно, каким образом. Да ты сам и не знаешь как это произошло. Но мы узнаем. Я заберу тебя на Спутники. Там мы узнаем, в чем тут секрет, даже если нам придется вырывать его раскаленными клещами.

Он перебросил пистолет в левую руку, правой схватив Фойла за горло.

— Но сперва нам нужен ПирЕ. Ты отдашь его, Фойл. Не тешь себя надеждой. — Он наотмашь ударил Фойла рукояткой пистолета. — Я на все пойду. Не сомневайся. — Он снова ударил Фойла, холодно, рассчетливо. — Ты жаждал наказания? Ты его обрел!

Банни соскочил с общественной джант-площадки и помчался к главному входу нью-йоркского филиала Центральной Разведки как испуганный кролик. Проскочив через внешний кордон охраны, через защитный лабиринт он ворвался во внутренние помещения. Его преследовали по пятам. Впереди выросли мрачные фигуры…

Охранники окружили его со всех сторон и спокойно ждали.

Банни начал кричать:

— Йовил! Йовил! Йовил!

Продолжая бежать, он метался между столами, опрокидывая стулья и создавая страшный шум. При этом он продолжал истошно орать:

— Йовил! Йовил!

Когда его скрутили, появился Йанг-Йовил.

— Что все это значит?! — рявкнул он. — Я приказал, чтобы мисс Уэднесбери работала в абсолютной тишине.

— Йовил! — закричал Банни.

— Кто это?

— Секретарь Шеффилда.

— Что?… Банни?

— Фойл! — взвыл Банни. — Гулли Фойл!

Йанг-Йовил покрыл разделявшие их пятьдесят футов ровно за одну и шестьдесят шесть сотых секунды.

— Что — Фойл?!

— Он у Шеффилда.

— Когда?

— Полчаса назад.

— Почему тот его сюда не привел?

— Не знаю… кажется… он агент ВС…

— Почему не пришли сразу?

— Шеффилд джантировал с Фойлом… Нокаутировал его и исчез. Я искал. Повсюду. Джантировал в пятьдесят мест за двадцать минут…

— Любитель! — презрительно воскликнул Йанг-Йовил. — Почему вы не предоставили это профессионалам?

— И все-таки я нашел их.

— Нашли! Где?

— Собор Святого Патрика. Шеффилду нужен…

Но Йанг-Йовил крутанулся на каблуках и уже бежал по коридору с криком:

— Робин! Робин! Остановись!

В этот миг его уши заложило грохотом взрыва.

Глава 8

Как разбегающиеся круги на воде, распространялись Идея и Воля, ширились и ширились, выискивая, нащупывая и спуская чувствительный субатомный курок ПирЕ. Мысль находила частички, пыль, дым, пар, молекулы. Воля и Идея концентрировали их.

В Сицилии, где д-р Франко Торре до изнеможения бился, пытаясь раскрыть секрет одного кусочка ПирЕ осадки и отстой из лаборатории

по дренажной трубе попадали в море. Много месяцев течения разносили их в разные стороны. В конце концов морская поверхность сгорбилась, колоссальные массы воды вознеслись на пятьдесят футов и покатили по их следам, на северо-восток к Сардинии и на юго-запад к Триполи. В микросекунду все Средиземноморье оказалось во власти гигантского водяного червя, обвившегося вокруг островов Панталлерия, Лампедуза, Линоза и Мальта.

Какие-то миллиграммы были сожжены, ушли в трубу вместе с дымом и паром и продрейфовали сотни миль, прежде чем осесть. Эти частички заявили о себе в Марокко, Алжире, Ливии и Греции слепящими точечными взрывами, невероятной кратности и мощности. Другие, еще блуждающие в стратосфере, обнаружили себя, засверкав дневными звездами.

В Техасе, где над ПирЕ безрезультатно бился профессор Джон Мантли, большая часть отходов попала в выработанную нефтяную скважину, используемую для хранения радиоактивных отбросов. ПирЕ просочился в водозаборник и медленно распространился по площади около десяти квадратных миль. Десять квадратных миль техасских квартир взлетели на воздух.

Большое скрытое месторождение газа нашло, наконец, выход наружу и с ревом устремилось на поверхность. Там искры от летящих камней воспламенили его и превратили в беснующийся факел в две сотни футов высотой.

Миллиграмм ПирЕ отложился на кружке фильтровальной бумаги, давным-давно смятой, выброшенной и забытой. Переработанная вместе с макулатурой, она попала в форму для гарта и уничтожила целиком вечерний тираж «Глазго Обсервер». Частичка ПирЕ осела на лабораторном халате, переработанном в тряпичную бумагу, и развеяла на молекулы благодарственную записку, написанную леди Шрапнель, а заодно и тонну ее почты.

Манжет рубашки, ненароком оказавшийся в кислотном растворе ПирЕ и много месяцев назад выкинутый хозяином вместе с рубашкой, в одно мгновение оторвал руку джек-джантера. Миллионная доля грамма ПирЕ, оставшаяся на хрустальной лабораторной посуде для выпаривания, используемой в качестве пепельницы, в мановение ока сожгла кабинет некоего Бейкера — торговца уродами и поставщика чудовищ.

По всей планете гремели взрывы, бушевали пожары, сверкали вспышки, горели метеориты в

небе, узкие каналы и гигантские воронки вспахивали, вспучивали землю, как будто разгневанный Бог снова посетил свой народ с огнем и серой.

В лаборатории Формайла в соборе Св. Патрика оставалась почти десятая доля грамма ПирЕ. Остальное было заперто в сейфе из Инертсвинцового Изомера и надежно защищено от случайного или намеренного психокинетического воспламенения. Колоссальная энергия, высвободившаяся из этой десятой доли грамма, разбросала стены и расколола полы, словно в судороге землетрясения. Какое-то мгновение контрфорсы еще поддерживали колонны, затем и они рухнули. Ревущей лавиной повалились башни, шпили, устои, подпоры и крыша и застыли над зияющим кратером пола в безумно переплетенном равновесии. Дуновение ветра, слабая дрожь, — в обвал завершится, наполняя воронку камнями и размельченной пылью.

Звездная температура взрыва зажгла сотни пожаров и расплавила древнюю толстую медь обвалившейся крыши. Участвуй во взрыве еще один миллиграмм ПирЕ, и жара хватило бы, чтобы немедленно испарить металл. А пока он до бела раскалился и начал течь. Каплями, струйками и потоками расплавленная медь нащупывала

путь вниз через нагромождение камней, железа, дерева и стекла, словно некий чудовищный огненный змей, ползущий сквозь дебри.

Дагенхем и Йанг-Йовил материализовались почти одновременно. Через мгновение появилась Робин Уэднесбери, затем Джизбелла Мак Куин. Прибыли дюжина оперативных работников Разведки, шесть курьеров Дагенхема, престейновская джант-стража и полиция. Они оцепили полыхающие развалины, хотя любопытных почти здесь не оказалось. Нью-йоркские жители, в памяти которых осталось Новогоднее Нападение, в панике джантировали прочь.

С протяжным гулом свирепствовал огонь, пожирая зависшие в угрожающе шатком равновесии развалины. Чтобы перекрыть страшный рев приходилось кричать, хотя каждый и боялся вибрации. Йанг-Йовил наклонился к Дагенхему и проорал ему на ухо новости о Фойле и Шеффилде. Дагенхем кивнул. На его лице появилась смертельная улыбка.

— Нужно попасть внутрь, — закричал он.

— Защитные костюмы, — крикнул Йанг-Йовил.

Он исчез и материализовался с парой белых огнеупорных костюмов. При виде их Робин и

Джизбелла истерически закричали. Дагенхем и Йанг-Йовил, не обращая внимания, залезли в инертизомерную броню и двинулись в горящий ад.

Гигантская сила взрыва смяла собор Святого Патрика и сложила обломки в некое подобие шатра. Сверху медленно текли языки расплавленной меди, забираясь в каждую щель, осторожно нащупывая, обходя или покрывая обугленное дерево, раздробленные камни, разбитое стекло. Тонкие струйки меди едва светились вишневым светом. Мощные потоки полыхали и разбрасывали искры раскаленного добела металла.

Под образовавшимся шатром на месте кафедрального пола зияла огромная дыра. Взрыв расколол и отбросил в сторон плиты, обнажая подвалы, погреба и хранилища. Они были заполнены каменным крошевом, балками, трубами, проволокой, остатками шатров Пятимильного Цирка и освещались неверным светом маленьких огоньков. Когда в кратер потекли первые потоки расплавленной меди, все озарилось слепящим светом.

Привлекая внимание Йанг-Йовила, Дагенхем постучал его по плечу и указал вниз. На середине склона кратера, в самой гуще каменного завала,

виднелись изуродованные остатки тела Регис Шеффилда. Йанг-Йовил постучал по плечу Дагенхема и протянул в этом направлении руку. Почти на самом дне огромной воронки лежал Гулли Фойл. Вдруг сверху сорвалась струя расплавленной меди, и в свете брызг они увидели, как он шевелится. Дагенхем и Йанг-Йовил немедленно повернулись и выбрались из собора.

— Он жив.

— Невообразимо.

— Я, кажется, могу это объяснить. Заметили рядом остатки тента? Очевидно, взрыв произошел в дальнем углу собора, и шатры ослабили удар. Потом Фойл провалился под пол прежде, чем стали падать обломки.

— Что ж, похоже. Надо его вытащить. Он — единственный человек, кто знает, где находится ПирЕ.

— Разве могло остаться что-то… невзорванное?

— В сейфе из ИСИ — да. Но как нам его поднять оттуда?

— Сверху к нему не подобраться.

— Почему?

— Одно неверное движение, и все обрушится.

— Ты видел стекающую медь? Так вот, если еще десять минут он останется там, то будет плавать

в пруду из расплавленного металла.

— Что же делать?

— Есть одна задумка…

— Какая?

— Подвалы здания Эр-Си-Эй так же глубоки, как собора.

— И?…

— Спустимся и попытаемся пробить ход. Может быть, доберемся до Фойла снизу.

В старое здание Эр-Си-Эй, давным-давно запертое и заброшенное, ворвался отряд. Они вломились в нижние пассажи, ветхие музеи древних розничных магазинов. Нашли грузовые шахты и спустились по ним в подвалы, заполненные электрооборудованием, обогревательными и холодильными системами. Спустились еще ниже, на уровень фундамента, по грудь в воде от ручьев доисторического острова Манхэттен, от ручьев, которые все еще текли под покрывающими их улицами.

Медленно продвигаясь по направлению собора Св. Патрика, отряд неожиданно обнаружил, что непроглядная тьма освещается огненным мерцанием. Дагенхем закричал и бросился вперед. Взрыв, открывший подвалы Св. Патрика, расколол перегородку между склепами двух зданий.

Через искромсанные разрывы в земле и камне открывался вид дна ада.

В лабиринте искореженных труб, балок, камней, проволоки и металла лежал Гулли Фойл. Его освещало мерцающее сияние сверху и маленькие языки пламени вокруг. Одежда на нем горела. На его лице пылала татуировка.

— Боже мой! — воскликнул Йанг-Йовил. — Горящий Человек!

— Что?

— Горящий Человек, которого я видел на Испанской Лестнице. Впрочем, сейчас это уже неважно. Как нам быть дальше?

— Идти вперед, разумеется.

Слепящий белый плевок меди внезапно упал сверху и с громким чавканьем расплескался в десяти футах от Фойла. За ним последовал второй, третий. Начало образовываться маленькое озеро. Дагенхем и Йанг-Йовил опустили лицевые пластины своих костюмов и полезли через щель. После трех минут отчаянных попыток им стало ясно: они не смогут подобраться к Фойлу. Снаружи пройти через лабиринт оказалось невозможно. Дагенхем и Йанг-Йовил попятились назад.

— Нам к нему не подойти, — прокричал Даген-

хем. — Он может выбраться сам.

— Каким образом? Он очевидно не в состоянии джантировать, иначе бы его здесь не было.

— Он может ползти. Смотри. Налево, потом вверх, назад, обогнуть балку, поднырнуть под нее и выпихнуть тот спутанный клубок проволоки. Внутрь нам его не протолкнуть.

Край озера расплавленной меди медленно ползло к Фойлу.

— Если он сейчас же не вылезет оттуда, то зажарится заживо.

— Ему надо подсказать, что делать.

Они начали кричать:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Горящий человек в лабиринте двигался еле-еле. Шипящий металл полыхал огнем.

— Фойл! Поверни влево. Ты слышишь? Фойл! Поверни влево и лезь наверх. Потом… Фойл!

— Он не слушает… Фойл! Гулли Фойл! Ты слышишь нас?

— Надо послать за Джиз. Может быть, он ее послушает.

— Нет, лучше за Робин.

— Согласится ли она? Спасти именно его?

— Ей придется. Это больше, чем ненависть. Это больше, чем все на свете. Я приведу ее.

Йанг-Йовил повернулся, но Дагенхем остановил его.

— Погоди, Йео. Взгляни на него. Он мерцает.

— Мерцает?

— Смотри! Он… исчезает и появляется. Часто-часто. Вот он есть, а вот его нет.

Фойла словно била мелкая дрожь. Он напоминал неистово трепещущего мотылька, плененного манящим огнем.

— Что это? Что он пытается сделать? Что происходит?

Он пытался спастись. Как загнанный зверь, как раненная птица, как бабочка, заманенная открытой жаровней маяка, он отчаянно бился… опаленное измученное создание, из последних сил пытающееся выжить, кидающееся в неведомое.

Звук он видел. Воспринимал его как странной формы свет. Они выкрикивали его имя. Он воспринимал яркие ритмы:

ФОЙЛ ФОЙЛ ФОЙЛ
ФОЙЛ ФОЙЛ ФОЙЛ
ФОЙЛ ФОЙЛ ФОЙЛ
ФОЙЛ ФОЙЛ ФОЙЛ
ФОЙЛ ФОЙЛ ФОЙЛ

Движение казалось ему звуком. Он слышал

корчащееся пламя, слышал водовороты дыма, мерцающие глумящиеся тени… Все обращались к нему на странных языках.

— *БУРУУ ГИАР РУУАУ РЖЖИНТ?* — вопрошал пар.

— *Аш. Ашша. Кири-тики-зи мдик,* — причитали мельтешащие тени.

— *Ооох. Аааах. Хиии. Ччиии. Оооо. Аааа,* — пульсировал раскаленный воздух. — *Аааах. Мааа. Паааа. Лаааааа!*

И даже огоньки его собственной тлеющей одежды шипели какую-то белиберду в его уши:

— *МАНТЕРГЕЙСТМАНН! УНТРАКИНСТЕЙН ГАНЗЕЛЬСФУРСТИН-ЛАСТЭНБРУГГ!*

Цвет был болью… жаром, стужей, давлением, ощущением непереносимых высот и захватывающих дух глубин, колоссальных ускорений и убийственных сжатий.

КРАСНОЕ ОТСТУПИЛО
ЗЕЛЕНОЕ НАБРОСИЛОСЬ
ИНДИГО С ТОШНОТВОРНОЙ СКОРОСТЬЮ
ЗАСКОЛЬЗИЛО ВОЛНАМИ,
СЛОВНО СУДОРОЖНО ТРЕПЕЩУЩАЯ ЗМЕЯ

Осязание было вкусом… прикосновение к дереву отдавало во рту кислотой и мелом. Металл был солью, камень казался кисло-сладким на

ощупь, битое стекло, как приторное пирожное, вызывало у него тошноту.

Запах был прикосновением… Раскаленный камень пах как ласкающий щеку бархат. Дым и пепел терпким шероховатым вельветом терли его кожу. От расплавленного металла несло яростно колотящимся сердцем. Озонированный взрывом воздух пах как сочащаяся сквозь пальцы вода.

Фойл не был слеп, не был глух, не лишился чувств. Он ощущал мир. Но ощущения поступали профильтрованные через нервную систему исковерканную, перепутанную и короткозамкнутую. Фойл находился во власти синестезии, того редкого состояния, когда органы чувств воспринимают информацию от объективного мира и передают ее в мозг, но там все ощущения путаются и перемешиваются друг с другом. Звук выражается светом, движение — звуком, цвета кажутся болью, прикосновения — вкусом, запах — прикосновением.

Фойл не просто затерялся в адском лабиринте под собором Святого Патрика, он затерялся в калейдоскопической мешанине собственных чувств. Доведенный до отчаяния, на самой грани исчезновения, он отказался от всех порядков и

привычек жизни, или, может быть, ему в них было отказано. Из сформированного опытом и окружающей средой существа Фойл превратился в зачаточное, рудиментарное создание, жаждущее спастись и выжить и делающее для этого все возможное. И снова, как и два года назад, произошло чудо. Вся энергия человеческого организма, целиком, каждой клетки, каждого нерва, мускула, фибра питала эту жажду. И Фойлу удалось-таки джантировать в космос.

Его несло по геопространственным линиям искривленной вселенной со скоростью мысли, далеко превосходящей скорость света. Пространственная скорость была столь пугающе велика, что его временная ось отошла от вертикальной линии, начертанной от Прошлого через Настоящее и Будущее. Он мчался по новой, почти горизонтальной оси, по новой геопространственной линии, движимый неисчерпаемыми возможностями человеческого мозга, не обузданного более концепциями невозможного.

Снова он достиг того, чего не смогли Гельмут Грант, Энрико Дандридж и другие экспериментаторы, так как паника заставила его забыть пространственно-временные оковы, обрекшие на неудачу все предыдущие попытки. Он джан-

тировал не в Другое Место, а в Другое Время. Произошло самое важное. Сознание четвертого измерения, завершенная картина Стрелы Времени и своего положения на ней, которые заложены в каждом человеке, но находятся в зачаточном состоянии, подавляемые тривиальностью бытия, у Фойла выросло и окрепло. Он джантировал по пространственно-временным линиям, переводя «i» — квадратный корень из минус единицы — из мнимого числа в действительность действием воображения.

Он джантировал на борт «Номада», плывя через бездонную стужу космоса.

Он стоял у двери в никуда.

Холод казался вкусом лимона. Вакуум когтями раздирал кожу. Солнце и звезды били все тело лихорадочной дрожью.

— ГЛОММНА ФРЕДНИИТ КЛОМОХАМАГЕНЗИН! — ревело в его уши движение.

Фигура, обращенная к нему спиной, исчезла в конце коридора. Фигура с медным котлом, наполненным пищевыми концентратами был Гулли Фойл.

— МЕЕХАТ ДЖЕСРОТ К КРОНАГАНУ НО ФЛИММКОРК, — рычало его движение.

— Ох-хо! Ах-ха! О-оооо? Сооо? Кеееее. А-ахххх, —

стонали завихрения света и теней.

Лимонный вкус во рту стал просто невыносим. Раздирающие тело когти мучали его.

Он джантировал.

И появился в полыхающем горниле под собором Св. Патрика всего через секунду после своего исчезновения. Его тянуло сюда, как снова и снова притягивает мотылька манящее пламя. Он выдержал в ревущей топке всего лишь миг.

И джантировал.

Он находился в глубинах Жофре Мартель.

Бархатная бездонная тьма показалась ему теперь раем, блаженством, вызывала эйфорию.

— А-ах! — облегченно выдохнул он.

— АХ! — раздалось эхо его голоса. Звук предстал ослепительно ярким узором света:

AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX
AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX
AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX
AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX
AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX
AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX
AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX AX

Горящий человек скорчился.

— Прекратите! — закричал он, ослепленный шумом. И снова донесся сверкающий рисунок

эха.

И все же снова и снова он пробивался в неведомое.

Джантировал.

И оказался на пустынном австралийском побережьи.

Бурление пенящихся волн оглушало:

— ЛОГГЕРМИСТ КРОТОХАВЕН ЙАЛЛ. ЛУГГЕРМИСК МОТЕСЛАВЕН ДЖУЛЛ.

Шум пузырящегося прибоя слепил.

Рядом стояли Гулли Фойл и Робин Уэднесбери. Недвижное тело лежало на песке, отдававшем уксусом во рту Горящего Человека. Обдувавший ветер пах оберточной бумагой.

Фойл шагнул.

— ГРАШШШ! — взвыло движение.

Горящий человек джантировал.

И появился в кабинете доктора Ореля в Шанхае.

Фойл снова стоял рядом и говорил узорами света:

К Т О К
Ы Т Т Ы Ы Т Ы Т Т Ы
О О К О О

Джантировал.

Он был на бурлящей Испанской Лестнице.

Горящий Человек джантировал.

Вновь холод, вкус лимонов и раздирающие кожу когти… Он заглядывал в иллюминатор серебристой яхты.

Сзади высились зазубренные горы Луны. Он увидел резкое перестукивание подающих кровь и кислород насосов и услышал грохот движения Гулли Фойла. Безжалостные клешни вакуума удушающе сжали его горло.

Геодезические линии пространства-времени понесли его назад, в Настоящее, в сатанинскую жаровню под собором Святого Патрика, где едва истекли две секунды с тех пор, как он начал бешенную борьбу за существование. Еще раз, словно огненное копье, Фойл швырнул себя в неведомое. Он очнулся в катакомбах колонии Склотски на Марсе. Перед ним извивался и корчился белый слизняк, Линдси Джойс.

— *НЕТ! НЕТ! НЕТ!* — кричало ее судорожное дерганье. — *НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ УБИВАЙТЕ МЕНЯ. ПОЖАЛУЙСТА… НЕ НАДО… ПОЖАЛУЙСТА… ПОЖАЛУЙСТА…*

Горящий Человек оскалил тигриную пасть и засмеялся.

— Ей больно, — сказал он. Звук собственного голоса обжег его глаза.

Е Е Е

Й Й Й

Б Б Б

О О О

Л Л Л

Ь Ь Ь

Н Н Н

О О О

Е Е Е

Й Й Й

Б Б Б

О О О

Л Л Л

Ь Ь Ь

Н Н Н

О О О

— Кто ты? — прошептал Фойл.

КККККККККККККККККККК

ТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТ

ОООООООООООООООООООО

ТТТТТТТТТТТТТТТТТТТТ

ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ

Горящий Человек содрогнулся.

— Слишком ярко. Меньше Света.

Фойл шагнул вперед.

— *БЛАА-ГАА-ДАА-МАА-ФРАА-МИШИНГЛИСТОН-ВИСТА!* — загремело движение.

Горящий Человек страдальчески скривился и в ужасе зажал уши.

— Слишком громко! — крикнул он. — Не двигайся так громко!

Извивания корчащегося Склотски продолжали заклинать: *НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ.*

Горящий Человек опять засмеялся.

— Послушай ее. Она кричит. Она ползает на ко-

ленях. Она молит о пощаде. Она не хочет сдыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

— ПРИКАЗ ОТДАЛА ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. НЕ Я. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь?

Слушай своими глазами. Оливия.

ЧТО? ЧТО? ЧТО?

ЧТО? ЧТО? ЧТО?

ЧТО? ЧТО? ЧТО?

ЧТО? ЧТО? ЧТО?

Шахматное сверкание вопроса Фойла было непереносимо.

— Она говорит Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Он джантировал.

Он был в каменном капкане под собором Св. Патрика. Внезапное смятение и отчаяние подсказали ему: он мертв. Это конец Гулли Фойла. Это вечность и реальный ад. То, что он видел, — прошлое, проносящееся перед распадающимся сознанием в заключительный момент смерти. То, что он перенес, ему суждено переносить бесконечно. Он мертв. Он знал, что мертв.

Он отказался подчиниться вечности.

И снова швырнул себя в неведомое.

И оказался в искрящемся тумане… в вихре звезд снежинок… в потоке жидких бриллиантов. Тела его коснулись невесомые трепетные крылья… Язык ощутил вкус нити прохладных жемчужин… Его перемешавшиеся чувства не могли помочь ему сориентироваться, и все же он отчетливо понимал, что хочет остаться в этом Нигде навсегда.

— *Здравствуй, Гулли.*

— Кто это?

— *Робин.*

— Робин?

— *Бывшая Робин Уэднесбери.*

— Бывшая?…

— *Ныне Робин Йовил.*

— Не понимаю. Я мертв?

— *Нет, Гулли.*

— Где я?

— *Далеко, очень далеко от Св. Патрика.*

— Где?

— *Мне некогда объяснять, Гулли. У тебя мало времени.*

— Почему?

— *Потому, что ты еще не умеешь джантировать через пространство-время. Тебе надо вернуться и научиться.*

— Я умею. Должен уметь. Шеффилд сказал, что я джантировал к «Номаду» — шестьсот тысяч миль.

— Тогда это было случайностью, Гулли. Ты снова сделаешь это… когда научишься… А пока ты не знаешь, как удержатся… как обратить любое Настоящее в реальность. Вот-вот ты опять сорвешься в собор Святого Патрика.

— Робин, я только что вспомнил. У меня для тебя плохие новости.

— Знаю, Гулли.

— Твоя мать и сестры погибли.

— Я знаю это очень давно.

— Давно?

— Тридцать лет.

— Это невозможно.

— Возможно. Ты далеко, далеко от Св. Патрика… Я хочу рассказать тебе, как спастись от огня, Гулли. Ты будешь слушать?

— Я не мертв?

— Нет.

— Я буду слушать.

— Ты страдаешь синестезией. Все твои чувства перепутаны. Это скоро пройдет. Пока же придется говорить так, чтобы ты понял.

— Почему ты мне помогаешь?… После того, что

я сделал с тобой…

— *Все прощено и забыто, Гулли. Слушай меня. Когда опять окажешься в соборе, повернись к самой громкой тени. Ясно?*

— Да.

— *Иди на шум, пока не ощутишь покалывание на коже. Остановись. Сделай полоборота. Ощутишь давление и чувство падения. Иди туда. Пройдешь через столб света и приблизишься ко вкусу хинина. На самом деле это клубок проволоки. Продирайся прямо через хинин. Там увидишь что-то, стучащее словно паровой молот. Ты будешь в безопасности.*

— Откуда все это тебе известно, Робин?

— *Мне объяснил специалист, Гулли.* — Появилось ощущение смеха. — *Вот-вот ты сорвешься в прошлое… Здесь Питер и Саул. Они передают тебе привет и желают удачи. Джиз Дагенхем тоже. Счастливо, Гулли, милый…*

— В прошлое?… Это будущее?…

— *Да, Гулли.*

— А я там есть?… А… Оливия?

И в этот миг он, кувыркаясь, полетел вниз, вниз, вниз, по пространственно-временным линиям вниз в кошмарную яму Настоящего.

Глава 9

Его ощущения пришли в норму в Звездном Зале дворца Престейна. Зрение вернулось к нему. Он увидел высокие зеркала и золотые стены, библиотеку с библиотекарем-андроидом на шаткой библиотечной лесенке. Он услышал стук механического пишущего устройства, за которым сидела секретарша-андроид. Он почувствовал вкус, когда пригубил коньяк, поданный ему роботом-барменом.

Фойл понимал, что находится в безвыходном положении, приперт к стене. Сейчас ему предстоит принять самое важное решение в жизни. И тем не менее он пренебрег врагами и обратился к сияющей улыбке, застывшей на металлическом лице бармена, классическому ирландскому оскалу.

— Спасибо, — поблагодарил Фойл.

— Счастлив служить, — ответил робот, ожидая следующей реплики.

— Приятный день, — заметил Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — просиял робот.

— Отвратительный день, — сказал Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — отозвался робот.

— Погода, — сказал Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Это я, — сказал он, указывая на робота. — Это мы все. Мы много болтаем о свободе воли, хотя не представляем из себя ничего, кроме реакции… механической реакции, однозначно заданной и определенной. И вот… вот я, здесь, готовый реагировать. Нажмите на кнопочку, я подпрыгну. — Он передразнил холодный голос робота: — Счастлив служить, сэр. — Внезапно его тон изменился и прозвучал, как удар бича. — Что вам надо?

Они беспокойно зашевелились. Фойл был обожжен, обессилен, изранен… и все же оставался хозяином положения.

— Давайте оговорим условия, — продолжал Фойл. — Меня повесят, утопят, четвертуют, если я не… Чего вы хотите?

— Хочу вернуть свою собственность, — холодно улыбаясь заметил Престейн.

— Восемнадцать с лишним фунтов ПирЕ. Так. Что вы предлагаете?

— Я не делаю никаких предложений. Я требую

то, что принадлежит мне по праву.

Вслед за ним Дагенхем и Йанг-Йовил попытались вставить слово. Фойл резко оборвал их.

— Пожалуйста, давите на кнопку по одному, джентльмены. — Он повернулся к Престейну. — Жмите сильнее… кровь и деньги… или найдите другую кнопку. Кто вы такой, чтобы выставлять сейчас требования?

Престейн поджал губы.

— Закон… — начал он.

— Угрозы? — Фойл рассмеялся. — Хотите меня запугать? Не валяйте дурака, Престейн. Разговаривайте со мной так, как говорили на новогоднем балу… без милосердия, снисхождения, лицемерия.

Престейн склонил голову, глубоко вздохнул и прекратил улыбаться.

— Я предлагаю власть, — заявил он. — Признание вас моим наследником, равную долю в предприятиях Престейна, руководство кланом и семьей. Вместе мы сможем править миром.

— С ПирЕ?

— Да.

— Ваше предложение рассмотрено и отклонено. Предложите свою дочь.

— Оливию?! — Престейн сжал кулаки.

— Да. Оливию. Кстати, где она?

— Ты!.. — вскричал Престейн. — Подонок… мерзавец… Ты смеешь…

— Вы предложите дочь за ПирЕ?

— Да, — едва слышно произнес Престейн.

Фойл повернулся к Дагенхему.

— Ваша очередь, мертвая голова.

— Если разговор пойдет таким образом… — возмущенно начал Дагенхем.

— Именно так он и пойдет, не сомневайтесь. Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия. Что вы предлагаете?

— Славу. Мы не можем предложить денег или власти. Можем предложить честь. Гулли Фойл — человек, спасший Внутренние Планеты от уничтожения. Можем предложить безопасность. Ликвидируем ваше досье. Дадим уважаемое имя. Прославим навеки.

— Нет, — вмешалась неожиданно Джизбелла Мак Куин. — Не соглашайся. Если хочешь быть спасителем, уничтожь секрет. Не давай ПирЕ никому.

— Что такое ПирЕ?

— Тихо! — рявкнул Дагенхем.

— Это термоядерное взрывчатое вещество, которое воспламеняется одной лишь мыслью…

психокинеэом, — пояснила Джизбелла.

— Какой мыслью?

— Просто желанием взорвать его, направленным желанием. Этого достаточно, если ПирЕ не изолирован Инертсвинцовым изомером.

— Я же велел тебе молчать, — прорычал Дагенхем. — Это больше, чем идеализм.

— Ничего нет больше идеализма.

— Секрет Фойла больше, — пробормотал Йанг-Йовил. — ПирЕ сейчас сравнительно маловажен. — Он улыбнулся Фойлу. — Секретарь Шеффилда подслушал часть вашей милой беседы в соборе. Нам известно, что вы джантировали в космосе.

Воцарилась внезапная тишина.

— Джантация в космосе! — воскликнул Дагенхем. — Невозможно! Ты знаешь, что говоришь.

— Знаю. Фойл доказал: это возможно. Он джантировал на шестьсот тысяч миль от крейсера ВС до останков «Номада». Как я сказал, это гораздо важнее, чем ПирЕ. По моему мнению, этим и следует заняться в первую очередь.

— Тут каждый говорит только о том, что он хочет, — медленно произнесла Робин Уэднесбери. — Чего хочешь ты, Гулли Фойл?

— Спасибо тебе, — промолвил Фойл. — Я жажду

понести наказание.

— Что?

— Хочу очищения, — продолжил он сдавленным голосом. Позорное клеймо стало проступать на его перебинтованном лице. — Хочу искупить содеянное, свести счеты. Хочу освободиться от своего тяжкого креста… Эта боль раскалывает мне спину. Хочу вернуться в Жофре Мартель, хочу, чтобы мне сделали лоботомию, если я этого заслуживаю… И я хочу знать. Я хочу…

— Вы ищите спасения, — перебил Дагенхем. — Спасения нет.

— Я хочу освобождения!

— Исключено, — отрезал Йанг-Йовил. — Ваша голова слишком ценна, чтобы отдавать ее на лоботомию.

— Нам не до простых детских понятий — преступление… наказание… — быстро вставил Дагенхем.

— Нет, — возразила Робин. — Должен быть грех, и должно быть прощение. Мы никогда не сможем преступить их.

— Нажива и убыток, грех и прощение, идеализм и практицизм… — горько улыбнулся Фойл. — Вы все так уверены, так прямодушны… А у меня лишь одни сомнения. Посмотрим, насколько вы

действительно уверены… Итак, отдадите Оливию? Мне — да, так? А закону? Она — убийца.

Престейн попытался встать, но рухнул в кресло.

— Должно быть прощение, Робин? Ты простишь Оливию Престейн? Она убила твоих родных.

Робин смертельно побледнела.

— Вы, Йовил. У Внешних Спутников ПирЕ нет. Шеффилд признался в этом. Все равно будете испытывать его на них? Чтобы мое имя вспоминали рядом с именами Линча и Бойкота?

Фойл повернулся к Джизбелле.

— Вернешься ты ради своего идеализма в Жофре Мартель отсиживать свой срок до конца? А вы, Дагенхем, откажетесь от нее? Спокойно отпустите в тюрьму?… Жизнь так проста, — иронично продолжал он. — И это решение так просто, не правда ли? Уважить права Престейна? Благополучие планет? Идеалы Джизбеллы? Реализм Дагенхема? Совесть Робин? Нажмите на кнопку, робот дернется. Но ведь я-то не робот. Я выродок вселенной, мыслящее животное… Я пытаюсь разглядеть путь через эту трясину. Возвратить ПирЕ миру. И пусть он себя губит. Обучить мир джантации в космосе. И пусть он себе величаво ступает от галактики к галактике, распространяя

повсюду заразу своего уродливого образа жизни? Каков же ответ?

Робот-бармен внезапно швырнул миксер через всю комнату. В последовавшей тишине надсадно прозвучал голос Дагенхема:

— Проклятье! Ваши куклы, Престейн, опять разладились от радиации.

— Ответ — «Да», — отчетливо произнес робот.

— Что? — ошарашенно спросил Фойл.

— Ответ на ваш вопрос — «Да».

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — отозвался робот. — Человек в первую очередь — член общества, а уж потом индивидуум. И независимо от того, обречет ли себя общество на уничтожение или нет, вы должны оставаться с ним.

— Совсем спятил, — раздраженно бросил Дагенхем. — Выключите его, Престейн.

— Погодите, — остановил того Фойл, не сводя глаз с ослепительной улыбки, застывшей на металлическом лице робота. — Общество может быть таким тупым, таким бестолковым, таким запутавшимся… Ты свидетель нашего разговора.

— Верно, сэр, но вы должны учить, а не диктовать. Вы должны учить общество.

— Джантации в космосе? Зачем? Стоит ли нам

рваться к звездам и галактикам? Ради чего?

— Потому что вы живы, сэр. С таким же успехом можно задаться вопросом «Ради чего жизнь?». Об этом обычно не спрашивают. Просто живут.

— Сумасшествие, — пробормотал Дагенхем.

— Но увлекательное, — заметил Йанг-Йовил.

— Жизнь должна быть больше, чем простое выживание, — сказал Фойл роботу.

— Тогда определите это «большее» для себя, сэр. Не требуйте от мира гибели, если у вас появились сомнения.

— Почему мы не можем все идти вперед?

— Потому что вы все разные. Вы не лемминги. Кому-то нужно вести и надеяться, что остальные не отстанут.

— Кому же вести?

— Тем, кто должен… одержимым…

— Выродкам.

— Все вы выродки, сэр. Вы всегда были выродками. Сама жизнь — это выродок.

— Спасибо тебе большое.

— Счастлив служить, сэр.

— Ты спас сегодняшний день. И не только сегодняшний.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — проговорил робот. После чего он заискрил-

ся, затрещал и развалился.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Он прав, а вы неправы. Кто мы такие, любой из нас, чтобы принимать решения за весь мир? Пускай мир сам решает. Кто мы такие, чтобы хранить секреты от мира? Пускай мир знает их и решает за себя. Идем в собор.

Он джантировал. Остальные — следом за ним. Район до сих пор был оцеплен. Вокруг собралась колоссальная толпа. Столько опрометчивых и любопытствующих людей джантировало в курящиеся развалины, что полиция установила защитный индукционный экран. Но все равно озорники и зеваки пытались проникнуть на руины. Опаленные индукционным полем, они убегали с жалобным воем.

По знаку Йанг-Йовила поле выключили. Фойл прошел по горячему щебню к восточной стене собора, от которой еще осталось футов пятнадцать в высоту. Ощупал почерневшие камни. Раздался скрежещущий звук, и кусок стены три на пять футов с резким визгом стал открываться, потом заел. Фойл нетерпеливо схватил его и дернул. Перекаленные петли не выдержали и рассыпались. Панель упала.

Двумя столетиями раньше, когда религия была

запрещена, а истовые верующие всех исповеданий ушли в подполье, несколько преданных благочестивых душ устроили эту потайную нишу и сделали из нее алтарь. Золото распятия до сих пор сияло негасимым огнем веры. У подножия креста покоился маленький черный ящик из инертсвинцового изомера.

— Знак?... — выдохнул Фойл. — Ответ, который я ищу?

Он схватил тяжелый сейф прежде, чем кто-нибудь успел пошевелиться. Джантировал сотню ярдов на остатки кафедральных ступеней. И там, на виду у всей толпы, открыл ящик. Вопль ужаса сорвался с губ сотрудников Разведки. Они знали об его содержимом.

— Фойл! — бешено закричал Дагенхем.

— Ради бога, Фойл! — заревел Йанг-Йовил. Фойл вытащил кусочек ПирЕ — цвета кристаллов иода, размера сигареты... один фунт твердого раствора трансплутониевых изотопов.

— ПирЕ! — выкрикнул он, обращаясь к толпе. — Держите его! Это ваше будущее. ПирЕ! — Он швырнул кусочек в гущу людей и добавил: — Сан-Франциско!

Фойл джантировал в направлении Сент Луис-Денвер-Сан-Франциско. Там было четыре часа

пополудни. Улицы кипели озабоченно снующими служащими.

— ПирЕ!! — взревел Фойл. — Его дьявольская маска налилась кровью и устрашающе горела. — ПирЕ… Он ваш. Заставьте их рассказать вам, что это… Ном! — обратился он к прибывшим преследователям и джантировал.

В толпе оцепеневших от ужаса лесорубов, торопящихся к своим бифштексам с пивом, возникла кошмарная фигура с тигриным оскалом. Фигура размахнулась и бросила что-то в гущу людей.

— ПирЕ! Эй, вы там, слышите меня? ПирЕ! Хватайте — и без вопросов. Слышите там, вы? Пусть вам расскажут про ПирЕ, и все!

Дагенхем, Йанг-Йовил и прочие, джантирующие за Фойлом с секундным опозданием, услышали:

— Токио, Императорская площадка!

Он исчез за миг до того, как до него долетели их пули.

Фойл побывал в Бангкоке, где дождь лил как из ведра, в Дели, где бушевал муссон… преследуемый по пятам гончими псами. В Багдаде в три часа ночи его встретили с пьяным умилением завсегдатаи ночных баров, джантирующие вокруг света, вечно опережая время закрытия на

полчаса. В Лондоне и Париже стояла полночь. Шумные толпы на Елисейских Полях и Пикадилли бурлили, как море, от странных действий и страстных призывов Фойла.

Проведя своих преследователей за пятьдесят минут почти полный путь вокруг света, Фойл позволил им в Лондоне настичь себя, повалить, вырвать из рук сейф из ИСИ и пересчитать оставшиеся кусочки ПирЕ.

— Для войны осталось достаточно. Вполне достаточно для полного уничтожения… если посмеете. — Фойл смеялся и рыдал в истерическим триумфе. — Миллиарды на оборону, ни гроша на выживание…

— Ты понимаешь, что ты наделал, убийца? — закричал Дагенхем.

— Я знаю, что сделал.

— Девять фунтов ПирЕ разбросаны по миру! Одна мысль, и мы… Как забрать его, не говоря им правды? Ради бога, Йео, осади эту толпу. Они могут услышать.

— Это выше наших сил.

— В таком случае джантируем.

— Нет! — прорычал Фойл. — Пусть слышат. Пусть слышат все.

— Ты сошел с ума. Только безумец дает заря-

женный револьвер несмышленному ребенку.

— Прекратите относиться к ним, как к детям. Объясните им про заряженный револьвер. Откройте все. — Фойл свирепо рассмеялся. — Только что я положил конец последней тайне. Больше никаких секретов… Никаких указаний детишкам, что для них лучше… Пусть взрослеют. Пора.

— Господи, да он на самом деле потерял рассудок.

— Разве? Я вернул жизнь и смерть в руки людей. Простого человека слишком долго бичевали и вели такие одержимые, как мы… необузданные, неукротимые люди… люди-тигры. Они все время подхлестывали мир. Мы все тигры, все трое. Но кто мы такие? Какое право мы имеем решать за всех? Пусть мир сам выбирает между жизнью и смертью. Почему мы навьючены такой ответственностью?

— Мы не навьючены, — тихо пробормотал Йанг-Йовил. — Мы одержимы. Мы вынуждены принять ответственность, которой страшится средний человек.

— Так пускай перестанет страшиться, увиливать! Пускай прекратит перекладывать свой долг и свою вину на плечи первого попавшегося выродка, который поспешит принять их

на себя. Или нам суждено вечно быть козлами отпущения?

— Будь и ты проклят! — бушевал Дагенхем. — Неужели до тебя не доходит, что людям доверять нельзя?! Они сами не знают, чего им надо!

— Так пусть узнают или сдохнут! Мы все в одной упряжке. Будем жить вместе или вместе умрем.

— Хочешь сдохнуть из-за их невежества?! Тебе придется найти способ собрать все кусочки ПирЕ, не взлетев на воздух.

— Нет. Я в них верю. Я сам был одним из них до того, как стал тигром. И каждый может стать необыкновенным, если его встряхнуть, как меня, если его пробудить.

Фойл неожиданно вырвался и джантировал в бронзовую голову Эроса, пятьюдесятью футами выше Пикадилли, откуда яростно завопил:

— Слушайте меня! Слушайте все! Буду проповедь читать, я!

Ему ответил снизу дружный рев.

— Вы свиньи, вы. Вы гниете, как свиньи, и все. В вас есть многое, вы же довольствуетесь крохами. Слышите меня, вы? У вас есть миллионы, а вы расходуете гроши. В вас есть гений, а мыслей что у чокнутого. В вас есть сердце, а вы чувствуете

лишь пустоту… Вы все. Каждый и всякий.

Его осыпали насмешками. Над ним глумились. Он продолжал со страстной, истеричной яростью одержимого.

— Нужна война, чтоб вы раскошелились. Неужели нужен хлыст, чтобы вы соображали. Нужен вызов, чтобы пробудить гений… Остальное время вы пускаете слюни.

Лентяи! Свиньи, вы все! Ну, хорошо, вызываю вас, я! Сдохните или живите в величии. Сдохните, сволочи! Будьте вы прокляты, или придите ко мне, Гулли Фойлу, и я сделаю вас великими. Я помогу вам встать на ноги. Сделаю вас людьми!

* * *

НАСТОЯЩЕЕ: Ригель в Орионе, иссине-белый, пятьсот сорок световых лет от Земли, в десять тысяч раз ярче Солнца, котел чудовищной энергии, окруженный тридцатью семью громадными планетами… Фойл завис в космосе, замерзая и задыхаясь, лицом к лицу с судьбой, в которую верил, но которая оставалась непостижима. Завис в космосе на ослепительный миг, такой же беспомощный, такой же ошеломленный и такой же неизбежный, как та первая рыба, выползшая из моря с выпученными глазами посмотреть на

доисторический берег у истоков жизни.

Он джантировал, обращая пара-Настоящее в…

НАСТОЯЩЕЕ: Вега в Лире, звезда типа А0 в двадцати шести световых годах от Земли, беспланетная, окруженная роем сверкающих комет, прочерчивающих огненные хвосты на небесном своде…

И вновь он обратил настоящее в *НАСТОЯЩЕЕ:* Канопус, желтый, как Солнце, гигантский, грозовой в безмолвных просторах космоса, свидетель появления некого создания, создания, у которого когда-то были жабры. Создание зависло, выпучив глаза на берег вселенной, ближе к смерти, чем к жизни, ближе к будущему, чем к прошлому, в десяти лигах за краем света. Создание пораженно глядело…

НАСТОЯЩЕЕ: Альдебаран в Тельце, одна из пары чудовищных красных звезд, чьи шестнадцать планет неслись по эллиптическим орбитам вокруг взаимновращающихся родителей… Он мчался через пространство-время с растущей уверенностью…

НАСТОЯЩЕЕ: Антарес, красный гигант, спаренный подобно Альдебарану, двести пятьдесят

световых лет от Земли, двести пятьдесят планетоидов с размером Меркурия, с климатом Эдема…

И наконец…

НАСТОЯЩЕЕ: Он находился на борту «Номада».

* * *

Мойра нашла его в инструментальном шкафу «Номада», свернувшимся в зародышевый комочек, с горящими священным откровением глазами. Фойл спал и размышлял, переваривая свое величие. Он очнулся от мечтаний и выплыл из шкафа, обжигая Мойру слепыми очами, минуя пораженную девушку, которая отступила назад и упала на колени. Фойл бродил по пустынным проходам и, наконец, вернулся в утробу шкафа. Там он свернулся снова и был утерян.

Она коснулась его. Он не шевельнулся. Она произнесла имя, выжженное на его лбу. Он не ответил. Она повернулась и кинулась вовнутрь астероида, в святая святых, где правил Джоэеф.

— Мой муж вернулся к нам, — выпалила Мойра.

— Твой муж?

— Человек-бог, который нас уничтожил.

Лицо Джозефа потемнело от гнева.

— Где он?!

— Ты не тронешь его?

— Долги нужно платить. Покажи мне его.

Джозеф прошел за ней к шкафчику на борт «Номада» и посмотрел пристально на Фойла. Ярость на его лице сменилась изумлением. Он коснулся Фойла и обратился к нему. Ответа не последовало.

— Ты не можешь его наказать, — сказала Мойра. — Он умирает.

— Нет, — тихо промолвил Джозеф. — Он не умирает. Он грезит. Я, жрец, знаю эти грезы. Придет время, и он очнется, и откроет нам, своему народу, все свои помыслы.

— И тогда ты покараешь его?

— Он уже покарал сам себя, — задумчиво произнес Джозеф.

Джозеф устроился рядом со шкафчиком, готовый ожидать пробуждения. Мойра побежала по изогнутым коридорам и вернулась с серебряным тазиком теплой воды и серебряным подносом с едой. Она обмыла Фойла нежно и опустила перед ним поднос как приношение. Потом она устроилась рядом с Джозефом… рядом со всем миром… Ждать пробуждения.

Человек, который убил Магомета

Перевод Р. Нудельман.

Был такой человек, который переиначивал историю. Он низвергал империи и искоренял династии. Из-за него Маунт-Вернон[1] чуть не перестал быть национальной святыней, а город Колумб штата Огайо едва не стали называть городом Кэбот того же штата. Из-за него французы чуть не прокляли имя Марии Кюри, а мусульмане едва не перестали клясться бородой пророка. Но, как вы, наверное, знаете, все эти события в действительности не произошли. Дело в том, что этот человек был чокнутым профессором. Если он в чем и преуспел, то лишь в том, чтобы изменить историю для одного себя.

Ну, что такое пресловутый «чокнутый профессор», всякий искушенный читатель, несомненно, достаточно хорошо знает. Это такой недомерок с чрезвычайно развитым лбом, которой в своей лаборатории создает всяких чудищ. Эти чудища потом обязательно набрасываются на своего создателя, а также покушаются на честь его нежно любимой дочери.

---

[1] Примечания: 1

Маунт-Вернон — местечко близ Вашингтона (ныне город), где жил и умер Джордж Вашингтон. (Прим. переводчика.)

Ни о чем подобном в данной истории не говорится. В ней речь пойдет о доподлинно чокнутом профессоре по имени Генри Хассель, который принадлежал к тому же сорту знаменитых людей, что и Людвиг Больцман (смотри «Идеального газа закон», Жак Шарль, а также Андре Мария Ампер (1775–1836).

Про Ампера каждому положено знать, что в его честь назван ампер. Людвиг Больцман — знаменитый австрийский физик, который прославился исследованием изучения черного тела не меньше, чем знакомого вам идеального газа. Его фамилию можно найти в Британской энциклопедии — том третий, от «БАЛТ» до «БРАЙ». Что же касается Жака Александра Цезаря Шарля, то это был первый в мире математик, который заинтересовался полетами в воздухе и придумал наполнять воздушный шар водородом. Так что все это были доподлинно существовавшие люди.

Кроме того, все это были люди не от мира сего. К примеру, Ампер однажды направлялся на какое-то важное ученое собрание. Вдруг в кабриолете Ампера осеняет блестящая идея (что-то из области электричества, я полагаю), он выхватывает карандаш и — раз-два! — пишет уравнение прямо на стенке двухколесного экипажа. Грубо говоря,

это было что-то вроде dH = Ipdl/r^2, где p обозначало расстояние по перпендикуляру до элемента dl, иными словами dH = lsinφ*dl/r^2. Это еще иногда называют законом Лапласа, хотя Лапласа тогда не было в Париже.

Как бы там ни было, кабриолет подъехал к Академии наук. Ампер выскочил, расплатился и бросился со всех ног на заседание, чтобы всем сообщить о своей блестящей идее. И тут только он сообразил, что никаких записей у него нет, вспомнил, где он их оставил, и ему пришлось гоняться по всему Парижу за кабриолетом, чтобы поймать сбежавшее уравнение. Я почему-то уверен, что вот как-нибудь также Ферма потерял доказательство своей «Великой теоремы»,[2] хотя, разумеется, Ферма тоже не был на том заседании Академии, потому что умер лет за двести до этого.

Или возьмите, к примеру, Больцмана. Когда он излагал расширенную теорию своего идеального газа, то всегда приправлял ее невероятно сложными вычислениями, которые быстро и небрежно проделывал в голове. Такая уж у него

---

[2] Примечания: 2

Великая теорема — математическое утверждение из теории алгебраических чисел, сформулированное без доказательства французским математиком П.Ферма (XVII в.). (Прим. переводчика.)

была голова. Его студенты, понятно, только тем и были заняты, что пытались воспринять на слух всю эту математику. На сами лекции у них уже времени не оставалось. Тогда они просили Больцмана, чтобы он свои формулы писал на доске.

Больцман извинился и пообещал, что в будущем они могут на него рассчитывать. Следующую лекцию он начал такими словами: «Господа, комбинируя закон Бойля с законом Шарля, мы получаем $pv = p_0v_0 (1+at)$, откуда следует, что при $aS^b=f(x)dx\varphi(a)$ имеет место $pv=RT$, а стало быть, $vSf(x,y,z)dv=0$. Это также очевидно, как дважды два четыре». Тут он вспомнил, что обещал писать формулы на доске. Он повернулся к доске, аккуратно вывел мелом: 2x2=4, после чего отошел от доски и продолжал говорить, быстро и небрежно производя невероятно сложные вычисления. Разумеется, в голове.

В своей лекции Больцман упомянул Жака Шарля, автора закона Шарля (известного некоторым под названием закона Гей-Люссака). Этот блестящий математик был одержим одним странным желанием — прославиться в палеографии. Иными словами, он во что бы то ни стало хотел стать первооткрывателем каких-нибудь древних рукописей.

Поэтому он, не задумываясь, уплатил чистейшей воды мошеннику по имени Врен-Люкас 200 000 франков за письма, якобы написанные Юлием Цезарем, Александром Македонским и Понтием Пилатом. Шарль, который любой газ мог насквозь разглядеть (идеальный он или нет — все равно), вдруг не разглядел совершенно явной фальшивки, хотя недотепа Врен-Люкас все письма написал собственноручно, на современнейшем французском языке, на современнейшей почтовой бумаге с современнейшими водяными знаками. И Шарль еще пытался пожертвовать эти письма в Луврский музей!

Не думайте, что эти люди были недотепами. Каждый из них был гением. За эту свою гениальность они заплатили, и притом весьма дорого, если учесть, что во всем остальном они были не от мира сего. Ведь гений — это такой человек, который идет к истине обязательно неожиданным путем. Ну, а в обычной жизни неожиданные пути, как правило, ведут к неприятностям. Что и случилось с Генри Хасселем — профессором прикладного понуждения Неизвестного университета — в 1980 году.

Никому из вас, конечно, не известно, где находится Неизвестный университет и чему там

учат. В этом университете насчитывается около двухсот весьма эксцентричных профессоров и около двух тысяч в высшей степени незадачливых студентов. Все эти люди остаются абсолютно неизвестными вплоть до вручения им Нобелевской премии или их Первой высадки на Марс. Выпускника НУ всегда можно распознать, стоит только спросить человека, где он учился. Если вам уклончиво промямлят что-нибудь вроде «На государственном коште» или «О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали...», можете быть уверены, что этот тип — из Неизвестного. Я когда-нибудь расскажу вам подробнее об этом университете, который является центром обучения исключительно в пиквикском смысле слова.

Как бы там ни было, однажды пополудни Генри Хассель отправился домой из Психотик-центра, решив по пути прогуляться вдоль аркады Физической культуры.

Он прибыл домой в приподнятом настроении и шумно ворвался в гостиную. Как раз вовремя, чтобы обнаружить свою жену в объятиях какого-то мужчины.

Да, то была она, прелестная тридцатипятилетняя женщина с дымчато-рыжими волосами и

миндалевидным разрезом глаз. То была она — в пылких объятиях некоего субъекта, из карманов которого торчали тощие брошюрки, различные приборы и медицинский молоточек. Поистине типичный для Неизвестного университета субъект!

Объятие было столь всепоглощающим, что участвующие в нем преступные стороны даже не заметили Генри Хасселя, взиравшего на них с порога гостиной.

Здесь я советую еще вспомнить об Ампере, Шарле, а также о Людвиге Больцмане. Хассель весил ровно сто девяносто фунтов. Он был мускулист и вспыльчив. Он мог бы играючи разъединить соучастников преступления и затем прямолинейно и бесхитростно достичь желанной цели, а именно пресечь жизнь супруги. Но Генри Хассель принадлежал к разряду гениев, поэтому подобный способ ему просто не пришел в голову.

Хассель яростно задышал, повернулся и бросился в свою домашнюю лабораторию, пыхтя как паровая машина. Он открыл ящик с этикеткой «Двенадцатиперстная кишка» и извлек оттуда револьвер сорок пятого калибра. Он открыл другие ящики с еще более интересными этикетками и извлек оттуда приборы. Ровно через семь с

половиной минут (настолько он разъярился) он собрал машину времени (настолько он был гениален).

Профессор Хассель собрал машину времени, установил на циферблате 1902 год, схватил револьвер и нажал кнопку. Машина проурчала, как испорченный унитаз, и Хассель исчез. Он материализовался в Филадельфии 3 июня 1902 года, прямиком направился на Неуолл-стрит, подошел к красному кирпичному дому № 1218, поднялся по мраморным ступенькам и позвонил. Ему открыл мужчина, невероятно похожий на первого встречного.

— Мистер Джессуп? — задыхаясь, спросил Хассель.

— Простите?

— Вы мистер Джессуп?

— Я самый.

— У вас будет сын Эдгар. Эдгар Аллан Джессуп, названный так вследствие вашего прискорбного увлечения Эдгаром Алланом По.

Первый встречный мужчина удивился.

— Я бы не сказал, что мне это известно, — признался он. — Я пока не женат.

— Это вам еще предстоит, — угрюмо произнес Хассель. — Я имею несчастье быть женатым на

дочери вашего сына, которую зовут Грета. Прошу прощения за беспокойство.

С этими словами он поднял револьвер и застрелил будущего дедушку своей жены.

— Теперь она обязана исчезнуть, — пробормотал Хассель, продувая ствол револьвера. — Я буду холостяком. Я даже могу оказаться мужем другой женщины…

Он едва дождался, когда автоматическое устройство машины времени швырнуло его обратно в лабораторию, и тотчас бросился в гостиную.

Там была его рыжеволосая супруга — по-прежнему в объятиях мужчины.

Хассель остолбенел.

— Значит, так?! — прорычал он наконец. — Это у нее в крови! Ну, хорошо, мы положим этому конец! У нас есть и пути, и средства!

Профессор изобразил на лице сардоническую усмешку, вернулся в лабораторию и послал себя в 1901 год, где одним выстрелом прикончил Эмми Хотчинкс, которой в будущем предстояло стать бабушкой его жены — на этот раз по материнской линии, — после чего он возвратился в свой дом в свое время.

Его рыжеволосая супруга по-прежнему пребы-

вала в объятиях мужчины.

— Уже эта-то старая карга точно была ее бабушкой, — пробормотал Хассель. — Достаточно на нее взглянуть! В чем же дело, черт побери?

Хассель был обескуражен и сбит с толку. Но у него еще оставались скрытые ресурсы. Он отправился в свой кабинет, с некоторым трудом разыскал там телефонный аппарат и наконец сумел дозвониться до Лаборатории сомнительной практики. Разговаривая, он продолжал машинально крутить диск циферблата.

— Сэм? — спросил он. — Это Генри.

— Кто?

— Генри.

— Вам придется повторить громко и отчетливо.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— А-а! Привет, Генри!

— Скажи мне все, что ты знаешь о времени.

— О времени? Хм… — Сложная электронная машина откашлялась в ожидании, когда включатся блоки памяти. — Ага. Время? Первое: абсолютное. Второе: относительное. Третье: периодическое. Время абсолютное: период, продолжительность, длительность, суточность, бесконечность…

— Извини, Сэм. Ошибочный запрос. Прокрути

обратно. Мне нужно: «Время путешествия по… последовательность событий в…»

Сэм клацнул шестернями и начал сначала. Хассель слушал с огромным вниманием. Он кивнул. Затем проворчал:

— Угм. Угм. Понятно. Правильно. Так я и думал. Континуум? Ага! Действия, проделанные в прошлом, должны изменить будущее? Значит, я на верном пути. Действия должны быть значительными? Ага! Массовое воздействие? Ага! Незначительное не может изменить существующую линию событий? Хм! Насколько незначительна бабушка?

— Что ты собираешься сделать, Генри?

— Прикончить свою жену! — рявкнул Хассель.

Он повесил трубку, вернулся в лабораторию и задумался, все еще клокоча от ревности.

— Придется сделать что-нибудь значительное, — пробормотал профессор. — Я должен ее уничтожить. Я должен все это уничтожить. И я это сделаю, клянусь! Я им покажу!

Хассель отправился назад, в 1775 год, отыскал некую ферму в Виргинии и застрелил там некоего молодого полковника. Полковника звали Джордж Вашингтон, и Хассель тщательно удостоверился в том, что он мертв. Он вернулся в свой

дом и в свое время. Там была его рыжеволосая супруга по-прежнему в объятиях другого.

— Проклятье! — сказал Хассель.

У него кончились патроны. Он вскрыл новый ящик с боеприпасами, отправился назад во времени и устроил побоище, жертвами которого пали Христофор Колумб, Наполеон, Магомет, а также с полдюжины других знаменитостей.

— Этого должно хватить, клянусь господом богом! — сказал Хассель.

Он вернулся в свой дом и обнаружил жену… в прежнем состоянии.

Его колени стали ватными; ноги, казалось, приросли к полу. Он побрел в лабораторию, как сквозь зыбучие пески.

— Какого дьявола, что же тогда существенно? — с горечью воскликнул профессор. — Что еще нужно, чтобы изменить будущее? Клянусь, уж на сей раз я его как следует перекорежу! Я его наизнанку выверну!

Он отправился в Париж начала XX века и посетил мадам Кюри в ее лаборатории на чердаке вблизи Сорбонны.

— Мадам, — сказал он на отвратительном французском языке. — Я пришел к вам издали, но я ученый с головы до ног. Слышал про ваши

опыты с радием… О! Вы еще не знаете про радий? Не имеет значения. Я прибыл, чтобы обучить вас всему про атомный котел.

Он ее обучил. Прежде чем автоматическое устройство вернуло его домой, он еще успел насладиться зрелищем гигантского грибовидного облака, которое поднялось над Парижем.

— Это научит женщин, как изменять супружескому долгу! — прорычал профессор. — О дьявол!!

Последнее восклицание сорвалось с его губ, когда он увидел свою рыжеволосую жену по-прежнему… Впрочем, к чему повторяться?

Хассель добрался до лаборатории, плывя в волнах тумана. Пока он там размышляет, я хочу предупредить вас, что это отнюдь не обычная история о путешествиях во времени. Если вы полагаете, что Хассель сейчас опознает в соблазнителе своей жены самого себя, то вы глубоко заблуждаетесь. Этот вероломный негодяй не был ни Генри Хасселем, ни его сыном, ни родственником. Он не был даже Людвигом Больцманом (1844–1906). Хассель не совершал также петли во времени, то есть он не возвращался туда, откуда вся эта история началась, что, как известно, никого из читателей не удовлетворяет, зато озлобляет

всех поголовно. Он не совершал этого по той простой причине, что время не является круговым, а также линейным, последовательным, дискоидальным, шизоидальным или пандикулированным. Время — это личное дело каждого, в чем Хасселю предстояло убедиться.

— По-видимому, я в чем-то ошибся, — пробормотал Хассель. — Надо проверить.

Он с трудом поднял трубку, которая, казалось, весила теперь сто тонн, и дозвонился до библиотеки.

— Хелло, библиотека? Это Генри.

— Кто?

— Генри Хассель.

— Говорите громче.

— ГЕНРИ ХАССЕЛЬ!

— О-о! Привет, Генри!

— Что у тебя есть насчет Джорджа Вашингтона?

Библиотека деловито квохтала в ожидании, когда ее фотоглаз просканирует каталоги.

— Джордж Вашингтон. Первый президент Соединенных Штатов. Родился в…

— Первый президент? Разве он не был убит в 1775 году?

— Ну что ты, Генри! Что за нелепый вопрос?

Всем известно, что Джордж Ваш…

— Разве всем не известно, что он был убит?

— Кем?

— Мной.

— Когда?

— В 1775-м.

— Как ты ухитрился это сделать?

— С помощью револьвера.

— Нет, я имею в виду, как ты ухитрился сделать это двести лет назад?

— С помощью машины времени.

— Хм, об этом нет упоминаний, — сказала библиотека. — По моим каталогам у него все в ажуре. Ты, наверное промахнулся.

— Я не мог промахнуться. Как насчет Христофора Колумба? Есть там сведения о его смерти в 1489 году?

— Но он открыл Америку в 1492-м!

— Черта с два. Он был убит в 1489-м.

— Как?

— Пулей в глотку. Сорок пятого калибра.

— Опять ты, Генри?

— Угу.

— Таких сведений нет, — угрюмо заявила библиотека. — Никудышный из тебя стрелок, Генри.

— Ты меня не выведешь из себя, — сказал Хас-

сель дрожащим голосом.

— Почему, Генри?

— Потому что я уже и так выведен! — проревел он. — Да! Что там с Марией Кюри, черт бы тебя побрал?! Она создала атомную бомбу, которая уничтожила Париж в начале XX века, или этого тоже не было?!

— Не было. Энрико Ферми…

— Это было!

— Не было.

— Я лично ее обучил! Я! Генри Хассель!

— Генри, все знают, что ты замечательный теоретик, но учитель из тебя…

— Заткнись, старая перечница! Я знаю, что это все означает!

— Что?

— Я забыл. У меня была какая-то мысль, но это уже не играет роли. Что ты предлагаешь?

— У тебя действительно есть машина времени?

— Разумеется, есть.

— Тогда вернись обратно и проверь.

Хассель вернулся в 1775 год, прибыл в Маунт-Вернон и прервал фермерские занятия Джорджа Вашингтона.

— Прошу прощения, полковник, — сказал про-

фессор.

Высокий мужчина удивленно посмотрел на него.

— Ты странно говоришь, чужеземец, — сказал он. — Откуда ты?

— О, такое, знаете, новоиспеченное заведение, вряд ли вы слышали.

— Ты выглядишь странно. Какой-то ты туманный, я бы сказал.

— Скажите, полковник, что вы знаете о Христофоре Колумбе?

— Не так уж много, — признался Вашингтон. — Как будто бы он помер лет двести или триста назад.

— Когда именно?

— В тысяча пятьсот каком-то году, насколько я припоминаю.

— Этого не может быть. Он умер в 1489 году.

— Путаешь, старина. Он открыл Америку в 1492 году.

— Америку открыл Кэбот! Себастьян Кэбот!

— Как бы не так! Кэбот пришел малость попозже.

— А у меня неопровержимые доказательства! — воскликнул Хассель, но был прерван появлением коренастого и довольно плотного мужчины с

лицом, чудовищно побагровевшим от ярости. На нем болтались широченные серые брюки, а твидовый пиджак его был на два номера меньше, чем нужно. В руке он держал револьвер сорок пятого калибра. Лишь несколько мгновений спустя Генри Хассель сообразил, что видит самого себя. Это зрелище не доставило ему удовольствия.

— О боже! — пробормотал Хассель. — Это ведь я прибываю в прошлое, чтобы убить Вашингтона. Если бы я прибыл сюда второй раз на час позже, я застал бы Вашингтона мертвым. Эй! — воскликнул он. — Подожди! Потерпи минуточку! Мне нужно сначала у него кое-что выяснить!

Хассель игнорировал собственные возгласы; по правде говоря, он их, кажется, вообще не слышал. Он прошагал прямо к полковнику Вашингтону и выстрелил. Полковник Вашингтон упал, так что в смерти его не могло быть ни малейших сомнений. Первый Хассель осмотрел тело и, не обращая никакого внимания на попытки второго Хасселя остановить его и вовлечь в дискуссию, удалился, злобно бормоча что-то себе под нос.

— Он меня не слышал, — удивился Хассель. — Он даже не почувствовал, что я здесь, и потом — почему я не помню, чтобы я сам себя останавливал, когда в первый раз стрелял в полковника?

Что здесь происходит, черт побери?

Серьезно озабоченный, Генри Хассель прибыл в Чикаго 1941 года и заглянул в спортивный зал Чикагского университета. Там среди скользкого месива графитовых блоков в облаке графитовой пыли он отыскал итальянского ученого по фамилии Ферми.

— Повторяете работу Марии Кюри, dottore, не так ли? — спросил Хассель.

Ферми огляделся, словно услышал какой-то слабый писк.

— Повторяете работу Марии Кюри, dottore? — проревел Хассель что было сил.

Ферми холодно посмотрел на него.

— Откуда вы, amico?

— О, я на государственном коште.

— Государственный департамент?

— О нет, просто государственный кошт. Послушайте, dottore, ведь Мария Кюри открыла деление ядра в тысяча девятьсот таком-то году, не так ли?

— Нет! Нет!! Нет!!! — воскликнул Ферми. — Мы первые. И даже мы еще не открыли. Полиция! Полиция!! Шпион!!!

— Ну, уж на этот раз кое-что останется в истории! — прорычал Хассель, Он вытащил свой

верный 45-й калибр, выпустил полную обойму в грудь доктора Ферми и застыл на месте в ожидании, когда его арестуют, а потом предадут анафеме на страницах газет. Но, к его удивлению, Ферми не упал, а всего лишь ощупал свою грудь и, обращаясь к людям, прибежавшим на его крик, сказал:

— Ничего особенного. Я почувствовал какое-то внезапное жжение во внутренностях, которое могло бы означать воспаление сердечного нерва, но скорее всего это изжога.

Хассель был слишком возбужден, чтобы дожидаться автоматического возвратного включения машины времени. Поэтому он немедленно вернулся в неизвестный университет без всякой машины времени. Этот факт мог бы натолкнуть Хасселя на разгадку происходящего, но профессор был слишком одержим своей идеей, чтобы что-нибудь заметить. Именно тогда я (1913–1975) впервые увидел Хасселя — призрачную фигуру, проносившуюся сквозь стекла автомобилей, закрытые двери магазинов и кирпичные стены домов. На его лице было выражение фантастической решимости.

Он просочился в библиотеку, приготовившись к утомительному спору, но каталоги не видели

и не слышал его. Он отправился в Лабораторию сомнительной практики, где находился Сэм — Сложная электронная машина, располагавшая приборами чувствительностью до 10 700 ангстрем. Сэму не удалось разглядеть Генри. Однако он сумел его расслышать, используя усиление звуковых волн посредством интерференции.

— Сэм, — сказал Хассель. — Я сделал чертовски важное открытие.

— Ты все время делаешь открытия, Генри, — заворчал Сэм. — Мне уже некуда помещать твои данные. Прикажешь начать для тебя новую ленту?

— Но мне нужен совет, Сэм! Кто у нас ведущий авторитет по разделу «Время, путешествия по… последовательность событий в…»

— И. Леннокс. Пространственная механика, профессор по… Йельский университет в…

— Как мне с ним связаться?

— Никак, Генри. Он умер. В семьдесят пятом.

— Дай мне какого-нибудь специалиста по разделу «Время… путешествия по…», только живого.

— Вил Мэрфи.

— Мэрфи? С нашей Травматологической кафедры? Подходит! Где он сейчас?

— Видишь ли, Генри, он пошел к тебе домой. У

него к тебе какое-то дело.

Хассель, не сделав ни единого шага, прибыл домой, обыскал свой кабинет и лабораторию, где никого не нашел, и наконец вплыл в гостиную, где его рыжеволосая жена продолжала находиться в объятиях постороннего мужчины. (Все это, как вы, конечно, понимаете, происходило в течение нескольких секунд после сооружения машины времени; такова природа времени и путешествий по…) Хассель кашлянул раз, потом еще раз и наконец попытался похлопать жену по плечу. Его пальцы прошли сквозь нее.

— Прошу прощения, дорогая, — сказал он. — Не заходил ли ко мне Вилли Мэрфи?

Тут он пригляделся и увидел, что мужчина, обнимавший его жену, был не кто иной, как Вилли Мэрфи собственной персоной.

— Мэрфи! — воскликнул профессор. — Вы-то мне и нужны! Я получил необыкновенные результаты.

И, не дожидаясь ответа, Хассель принялся элементарно излагать свои необыкновенные результаты, что звучало примерно следующим образом:

— Мэрфи, $u\text{-}v=(u^{½}\text{-}v^{¼})(u^{a}+u^{x}v^{y}+v^{b})$, но поскольку Джордж Вашингтон $F(x)y^{2}\varphi dx$ и Энрико Ферми

F(u½)dxdt на половину Кюри, то что вы скажите о Христофоре Колумбе, помноженном на корень квадратный из минус единицы?

Мэрфи игнорировал Хасселя точно так же, как это сделала миссис Хассель. Что касается меня, то я быстренько записал уравнения Хасселя на крыше проезжавшего такси.

— Послушайте, Мэрфи, — сказал Хассель. — Грета, дорогая, не будешь ли ты так любезна оставить нас на некоторое время? Мне нужно... Черт побери, прекратите вы когда-нибудь это нелепое занятие?! У меня к вам серьезный разговор, Мэрфи.

Хассель пытался разъединить парочку. Обнявшиеся не ощущали его прикосновений точно так же, как раньше не слышали его криков. Хассель опять побагровел. Он пришел в ярость и набросился с кулаками на миссис Хассель и Вилли Мэрфи. С таким же успехом он мог бы наброситься с кулаками на идеальный газ. Я решил, что лучше мне вмешаться.

— Хассель?

— Это еще кто?

— Выйди на минутку. Я хочу с тобой поговорить.

Он пулей проскочил сквозь стену.

— Где вы?

— Здесь, наверху.

— Вот это облачко?

— Ты выглядишь точно также.

— Кто вы такой?

— Леннокс. И. Леннокс.

— Леннокс, пространственная механика, профессор по… Йельский университет в…

— Он самый.

— Но ведь вы умерли в семьдесят пятом?

— Я исчез в семьдесят пятом.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я изобрел машину времени.

— О боже! Я сделал то же самое, — сказал Хассель. — Сегодня вечером. Меня вдруг осенила эта идея — уже не помню почему, — и я получил совершенно необыкновенные результаты. Послушайте, Леннокс, время не является непрерывным!

— Вот как?

— Это ряд дискретных частиц, вроде бусин на нитке.

— В самом деле?

— Каждая бусинка — это «настоящее». Каждое «настоящее» имеет свое прошлое и свое будущее. Но ни одно из них не связано с другим. Понимае-

те? Если a = a1 + a2ji + φax(b1)…

— К черту математику, Генри!

— Это форма квантованного переноса энергии. Время излучается дискретными порциями, или квантами. Мы можем войти в любой квант и совершить изменения в нем, но никакие изменения в одной частичке не влияют ни на какие-либо другие частички. Правильно?

— Неправильно, — сказал я с сожалением.

— То есть как это «неправильно»?! — воскликнул профессор, возмущенно размахивая руками буквально где-то между ребрами проходившей мимо студентки. — Достаточно взять трохоидальные уравнения и…

— Неправильно! — твердо повторил я. — Хочешь меня послушать, Генри?

— Валяйте, — сказал он.

— Ты заметил, что стал… как бы это выразиться… нематериальным? Призрачным? Лучистым? Что пространство и время для тебя больше не существуют?

— Ага.

— Генри, я имел несчастье построить машину времени еще в 1975 году.

— Вот как? Послушайте, а как вы решили вопрос с мощностью? Я использовал, по-моему,

примерно 7,3 киловатта на…

— К черту мощность, Генри. Первый мой визит в прошлое был в плейстоценовую эпоху. Я хотел заснять мастодонта, гигантского ленивца и саблезубого тигра. Когда я пятился, чтобы уместить мастодонта в кадре при диафрагме 6,3 и выдержке сотка или, по шкале ЛВС…

— К черту шкалу ЛВС! — сказал Хассель.

— Когда я пятился, я споткнулся и нечаянно раздавил маленькое плейстоценовое насекомое.

— Ага! — воскликнул Хассель.

— Я был подавлен случившимся. Мне уже мерещилось, как я возвращаюсь в свой мир и застаю его радикально изменившимся из-за смерти этого насекомого. Представь себе мое изумление, когда я вернулся и увидел, что в моем мире ничего не изменилось.

— Ого! — присвистнул Хассель.

— Я заинтересовался. Я снова отправился в плейстоцен и убил мастодонта. В 1975 году ничего не изменилось. Я вернулся в плейстоцен и истребил там все живое — по-прежнему ни малейшего результата. Я помчался сквозь время, убивая все вокруг, чтобы изменить настоящее.

— Значит, ты поступил так же, как и я! — воскликнул Хассель. — Я прикончил Колумба.

— А я прикончил Марко Поло.

— Но я прикончил Наполеона!

— Ну, Эйнштейн — более значительная персона.

— Даже Магомет ничего не изменил. Уж от него-то я ожидал большего.

— Знаю. Я его тоже прикончил.

— Как это так? — оскорбленно воскликнул Хассель.

— Я его убил 16 сентября 599 года.

— Я прикончил Магомета 5 января 598 года!

— Я тебе верю.

— Но как же ты мог его прикончить после того, как я его прикончил?!

— Мы его оба прикончили.

— Это невозможно!

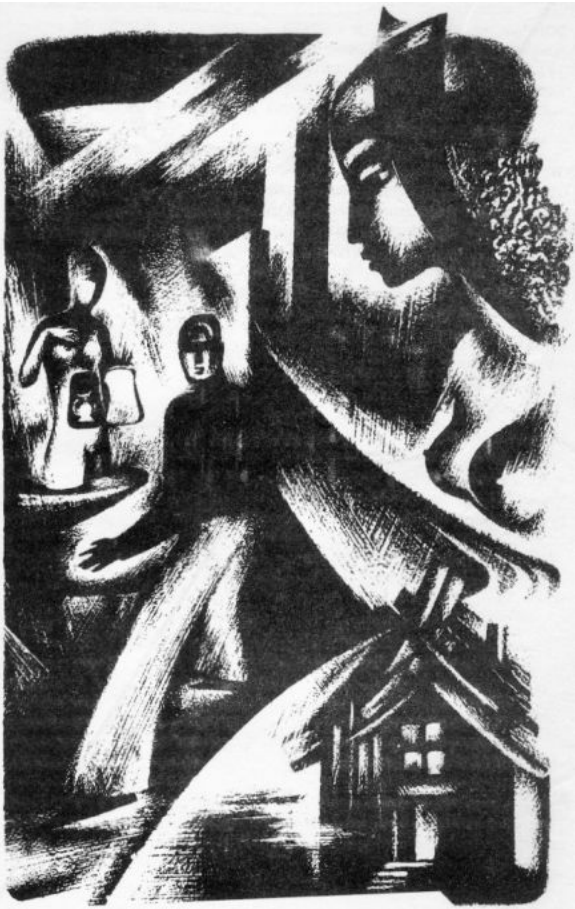
— Молодой человек, — сказал я. — Время — личное дело каждого. Прошлое оно как память. Мы стерли свое прошлое. Для всех других мир по-прежнему существует, а мы с тобой перестали существовать, Когда ты стираешь у человека память, ты разрушаешь его как личность.

— То есть как это «перестали существовать»?!

— Каждый раз, когда мы в своем прошлом что-то уничтожали, мы немножко таяли. И наконец растаяли совсем. Теперь мы с тобой — призраки…

Надеюсь, миссис Хассель будет вполне счастлива с мистером Мэрфи… И вообще, слушай, не лучше ли нам с тобой поторопиться? Сейчас в Академии Ампер как раз выдает отличные анекдоты о Людвиге Больцмане!

Ночная ваза с цветочным бордюром



Перевод Е. Коротковой.

— И в завершение первого семестра курса «Древняя история 107», — сказал профессор Пол Муни,[3] — мы попробуем восстановить обычный день нашего предка, обитателя Соединенных Штатов Америки, как называли в те времена, то есть пятьсот лет назад, Лос-Анджелес Великий.

Мы назовем объекта наших изысканий Джуксом — одно из самых славных имен той поры, снискавшее себе бессмертие в сагах о кровной вражде кланов Каликак и Джукс.

В наше время все научные авторитеты сошлись на том, что таинственный шифр ДЖУ,[4] часто встречаемый в телефонных справочниках округа Голливуд Ист (в те времена его именовали Нью-Йорком), к примеру: ДЖУ 6–0600 или ДЖУ 2–1914, каким-то образом генеалогически связаны с могущественной династией Джуксов.

Итак, год 1950-й. Мистер Джукс, типичный холо-

---

[3] Примечания: 3

Все герои рассказа носят имена «звезд» голливудского кино, известных в 1930–1960 годах; многие из них — такие, как Грета Гарбо, Спенсер Трэйси, Одри Хэпберн и другие известны зрителям по фильмам «Дама с камелиями», «Нюрнбергский процесс», «Старик и море», «Война и мир», «Моя прекрасная леди».

[4] Примечания: 4

Телефонный индекс одного из районов Нью-Йорка.

стяк, живет на ранчо возле Нью-Йорка. Он встает с зарей, надевает спортивные брюки, натягивает сапоги со шпорами, рубашку из сыромятной кожи, серый фланелевый жилет, затем повязывает черный трикотажный галстук. Вооружившись револьвером или кольтом, Джукс направляется в забегаловку, где готовит себе завтрак из приправленного пряностями планктона и морских водорослей. При этом он — возможно (но не обязательно) застает врасплох целую банду юных сорванцов или краснокожих индейцев в тот самый момент, когда они готовятся линчевать очередную жертву или угнать несколько джуксовых автомобилей, которых у него на ранчо целое стадо примерно в полторы сотни голов.

Он расшвыривает их несколькими ударами, не прибегая к оружию. Как все американцы двадцатого века, Джукс — чудовищной силы создание, привыкшее наносить, а также получать сокрушительные удары; в него можно запустить стулом, креслом, столом, даже комодом без малейшего для него вреда. Он почти не пользуется пистолетом, приберегая его для ритуальных церемоний.

В свою контору в Нью-Йорк-сити мистер Джукс отправляется верхом, или на спортивной машине (разновидность открытого автомобиля),

или на троллейбусе. По пути он читает утреннюю газету, в которой мелькают набранные жирным шрифтом заголовки типа: «Открытие Северного полюса», «Гибель „Титаника“», «Успешная высадка космонавтов на Марсе» и «Странная гибель президента Хардинга».

Джукс работает в рекламном агентстве на Мэдисон-авеню — грязной ухабистой дороге, по которой разъезжают почтовые дилижансы, стоят пивные салуны и на каждом шагу попадаются буйные гуляки, трупы и певички в сведенных до минимума туалетах.

Джукс — деятель рекламы, он посвятил себя тому, чтобы руководить вкусами публики, развивать ее культуру и оказывать содействие при выборах должностных лиц, а также при выборе национальных героев.

Его контора, расположенная на двадцатом этаже увенчанного башней небоскреба, обставлена в характерном для середины двадцатого века стиле. В ней имеется конторка с крышкой на роликах, откидное кресло и медная плевательница. Контора освещена лучом мазера, рассеянным оптическими приборами. Летом комнату наполняют прохладой большие вентиляторы, свисающие с потолка, а зимою Джуксу не дает

замерзнуть инфракрасная печь Франклина.

Стены украшены редкостными картинами, принадлежащими кисти таких знаменитых мастеров, как Микеланджело, Ренуар и Санди. Возле конторки стоит магнитофон. Джукс диктует все свои соображения, а позже его секретарша переписывает их, макая ручку в черно-углеродистые чернила. (Сейчас уже окончательно установлено, что пишущие машинки были изобретены лишь на заре Века Компьютеров, в конце двадцатого столетия.) Деятельность мистера Джукса состоит в создании вдохновенных лозунгов, которые превращают половину населения страны в активных покупателей. Весьма немногие из этих лозунгов дошли до наших дней, да и то в более или менее фрагментарном виде, и студенты, прослушавшие курс профессора Рекса Гаррисона «лингвистика 916», знают, с какими трудностями мы столкнулись, пытаясь расшифровать такие изречения, как: «Не сушить возле источников тепла» (может быть, «пепла»?), «Решится ли она» (на что?) и «Вот бы появиться в парке в этом сногсшибательном лифчике» (невразумительно).

В полдень мистер Джукс идет перекусить, что он делает обычно на каком-нибудь гигантском стадионе в обществе нескольких тысяч подобных

ему. Затем он снова возвращается в контору и приступает к работе, причем прошу не забывать, что условия труда в то время были настолько далеки от идеальных, что Джукс вынужден был трудиться по четыре, а то и по шесть часов в день.

В те удручающие времена неслыханного размаха достигли ограбления дилижансов, налеты, войны между бандитскими шайками и тому подобные зверства. В воздухе то и дело мелькали тела маклеров, в порыве отчаяния выбрасывавшихся из окон своих контор.

И нет ничего удивительного в том, что к концу дня мистер Джукс ищет духовного успокоения. Он обретает его на ритуальных сборищах, именуемых «коктейль». Там, в густой толпе своих единоверцев, он стоит в маленькой комнате, вслух вознося молитвы и наполняя воздух благовонными курениями марихуаны. Женщины, участвующие в церемонии, нередко носят одеяния, именуемые «платье для коктейля», известные также под названием «шик-модерн».

Свое пребывание в городе мистер Джукс может завершить посещением ночного клуба, где посетителей развлекают каким-нибудь зрелищем. Эти клубы, как правило, располагались

под землей. При этом Джукса почти каждый раз сопровождает некий «солидный счет» — термин маловразумительный. Доктор Дэвид Нивен весьма убедительно доказывает, что «солидный счет» — это не что иное, как сленговый эквивалент выражения «доступная женщина», однако профессор Нельсон Эдди справедливо замечает, что такое толкование лишь усложняет дело, ибо в наше время никто понятия не имеет, что означают слова «доступная женщина».

И наконец, мистер Джукс возвращается на свое ранчо, причем едет на поезде, ведомом паровозом, и по дороге играет в азартные игры с профессиональными шулерами, наводнявшими все виды транспорта той поры. Приехав домой, он разводит во дворе костер, подбивает на счетах дневные расходы, наигрывает грустные мелодии на гитаре, ухаживает за одной из представительниц многотысячной орды незнакомок, имеющих обычай забредать на огонек в самое неожиданное время, затем завертывается в одеяло и засыпает.

Таков был он, этот варварский век, до такой степени нервозный и истеричный, что лишь очень немногие доживали до ста лет. И все же современные романтики вздыхают о той чудовищной эпохе, полной ужасов и бурь. Американа

двадцатого века — это последний крик моды. Не так давно один экземпляр «Лайфа», нечто вроде высылаемого для заказов по почте каталога товаров, был приобретен на аукционе известным коллекционером Клифтоном Уэббом за 150 тысяч долларов. Замечу кстати, что, анализируя этот антикварный образчик в своей статье, напечатанной в «Философикал Транзэкшнз», я привожу довольно веские доказательства, позволяющие усомниться в его подлинности. Целый ряд анахронизмов наводит на мысль о подделке.

А теперь несколько слов по поводу экзаменов. Возникшие недавно слухи о каких-то неполадках в экзаменационном компьютере — чистый вздор. Наш компьютерный психиатр уверяет, что «Мульти III» подвергся основательному промыванию мозгов и заново индоктринирован. Тщательнейшие проверки показали, что все ляпсусы были вызваны небрежностью самих студентов.

Я самым настоятельным образом прошу вас соблюдать все установленные меры стерилизации. Перед сдачей экзаменов аккуратно вымойте руки. Как следует наденьте белые хирургические шапочки, халаты, маски и перчатки. Проследите за тем, чтобы ваши перфокарты были в образ-

цовом порядке. Помните, что самое крохотное пятнышко на вашей экзаменационной перфокарте может все погубить. «Мульти III» — не машина, а мозг, и относиться к нему следует столь же бережно и заботливо, как к собственному телу. Благодарю вас, желаю успеха и надеюсь вновь встретить всех вас в следующем семестре.

Когда профессор Муни вышел из лекционного зала в переполненный студентами коридор, его встретила секретарша Энн Сотерн. На ней был бикини в горошек. Перекинув через руку профессорские плавки, Энн держала поднос с бокалами. Кивнув, профессор Муни быстро осушил один бокал и поморщился, ибо как раз в эту секунду грянули традиционные музыкальные позывные, сопровождавшие студентов при смене аудитории. Рассовывая по карманам свои заметки, он направился к выходу.

— Купаться некогда, мисс Сотерн, — сказал он. — Мне сегодня предстоит высмеять одно открытие, знаменующее собой новый этап в развитии медицинской науки.

— В вашем расписании этого нет, доктор Муни.

— Знаю, знаю. Но Реймонд Массей заболел, и я согласился его выручить. Реймонд обещает

заменить меня в следующий раз на консультации, где я должен уговорить некоего юного гения навсегда распроститься с поэзией.

Они вышли из социологического корпуса, миновали каплевидный плавательный бассейн, здание библиотеки, построенное в форме книги, сердцевидную клинику сердечных болезней и вошли в паукообразный научный центр. Невидимые репродукторы транслировали новейший музбоевик.

— Что это, «Ниагара» Карузо? — рассеянно спросил профессор Муни.

— Нет, «Джонстаунское половодье» в исполнении Марии Каллас, — откликнулась мисс Сотерн, отворяя дверь профессорского кабинета. — Странно. Могу поклясться, что я не тушила свет.

Энн потянулась к выключателю.

— Стоп, — резко произнес профессор Муни. — Здесь что-то неладно, мисс Сотерн.

— Вы думаете, что…

— На кого, по-вашему, можно наткнуться, когда входишь ненароком в темную комнату?

— С-с-скверные Парни?

— Именно они.

Гнусавый голос произнес:

— Вы совершенно правы, дорогой профессор,

но, уверяю вас, наш разговор будет сугубо деловым.

— Доктор Муни! — охнула мисс Сотерн. — В вашем кабинете кто-то есть.

— Входите же, профессор, — продолжал Гнусавый. — Разумеется, если мне позволено приглашать вас в ваш собственный кабинет. Не пытайтесь найти выключатель, мисс Сотерн. Мы уже… гм… позаботились об освещении.

— Что означает это вторжение? — грозно спросил профессор.

— Спокойно, спокойно… Борис, подведите профессора к креслу. Этот долдон, что взял вас за руку, профессор, мой не ведающий жалости телохранитель, Борис Карлов.[5] А я — Питер Лорре.

— Я требую объяснений! — крикнул Муни. — Почему вы вторглись в мой кабинет? Почему отключен свет? Какое право вы имеете…

— Свет выключен потому, что вам лучше не видеть Бориса. Человек он весьма полезный, но внешность его, должен вам сказать, не доставляет эстетического наслаждения. Ну а для чего я вторгся в ваше обиталище, вы узнаете сразу же, как только ответите мне на один или два

---

[5] Примечания: 5

Борис Карлов — актер американского кино, снискавший известность в 30-е годы участием в фильмах ужасов.

пустяковых вопроса.

— И не подумаю отвечать. Мисс Сотерн, вызовите декана.

— Мисс Сотерн, ни с места!

— Делайте что вам говорят, мисс Сотерн. Я не позволю…

— Борис, подпалите-ка что-нибудь.

Борис что-то поджег. Мисс Сотерн взвизгнула. Профессор Муни лишился дара речи и остолбенел.

— Ладно, можете гасить, Борис. Ну, а теперь, мой дорогой профессор, к делу. Прежде всего рекомендую отвечать на все мои вопросы честно, без утайки. Протяните, пожалуйста, руку. — Профессор Муни вытянул руку и ощутил в ней пачку кредитных билетов. — Это ваш гонорар за консультацию. Тысяча долларов. Не угодно ли пересчитать? Поскольку здесь темно, Борис может что-нибудь поджечь.

— Я верю вам, — пробормотал профессор Муни.

— Отлично. А теперь, профессор, скажите мне, где и как долго изучали вы историю Америки?

— Странный вопрос, мистер Лорре.

— Вам уплачено, профессор Муни?

— Совершенно верно. Так-с… Я обучался в

высшем Голливудском, в высшем Гарвардском, высшем Йельском и в Тихоокеанском колледжах.

— Что такое «колледж»?

— В старину так называли высшее. Они ведь там, на побережье, свято чтят традиции… Удручающе реакционны.

— Как долго вы изучали эту науку?

— Примерно двадцать лет.

— А сколько лет вы после этого преподавали здесь, в высшем Колумбийском?

— Пятнадцать.

— То есть на круг выходит тридцать пять лет научного опыта. Полагаю, что вы легко можете судить о достоинствах и квалификации различных ныне живущих историков?

— Разумеется.

— Тогда кто, по вашему мнению, является крупнейшим знатоком Американы двадцатого века?

— Ах вот что! Та-а-к. Чрезвычайно интересно. По рекламным проспектам, газетным заголовкам и фото, несомненно, Гаррисон. По домоводству — Тейлор, то есть доктор Элизабет Тейлор. Гейбл, наверно, держит первенство по транспорту. Кларк перешел сейчас в высшее Кембриджское, но…

— Прошу прощения, профессор Муни. Я неверно сформулировал вопрос. Мне следовало вас спросить: кто является крупнейшим знатоком по антиквариату двадцатого века? Я имею в виду предметы роскоши, картины, мебель, старинные вещи, произведения искусства и так далее.

— О! Ну тут я вам могу ответить без малейших колебаний, мистер Лорре. Я.

— Прекрасно. Очень хорошо. А теперь послушайте меня внимательно, профессор Муни. Могущественная группа дельцов от искусства поручила мне вступить с вами в контакт и начать переговоры. За консультацию вам будет выдано авансом десять тысяч долларов. Со своей стороны вы обещаете держать наш договор в тайне. И усвойте сразу же, что если вы не оправдаете нашего доверия, тогда пеняйте на себя.

— Сумма порядочная, — с расстановкой произнес профессор Муни. — Но где гарантия, что предложение исходит от Славных Ребят?

— Заверяю вас, мы действуем во имя свободы, справедливости простых людей и лос-анджелесского образа жизни. Вы, разумеется, можете отказаться от такого опасного поручения, и вас никто не упрекнет, однако не забывайте, что во всем Лос-Анджелесе Великом лишь вы один

способны выполнить это поручение.

— Ну что ж, — сказал профессор Муни. — Коль скоро, отказавшись, я смогу заниматься только одним: ошибочно подвергать осмеянию современные методы излечения рака, — я, пожалуй, соглашусь.

— Я знал, что на вас можно положиться. Вы типичный представитель маленьких людей, сделавших Лос-Анджелес великим. Борис, исполните национальный гимн.

— Благодарю вас, это лишнее. Слишком много чести. Я просто делаю то, что сделал бы любой лояльный, стопроцентный лосанджелесец.

— Очень хорошо. Я заеду за вами в полночь. На вас должен быть грубый твидовый костюм, надвинутая на глаза фетровая шляпа и грубые ботинки. Захватите с собой сто футов альпинистской веревки, призматический бинокль и тупоносый пистолет. Побезобразнее. Ваш кодовый номер 3–69.

— Это 3–69, — сказал Питер Лорре. — 3–69, позвольте мне представить вас господам Икс, Игрек и Зет.

— Добрый вечер, профессор Муни, — сказал похожий на итальянца джентльмен. — Я Витторио де Сика. Это — мисс Гарбо. А это — Эдвард Эверетт

Хортон. Благодарю вас, Питер. Можете идти.

Мистер Лорре удалился. Профессор Муни внимательно поглядел вокруг себя. Он находился в роскошных апартаментах, построенных на крыше небоскреба. Все здесь было строго выдержано в белых тонах. Даже огонь в камине, благодаря чудесам химии, пылал молочно-белым пламенем. Мистер Хортон нервно расхаживал перед камином. Мисс Гарбо, томно раскинувшись на шкуре белого медведя, вяло держала пальчиками выточенный из слоновой кости мундштучок.

— Позвольте мне освободить вас от этой веревки, профессор, — сказал де Сика. — Думаю, что и традиционные бинокль и пистолет вам ни к чему. Дайте мне и их. Располагайтесь поудобнее. Прошу простить наш безупречный вечерний наряд. Дело в том, что мы изображаем владельцев находящегося в нижнем этаже игорного притона. В действительности же мы…

— Ни в коем случае!.. — встревоженно воскликнул мистер Хортон.

— Если мы не окажем профессору Муни полного доверия, милый мой Хортон, и не будем совершенно откровенны с ним, у нас ничего не получится. Вы со мной согласны, Грета?

Мисс Гарбо кивнула.

— В действительности, — продолжал де Сика, — мы — могущественное трио дельцов от искусства.

— Та, та… так, значит, — взволнованно пролепетал профессор Муни, — вы и есть те самые де Сика, Гарбо и Хортон?

— Именно так.

— Да, но как же… Ведь все говорят, что вы не существуете. Все считают, что организация, известная как «могущественное трио дельцов от искусства» в действительности принадлежит фирме «Тридцать девять ступенек»,[6] предоставившей свой контрольный пакет акций организации «Cosa Vostra».[7] Утверждают, будто…

— Да, да, да, — перебил де Сика. — Нам угодно, чтобы все так считали. Именно потому мы и предстали перед вами в виде зловещего трио владельцев игорного притона. Но не кто иной, как мы, мы втроем, держим в своих руках всю торговлю предметами искусства и весь антикварный бизнес в мире, и именно поэтому вы сейчас и находитесь здесь.

---

[6] Примечания: 6

Название детективного романа Джона Бьюкенена.

[7] Примечания: 7

«Cosa vostra» (итал.) — «Ваше дело». Сравните с названием американской мафии «Cosa nostra» («Наше дело»).

— Я вас не понял.

— Покажите ему список, — проворковала мисс Гарбо.

Де Сика извлек лист бумаги и вручил его профессору Муни.

— Будьте добры изучить этот список, профессор. Ознакомьтесь с ним очень внимательно. От выводов, к которым вы придете, зависит очень многое.

Автоматическая вафельница.

Утюг с паровым увлажнителем.

Электрический миксер (двенадцатискоростной).

Автоматическая кофеварка (шесть чашек).

Сковородка алюминиевая электрическая.

Газовая плита (четырехконфорочная).

Холодильник емкостью 11 кубических футов плюс морозилка на 170 фунтов.

Пылесос типа канистры с виниловым амортизатором.

Машинка швейная со шпульками и иглами.

Канделябр из инкрустированной кленом сосны в форме колеса.

Плафон из матового стекла.

Бра стеклянное провинциального стиля.

Лампа медная с подвесным выключателем и

абажуром из мелкограненого стекла.

Будильник с черным циферблатом и двойным звонком.

Сервиз на восемь персон из пятидесяти предметов, никелированный, металлический.

Сервиз обеденный на четыре персоны из шестнадцати предметов в стиле Дюбарри.

Коврик нейлоновый (разм. 9х12, цвета беж).

Циновка овальная, зеленая (разм. 9х12).

Половик пеньковый для вытирания ног, образца «Милости просим» (разм. 18х30).

Софа-кровать и кресло серо-зеленого цвета.

Круглая подушечка из рез. губки, подкладываемая под колени во время молитвы.

Кресло раскладное из пенопласта (три положения).

Стол раздвижной на восемь персон.

Кресла капитанские (четыре).

Комод дубовый колониальный для холостяка (три ящика).

Столик туалетный колониальный дубовый двойной (шесть ящиков).

Кровать французская провинциальная под балдахином (ширина 54 дюйма).

Профессор Муни в течение десяти минут внимательно изучал список, после чего издал

глубокий вздох.

— Просто не верится, — сказал он, — что где-то в земных недрах может скрываться такой клад.

— Он скрывается отнюдь не в недрах, профессор.

Муни чуть не подскочил в своем кресле.

— Неужели, — воскликнул он, — неужели все эти драгоценные предметы существуют на самом деле?!

— Почти наверняка. Но об этом позже. Сперва скажите, вы как следует усвоили содержание списка?

— Да.

— Вы ясно представляете себе все эти вещи?

— Да, конечно.

— Тогда попытайтесь ответить на такой вопрос: объединяются ли все эти сокровища единством стиля, вкуса и специфики?

— Слишком замысловато, Фитторио, — проворковала мисс Гарбо.

— Мы хотим знать, — вдруг вмешался в разговор Эдвард Эверетт Хортон, — мог ли один человек…

— Не торопитесь, мой милейший Хортон. Каждому вопросу свое время. Профессор, я, возможно, выразился несколько туманно. Я хотел бы узнать

вот что: соответствует ли подбор коллекции вкусу одного человека? Иными словами, мог бы коллекционер, приобретший, ну, скажем, двенадцатискоростной электрический миксер, оказаться тем же лицом, которое приобрело пеньковый половик «Милости просим»?

— Если бы у него хватило средств на то и на другое, — усмехнулся Муни.

— Тогда давайте на одно мгновение чисто теоретически допустим, что у него хватило средств на приобретение всех указанных в списке предметов.

— Средств для этого не хватит даже у правительства целой страны, — отозвался Муни. — А впрочем, дайте подумать…

Он откинулся на спинку кресла и, сощурившись, вперил взгляд в потолок, не обращая ни малейшего внимания на наблюдавшее за ним с живейшим интересом могущественное трио дельцов от искусства.

Придав своему лицу многозначительное и глубокомысленное выражение, он просидел так довольно долгое время и наконец открыл глаза и огляделся.

— Ну же? Ну? — нетерпеливо спросил Хортон.

— Я представил себе, что все эти сокровища

собраны в одной комнате, — сказал Муни. — Комната, возникшая перед моим умственным взором, выглядела на редкость гармонично. Я бы даже сказал, что в мире почти нет таких великолепных и прекрасных комнат. У человека, вошедшего в такую комнату, сразу возникает вопрос, какой гений создал этот дивный интерьер.

— Так значит…

— Да. Я могу смело утверждать, что в декорировании, несомненно, проявился вкус одного человека.

— Ага! Итак, вы были правы, Грета. Мы имеем дело с одиноким волком. Профессор Муни, я уже сказал вам, что все указанные в списке вещи существуют. Я вам не солгал. Так оно и есть. Я просто умолчал о том, что мы не знаем, где они сейчас находятся. Не знаем по весьма основательной причине: все эти вещи украдены.

— Все? Не может быть!

— И не только все эти. Я мог бы дополнить список еще дюжиной предметов, менее ценных, из-за чего мы и решили, что не стоит перегружать ими список.

— Я убежден, что все это похищено у разных лиц. Если бы столь полная и всеобъемлющая коллекция Американы была собрана в одних руках,

я просто не мог бы не знать о ее существовании.

— Вы правы. В одних руках такой коллекции не было и никогда не будет.

— Ми етофо не допустим, — сказала мисс Гарбо.

— Тогда как же все это украли? Откуда?

— Жулики, грабители! — крикнул Хортон, взмахнув бокалом, наполненным бренди с банановым соком. — Десятки воров. Одному такое дело не провернуть. Сорок дерзких ограблений за пятнадцать месяцев! Вздор, не поверю ни за что!

— Указанные в списке ценности, — продолжил де Сика, обращаясь к Муни, — были украдены за период, равный пятнадцати месяцам, из музеев, частных коллекций, а также у агентов и дельцов, занятых перепродажей антиквариата. Все кражи были совершены в районе Голливуд Ист. И если, как вы утверждаете, в подборе проявился вкус одного человека…

— Да, я утверждаю это.

— То, несомненно, мы имеем дело с rara avis — редкостным явлением: ловким преступником и в то же время коллекционером, тонко знающим искусство, или же, что еще опаснее, со знатоком, в котором пробудился вор.

— Ну это совсем не обязательно, — вмешался

Муни. — Для чего ему быть знатоком? Любой самый заурядный агент по торговле антиквариатом и предметами искусства мог бы назвать любому вору цену старинного objets d'art. Такие сведения можно получить даже в библиотеке.

— Я потому назвал его любителем и коллекционером, — пояснил де Сика, — что все украденное им как в воду кануло. Ни одна вещь не была продана ни на одной из четырех орбит нашего мира, невзирая на то, что за любую из них заплатили бы по-королевски. Ergo, мы имеем дело с человеком, который крадет все для собственной коллекции.

— Достатошно, Фитторио, — проворковала мисс Гарбо. — Задафайте следующий фопрос.

— Итак, профессор, мы допустили, что все эти сокровища сосредоточены в одних руках. Только что вы изучили список вещей, уже похищенных. Позвольте же спросить вас как историка, чего в нем не хватает? Какой последний штрих мог бы достойно увенчать эту столь гармоничную коллекцию, придав еще большее совершенство представшей перед вашим мысленным взором прекрасной комнате? Что смогло бы пробудить в преступнике коллекционера?

— Или преступника в коллекционере, — сказал Муни.

Он вновь, прищурившись, скосил глаза на потолок, а трое дельцов затаили дыхание. Наконец он пробормотал:

— Да… да… Конечно. Только так. Она поистине могла бы стать украшением коллекции.

— О чем вы? — крикнул Хортон. — О чем вы там толкуете? Что это за вещь?

— Ночная ваза с цветочным бордюром, — торжественно провозгласил профессор Муни.

Могущественное трио дельцов от искусства с таким изумлением воззрилось на Муни, что профессору пришлось пуститься в объяснения:

— Ночная ваза, именуемая также ночным горшком, представляет собой голубой фаянсовый сосуд неизвестного предназначения, украшенный по краю белыми и золотыми маргаритками. Он был открыт в Нигерии около ста лет тому назад французским гидом-переводчиком. Тот привез его в Грецию, где и хотел продать, но был убит, причем горшок исчез бесследно. Затем его видели у проститутки, которая путешествовала с паспортом гражданки острова Формозы и обменяла горшок на новейшее любовное средство «обольстин», предложенное ей лекарем-шарлатаном из Чивитавеккия.

Лекарь нанял швейцарца, дезертира Ватикан-

ской гвардии, дабы тот охранял его по пути в Квебек, где лекарь рассчитывал продать ночной горшок канадскому урановому магнату, однако до Канады так и не добрался — исчез в пути. А спустя десять лет некий французский акробат с корейским паспортом и швейцарским акцентом продал вазу в Париже. Ее купил девятый герцог Стратфордский за миллион золотых франков, и с тех пор она является достоянием семейства Оливье.

— И вы считаете, — настороженно спросил де Сика, — что именно эта вещь может явиться украшением коллекции нашего знатока искусств?

— Я в этом убежден. Ручаюсь своей репутацией.

— Браво! Тогда все очень просто. Нужно сделать так, чтобы в печать просочились слухи о продаже ночной вазы. Согласно этим слухам вазу приобретает какой-нибудь знаменитый коллекционер, проживающий в Голливуд Ист. Пожалуй, более всего для этой роли подойдет мистер Клифтон Уэбб. Пресса с огромной помпой будет сообщать о том, как ваза пересекла океан и достигла голливудских берегов. Закинув наживку в особняк мистера Уэбба, мы будем только поджидать, когда преступник клюнет на нее и… хлоп! Попался!

— Да, но согласятся ли герцог и мистер Уэбб принять участие в этой игре?

— Еще бы. У них нет другого выхода.

— Нет выхода? Как вас понять?

— Мой милый доктор, в наши дни все сделки производятся только на основе сохранения за дельцом частичного права на проданную им собственность. От пяти до пятидесяти процентов стоимости всех похищенных преступником сокровищ остается за нами, именно поэтому мы так заинтересованы в том, чтобы их возвратить. Вы все поняли теперь?

— Все понял и вижу, что влип в хорошую историю.

— Это так. Но Питер вам заплатил.

— Да.

— Вы поклялись молчать!

— Да, я дал слово.

— Grazie.[8] Тогда, с вашего позволения, у нас еще немало дел.

Де Сика протянул профессору свернутую рулоном веревку, бинокль и тупоносый пистолет, но мисс Гарбо вдруг сказала:

— Стойте.

---

[8] Примечания: 8
Благодарю (итал.).

Де Сика метнул в ее сторону пытливый взгляд.

— Еще что-то, cara mia?[9]

— Фи с Хортоном мошете идти саниматься делами, — проворковала она. — Питер может быть ему и саплатил, но я не саплатила. Остафьте нас наедине.

И кивком головы она указала профессору на шкуру белого медведя.

В особняке Клифтона Уэбба на Скурас Драйв в изысканно обставленной библиотеке инспектор сыска Эдвард Дж. Робинсон представлял своих помощников могущественному трио дельцов от искусства. Сотрудники стояли перед искусно сделанными фальшивыми книжными полками и сами выглядели не менее фальшиво в униформах домашней прислуги.

— Сержант Эдди Брофи, камердинер, — объявил инспектор Робинсон. — Сержант Эдди Альберт, лакей. Сержант Эд Бегли, шеф-повар. Сержант Эдди Майгофф, помощник повара. Детективы Эдгар Кеннеди, шофер, и Эдна Мэй Оливер, горничная.

Сам инспектор Робинсон был одет дворецким.

— А теперь, леди и джентльмены, ловушка целиком и полностью подстроена благодаря бес-

---

[9] Примечания: 9
Моя дорогая (итал.).

ценной помощи возглавляемого Эдди Фишером гримерно-костюмерно-бутафорского отдела, равного которому не существует.

— Поздравляем вас, — сказал де Сика.

— Как вам уже известно, — продолжал инспектор Робинсон, — все уверены в том, что мистер Клифтон Уэбб купил ночную вазу у герцога Стратфордского за два миллиона долларов. Все также отлично знают, что ваза под защитой вооруженной охраны тайно перевезена из Европы в Голливуд Ист и в настоящее время покоится в закрытом сейфе в библиотеке мистера Уэбба.

Инспектор указал на стену, где наборный замок сейфа был искусно вставлен в пупок обнаженной скульптуры Амедео Модильяни (2381–2431) и освещен тонким лучом вмонтированного в стену фонаря.

— А где сейчас мистер Уэбб? — спросила мисс Гарбо.

— Мистер Клифтон Уэбб согласно вашему требованию, передав в наши руки свой роскошный особняк, — ответил Робинсон, — отправился в увеселительную поездку по Карибскому морю вместе с семьей и всеми слугами. Этот факт, как вы знаете, держится в строгом секрете.

— Ну а как же ваза? — возбужденно спросил

Хортон. — Где она?

— Конечно, в сейфе, сэр, где же еще ей быть?

— То есть вы в самом деле привезли ее сюда из дворца Стратфорда? Она действительно здесь? Бог ты мой! Зачем, зачем вам это?

— Нам было необходимо перевезти этот шедевр через океан. Иначе как бы мы добились, чтобы столь строго охраняемая тайна стала известна в Ассошиэйтед пресс, Юнайтед телевижн и агентстве Рейтер? А как бы иначе удалось корреспондентам этих агентств тайком сфотографировать драгоценный сосуд?

— Н-но… но если вазу и вправду похитят… Боже милостивый. Это ужасно!

— Леди и джентльмены, — сказал Робинсон. — Мои помощники и я — лучшая бригада в полиции района Голливуд Ист, возглавляемой достопочтенным Эдмундом Кином — будем неотлучно находиться здесь, номинально выполняя обязанности домашней прислуги, на самом же деле бдительно наблюдая за всем, готовые отразить любой подвох и хитрость, известные в анналах криминалистики. Если что-нибудь и будет взято в этой комнате, то отнюдь не ночная ваза, а Искусник Кид.

— Кто, кто? — спросил де Сика.

— Да ваш искусствовед-ворюга. Мы его так прозвали. Ну а теперь не будете ли вы любезны украдкой удалиться сквозь потайную калитку в глубине сада, с тем чтобы мои помощники и я смогли приступить к исполнению наших домашних псевдообязанностей? У нас есть верные сведения, что Искусник Кид будет брать вазу сегодня ночью.

Могущественное трио удалилось под покровом темноты, а бригада сыщиков занялась хозяйственными делами, дабы ни один прохожий, заглянув из любопытства через забор, не обнаружил в обиталище Клифтона Уэбба ничего необычного.

Инспектор Робинсон торжественно прогуливался взад и вперед по гостиной так, чтобы из окон был виден серебряный поднос в его руках с приклеенным к нему бокалом, хитроумно выкрашенным изнутри в красный цвет, дабы создать иллюзию, что в бокале — кларет.

Сержанты Брофи и Альберт, лакеи, попеременно носили к почтовому ящику письма, с изысканной церемонностью открывая друг другу дверь. Детектив Кеннеди красил гараж. Детектив Эдна Мэй Оливер вывесила для проветривания из окон верхнего этажа постельное белье. А сер-

жант Бегли (шеф-повар) то и дело гонялся по дому за сержантом Майгоффом (помощник повара) с кухонным ножом.

В 23 часа инспектор Робинсон отставил в сторону поднос и смачно зевнул. Сигнал тут же подхватили все сотрудники, и по особняку прокатилось эхо звучных зевков. Инспектор Робинсон, войдя в гостиную, разделся, затем облачился в ночную сорочку и ночной колпак, зажег свечу и погасил во всем доме свет. Он погасил его и в библиотеке, оставив лишь тот маленький скрытый в стене фонарь, который освещал наборный замок сейфа. Затем удалился на верхний этаж. Его помощники, находившиеся в разных частях дома, также переоделись в ночные сорочки и присоединились к шефу. В особняке Уэбба воцарились мрак и тишина.

Минул час, пробило полночь. На улице что-то громко звякнуло.

— Ворота, — шепнул Эд.

— Кто-то входит, — сказал Эд.

— Наверняка Искусник Кид, — добавил Эд.

— А ну потише!

— Верно, шеф.

Под чьими-то подошвами громко захрустел гравий.

— Идет сюда по подъездной аллее, — пробормотал Эд.

Хруст гравия сменился приглушенными звуками.

— Идет через цветник, — сказал Эд.

— Ну и хитер же, — заметил Эд.

Ночной гость на что-то наткнулся, чуть не упал и выругался.

— Угодил ногой в вазон, — сказал Эд.

За окном, то тише, то громче, слышались какие-то глухие звуки.

— Никак не высвободится, — сказал Эд.

Что-то грохнуло и покатилось.

— Ну вот, готово, сбросил, — сказал Эд.

— Этому пальца в рот не клади, — сказал Эд.

Внизу кто-то стал осторожно ощупывать оконное стекло.

— Он у окна библиотеки, — сказал Эд.

— А ты открыл окно?

— Я думал, Эд откроет, шеф.

— Эд, ты открыл окно?

— Нет, шеф, я думал, Эд этим займется.

— Он же так в дом не попадет. Эд, ты бы не мог открыть окошко так, чтобы он не заметил?

Раздался громкий звон стекла.

— Не беспокойтесь — сам открыл. Чисто рабо-

тает. Спец.

Окошко распахнулось. Что-то бормоча, незваный посетитель шумно ввалился в комнату. Он встал, выпрямился. Тонкий слабый луч фонаря осветил гориллоподобный силуэт вновь прибывшего. Некоторое время он неуверенно оглядывался и наконец принялся беспорядочно рыться в ящиках и шкафах.

— Он так сроду не найдет ее, — прошептал Эд. — Говорил же я вам, шеф, фонарь надо вмонтировать прямо под наборным замком сейфа.

— Нет, старый спец не подведет. Ну? Что я говорил? Нашел-таки! Вы все готовы?

— А может, подождем, пока взломает, шеф?

— Зачем это?

— Чтобы взять его с поличным.

— Что вы, господь с вами, сейф гарантирован от взлома. Ну пора, ребята. Все готовы? Давай!

Яркий поток света затопил библиотеку. В ужасе отпрянув от сейфа, ошеломленный вор увидел, что он окружен семью угрюмыми сыщиками, каждый из которых целится из револьвера ему в голову. То обстоятельство, что все они были в ночных сорочках, нимало не уменьшало внушительности зрелища. А сыщики, когда зажегся свет, увидели широкоплечего громилу с тяжелой

челюстью и бычьей шеей. То обстоятельство, что он не полностью стряхнул с ноги содержимое вазона и его правый ботинок украшала пармская фиалка (viola palliola plena), нисколько не смягчило его грозного и зловещего вида.

— Ну-с, Кид, прошу вас, — произнес инспектор Робинсон с утонченной учтивостью, которой восхищались его многочисленные почитатели.

И они с триумфом повлекли злоумышленника в полицию.

Пять минут спустя после того, как удалились сыщики и их пленник, некий господин в накидке непринужденно подошел к парадной двери особняка. Ом нажал звонок. В доме раздались первые восемь тактов равелевского «Болеро», исполняемого на колокольчиках в темпе вальса. Господин, казалось, беззаботно ждал, но его правая рука тем временем как будто невзначай скользнула в прорезной карман, и сразу вслед за тем он начал быстро подбирать кличи к замку парадной двери. Потом господин снова позвонил. И не успела мелодия отзвучать вторично, как нужный ключ был найден.

Господин отпер дверь, чуть приоткрыл ее носком ноги и в высшей степени учтиво заговорил, как будто обращаясь к находившемуся за дверью

невидимке-слуге:

— Добрый вечер. Боюсь, я чуть-чуть опоздал. Все уже спят, или меня все еще ожидают? О, превосходно! Благодарю вас.

Он вошел в дом, тихо притворил за собой дверь, повел вокруг глазами, вглядываясь в темный холл, и усмехнулся.

— Все равно что отнимать у ребятишек сласти, — буркнул он. — Просто совестно.

Он разыскал библиотеку, вошел и включил все освещение. Снял накидку, зажег сигарету, затем заметил бар и налил себе из приглянувшегося ему графинчика. Отхлебнул и чуть не подавился.

— Тьфу! Этой дряни я еще не пробовал, а думал, я уж все их знаю. Что это за чертовня? — Он обмакнул язык в стакан. — Шотландский виски, так… Но с чем он смешан? — Еще раз попробовал. — Господи боже мой, капустный сок!

Он огляделся, сразу увидел сейф и, подойди к нему, осмотрел.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Целых три цифры. Аж двадцать семь возможных комбинаций. Это вещь! Где уж нам такой открыть.

Протянув руку к наборному замку, он глянул вверх, встретился глазами с лучистым взором обнаженной фигуры и смущенно улыбнулся.

— Прошу прощенья, — сказал он и стал подбирать цифры: 1–1–1, 1–1–2, 1–1–3, 1–2–1, 1–2–2, 1–2–3, — и так далее, нажимая каждый раз на ручку сейфа, хитроумно спрятанную в указательном пальце нагой фигуры. Когда он набрал 3–2–1, послышался щелчок, и ручка пошла вниз. Дверца сейфа открылась — у скульптуры разверзлось чрево. Взломщик просунул в сейф руку и вытащил ночной горшок. Он разглядывал его не менее минуты.

Кто-то тихо сказал сзади:

— Замечательная вещь, не так ли?

Взломщик быстро обернулся.

В дверях стояла девушка и, как ни в чем не бывало, смотрела на него. Высокая и тонкая, с каштановыми волосами и темно-синими глазами. На ней был прозрачный белый пеньюар, и ее гладкая кожа блестела в ярком свете многочисленных ламп.

— Добрый вечер, мисс Уэбб… Миссис?..

— Мисс.

Она небрежно протянула ему средний палец левой руки.

— Боюсь, я не заметил, как вы вошли.

— Боюсь, я тоже не заметила вашего прихода.

Она медленно вошла в библиотеку.

— Вы в самом деле считаете, что это замечательная вещь? Вы не разочарованы, правда?

— Ну что вы! Вещь уникальная.

— Как вы думаете, кто ее создатель?

— Этого мы никогда не узнаем.

— Вы полагаете, что он почти не делал копий? Поэтому она так уникальна?

— Бессмысленно строить догадки, мисс Уэбб. Это примерно то же, что определить, сколько красок использовал в картине живописец или сколько звуков композитор употребил в опере.

Она опустилась в кресло.

— Дайте сигарету. Послушайте, вы говорите всерьез? Вы не из вежливости так расхваливаете нашу вазу?

— Как можно! Зажигалку?

— Благодарю.

— Когда мы созерцаем красоту, мы видим Ding an sich — одну лишь «вещь в себе». Не сомневаюсь, мисс Уэбб, что вам это и без меня известно.

— Мне кажется, что ваше восприятие ограничено довольно узкими рамками.

— Узкими? Ничуть. Когда я созерцаю вас, я тоже вижу одну лишь красоту, которая заключена в самой себе. Однако, будучи произведением искусства, вы в то же время не музейный экспонат.

— Я вижу, вы еще специалист и по части лести.

— С вами любой мужчина станет экспертом, мисс Уэбб.

— Что вы намерены сделать после того, как взломали папин сейф?

— Долгие часы любоваться этим шедевром.

— Ну что же, чувствуйте себя как дома.

— Я не осмелюсь. Не такой уж я нахал. Я просто унесу вазу с собой.

— То есть украдете?

— Умоляю вас простить меня.

— А знаете ли вы, что ваш поступок очень жесток?

— Мне очень стыдно.

— Вы, наверное, даже не представляете себе, что этот сосуд значит для папы.

— Прекрасно представляю. Капиталовложение суммой в два миллиона долларов.

— А, вы считаете, что мы торгуем красотой как биржевые маклеры?

— Ну конечно. Этим занимаются все богатые коллекционеры. Приобретают вещи с тем, чтобы их с выгодой перепродать.

— Мой отец не богат.

— Да полно вам, мисс Уэбб. Два миллиона дол-

ларов?

— Он одолжил их.

— Не верю.

— Я вовсе не шучу. — Девушка говорила серьезно и взволнованно, и ее темно-синие глаза сузились. — У папы в самом деле нет денег. Совершенно ничего, только кредит. Вы же, наверно, знаете, как это делается в Голливуде. Ему одалживают деньги под залог ночной вазы. Она вскочила с кресла. — Если вазу украдут, папа погиб… А вместе с ним и я.

— Мисс Уэбб…

— Я заклинаю вас не уносить ее. Как мне вас убедить!

— Не приближайтесь ко мне…

— Господи, да я ведь не вооружена.

— Мисс Уэбб, вы обладаете убийственным оружием и пользуетесь им без всякой жалости.

— Если вы цените в этом шедевре одну красоту, то мы с отцом всегда охотно поделимся с вами. Или вы из тех, что признают только свое, только собственность?

— Увы.

— Ну скажите, зачем вам ее забирать? Оставьте вазу у нас, и вы станете ее пожизненным совладельцем. Приходите к нам когда угодно.

Половина всего нашего имущества, отцовского, и моего, и всей семьи…

— О господи! Ладно, ваша взяла, держите свою проклятущую… — он вдруг осекся.

— Что случилось?

Он пристально смотрел на ее руку.

— Что это у вас такое, около плеча? — спросил он с расстановкой.

— Ничего.

— Что это? — повторил он настойчиво.

— Шрам. Когда я была маленькая, я упала и…

— Никакой это не шрам. Это прививка оспы.

Девушка молчала.

— Это прививка оспы, — в ужасе повторил он. — Таких не делают уже четыре сотни лет. Их больше не делают, давно не делают.

Она смотрела на него во все глаза.

— Откуда вам это известно?

Вместо ответа он закатал свой собственный левый рукав и показал свою прививку.

У девушки округлились глаза.

— Значит, и вы?..

Он кивнул.

— Значит, мы оба оттуда?

— Оттуда?.. Да, и вы и я.

Ошеломленные, они глядели друг на друга.

Потом радостно, неудержимо рассмеялись, не веря своему счастью. Они то обнимались, то награждали друг друга ласковыми тумаками, совсем как туристы из одного городка, неожиданно встретившиеся на вершине Эйфелевой башни. Наконец они немного успокоились и отошли друг от друга.

— Это, наверное, самое фантастическое из всех совпадений в истории, — сказал он.

— Да, конечно. — Ошеломленная, она встряхнула головой. — Я все никак не могу поверить в это. Когда вы родились?

— В тысяча девятьсот пятидесятом. А вы?

— Разве дамам задают подобные вопросы?

— Нет, правда! В котором?

— В тысяча девятьсот пятьдесят четвертом.

— В пятьдесят четвертом? Ого, — он усмехнулся. — Выходит, вам исполнилось пятьсот десять лет.

— Ах вы так? Доверяй после этого мужчинам.

— Значит, вы не дочь Уэбба. Как же вас по-настоящему зовут?

— Вайолет. Вайолет Дуган.

— Как это здорово звучит! Так мило, просто и нормально.

— А как ваше имя?

— Сэм Бауэр.

— Еще милей и еще проще. Ну?

— Что «ну»? Привет, Вайолет.

— Рада нашему знакомству, Сэм.

— Да, весьма приятное знакомство.

— Мне тоже так кажется.

— В семьдесят пятом я работал на компьютере при осуществлении денверского проекта, — сказал Бауэр, отхлебывая имбирный джин — самый удобоваримый из напитков, содержавшихся в баре Уэбба.

— В семьдесят пятом! — воскликнула Вайолет. — Это когда был взрыв?

— Уж кому бы знать об этом взрыве, как не мне. Наши купили новый баллистический 1709, а меня послали инструктировать военный персонал. Я помню ночь, когда случился взрыв. Во всяком случае, как я смекаю, это и был тот самый взрыв. Но его я не помню. Помню, что показывал, как программировать какие-то алгоритмы, и вдруг…

— Ну! Ну!

— И вдруг как будто кто-то выключил весь свет. Очнулся я уже в больнице в Филадельфии — в Санта-Моника Ист, как ее называют сейчас, и узнал, что меня зашвырнуло на пять столетий в будущее. Меня подобрали голого, полуживого,

а откуда это я вдруг сверзился и кто такой — не знала ни одна душа.

— Вы не сказали им, кто вы на самом деле?

— Мне бы не поверили. Они подлатали меня и вытолкнули вон, и мне порядочно пришлось вертеться, прежде чем я нашел работу.

— Снова управление компьютером?

— Ну нет. Слишком жирно за те гроши, которые они за это платят. Я работаю на одного из крупнейших букмекеров Иста. Определяю шансы выигрышей. А теперь расскажите, что случилось с вами.

— Да фактически то же, что с вами. Меня послали на мыс Кеннеди сделать серию иллюстраций для журнала в связи с первой высадкой людей на Марсе. Я ведь художница…

— Первая высадка на Марсе? Постойте-ка, ее ведь вроде намечали на 76-й год. Неужели промазали?

— Наверно, да. Но в книгах по истории об этом очень мало говорится.

— Они смутно представляют себе наш век. Война, должно быть, уничтожила все чуть ли не дотла.

— Во всяком случае, я помню лишь, что я сидела на контрольном пункте и делала рисунки, а

когда начался обратный счет, я подбирала цвета, и вдруг... ну, словом, точно так, как вы сказали: кто-то выключил весь свет.

— Ну и ну! Первый атомный запуск — и все к чертям.

— Я, как и вы, очнулась в больнице, в Бостоне — они называют его Бэрбанк Норт. Выписалась и поступила на службу.

— По специальности?

— Да, почти что. Подделываю антикварные вещи. Я работаю на одного из крупнейших дельцов от искусства в стране.

— Вот оно, значит, как, Вайолет?

— Выходит, что так, Сэм. А как вы думаете, каким образом это с нами случилось?

— Не имею ни малейшего понятия, хотя могу сказать, что я ничуть не удивляюсь. Когда люди выкомаривают такие штуки с атомной энергией, накопив ее такой запас, может произойти все, что угодно. Как вы считаете, есть тут еще другие, кроме нас?

— Заброшенные в будущее?

— Угу.

— Не знаю. Вы первый, с кем я встретилась.

— Если бы мне раньше пришло в голову, что кто-то есть, я бы их искал. Ах, бог мой, Вайолет,

как я тоскую по двадцатому веку.

— И я.

— У них тут все какая-то глупая пародия. Все второсортное, — сказал Бауэр. — Штампы, одни лишь голливудские штампы. Имена. Дома. Манера разговаривать. Все их ухватки. Кажется, все эти люди выскочили из какого-то тошнотворного кинобоевика.

— Да, так оно и есть. А вы разве не знаете?

— Я ничего не знаю. Расскажите мне.

— Я это прочитала в книгах по истории. Насколько я могла понять, когда окончилась война, погибло почти все. И когда люди принялись создавать новую цивилизацию, для образца им остался только Голливуд. Война его почти не тронула.

— А почему?

— Наверное, просто пожалели бомбу.

— Кто же с кем воевал?

— Не знаю. В книгах по истории одни названы «Славные Ребята», другие — «Скверные Парни».

— Совершенно в теперешнем духе. Бог ты мой, Вайолет, они ведут себя как дети, как дефективные дети. Или нет: скорей будто статисты из скверного фильма. И что убийственней всего — они счастливы. Живут какой-то синтетической

жизнью из спектакля Сесила Б. де Милля и радуются — идиоты! Вы видели похороны президента Спенсера Трэйси? Они несли покойника в сфинксе, сделанном в натуральную величину.

— Это что! А вы присутствовали на бракосочетании принцессы Джоан?

— Джоан Фонтейн?

— Нет, Кроуфорд. Брачная ночь под наркозом.

— Вы смеетесь.

— Вовсе нет. Она и принц-консорт сочетались священными узами брака с помощью хирурга.

Бауэр зябко поежился.

— Добрый, старый Лос-Анджелес Великий. Вы хоть раз бывали на футбольном матче?

— Нет.

— Они ведь не играют. Просто два часа развлекаются, гоняя мяч по полю.

— А эти оркестры, что ходят по улицам. Музыкантов нет, только палочками размахивают.

— А воздух кондиционируют, где бог на душу положит: даже на улице.

— И на каждом дереве громкоговоритель.

— Натыкали бассейнов на каждом перекрестке.

— А на каждой крыше — прожектор.

— В ресторанах — сплошные продовольствен-

ные склады.

— А для автографов у них автоматы.

— И для врачебных диагнозов тоже. Они их называют медико-автомат.

— Изукрасили тротуары отпечатками рук и ног.

— И в этот ад идиотизма нас занесло, — угрюмо сказал Бауэр. — Попались в ловушку. Кстати, о ловушках, не пора ли нам отчаливать из этого особняка? Где сейчас мистер Уэбб?

— Путешествует с семьей на яхте. Они не скоро возвратятся. А где полиция?

— Я им подсунул одного дурака. Они тоже с ним не сразу разберутся. Хотите еще выпить?

— Отчего бы нет? Благодарю. — Вайолет с любопытством взглянула на Бауэра. — Скажите, Сэм, вы воруете, потому что ненавидите все здешнее? Назло им?

— Вовсе нет. Соскучился, тоска по нашим временам. Вот попробуйте-ка эту штуку, кажется, ром и ревень. На Лонг-Айленде — по-нашему Каталина Ист — у меня есть домик, который я пытаюсь обставить под двадцатый век. Ясное дело, приходится воровать. Я провожу там уик-энды, Вайолет, и это счастье. Только там мне хорошо.

— Я понимаю вас.

— Ах понимаете! Тогда скажите, кстати, какого дьявола вы околачивались здесь, изображая дочь Уэбба?

— Тоже охотилась за ночной вазой.

— Вы хотели ее украсть?

— Ну конечно. Я просто ужас как удивилась, обнаружив, что кто-то успел меня обойти.

— Значит, история о бедной дочке неимущего миллионера была рассказана всего лишь для того, чтобы выцыганить у меня посудину?

— Ну да. И между прочим, ход удался.

— Это верно. А чего ради вы стараетесь?

— С иными целями, чем вы. Мне хочется самой открыть свой бизнес.

— Будете изготовлять подделки?

— Изготовлять и продавать. Пока я еще комплектую фонд, но, к сожалению, я далеко не такая везучая, как вы.

— Так это, верно, вы украли позолоченный трельяж?

— Я.

— А медную лампу для чтения о удлинителем?

— Тоже я.

— Очень прискорбно. Я за ними так гонялся. Ну а вышитое кресло с бахромой?

Девушка кивнула.

— Опять же я. Чуть спину себе не сломала.

— Попросила бы кого-нибудь помочь.

— Кому можно довериться? А разве вы работаете не в одиночку?

— Да, я тоже так работаю, — задумчиво произнес Бауэр. — То есть работал до сих пор. Но сейчас, по-моему, работать в одиночку уже незачем. Вайолет, мы были конкурентами, сами не зная о том. Сейчас мы встретились, и я вам предлагаю завести совместное хозяйство.

— О каком хозяйстве идет речь?

— Мы будем вместе работать, вместе обставим мой домик и создадим волшебный заповедник. В то же время мы можете сколько угодно комплектовать свои фонды. И если вы захотите загнать какой-нибудь мой стул, то я не буду возражать. Мы всегда сумеем стащить другой.

— Иными словами, вы предлагаете мне вместе с вами пользоваться вашим домом?

— Да.

— Могли бы мы осуществлять наши права поочередно?

— То есть как это поочередно?

— Один уик-энд — я, а, скажем, следующий — вы.

— Для чего?

— Вы сами понимаете.

— Я не понимаю. Объясните мне.

— Ладно, будет вам.

— Нет, правда, объясните.

Девушка вспыхнула.

— Вы что, совсем дурак? Еще спрашиваете почему. Похожа я на девушку, которая проводит уик-энд с мужчинами?

Бауэр остолбенел.

— Да уверяю вас, мне и в голову ничто подобное не приходило. Кстати, в доме две спальни. Вам совершенно ничего не грозит. Мы начнем с того, что стянем цилиндрический замок для вашей двери.

— Нет, это исключено, — ответила она. — Я знаю мужчин.

— Даю вам слово, что у нас будут чисто дружеские отношения. Мы соблюдем этикет вплоть до мельчайших тонкостей.

— Я знаю мужчин, — повторила она непреклонно.

— Нет, это уже какая-то заумь, — возмутился Бауэр. — Подумать только: в голливудском кошмарном сне мы встретили друг друга — двое отщепенцев; нашли опору, утешение, и вдруг вы заводите какую-то бодягу на моральные темы.

— А можете вы, положа руку на сердце, пообещать никогда не лезть за утешением ко мне в постель? — сердито бросила она. — Ну отвечайте, можете?

— Нет, не могу, — ответил он чистосердечно. — Сказать такое — значит отрицать, что вы дьявольски привлекательная девушка. Зато я…

— Если так, то разговор окончен. Разумеется, вы можете мне сделать официальное предложение; но я не обещаю, что приму его.

— Нет уж, — отрезал Бауэр. — До этого я не дойду, мисс Вайолет. Это уж пойдут типичные лос-анджелесские штучки. Каждая пара, которой взбредет в голову переспать ночь, отправляется к ближайшему регистроавтомату, сует туда двадцать пять центов и считается обрученной. Наутро они бегут к ближайшему разводоавтомату — и снова холостые, и совесть их чиста как стеклышко. Ханжи! Стоит только вспомнить всех девиц, которые меня протащили через это унижение: Джейн Рассел, Джейн Пауэл, Джейн Мэнсфилд, Джейн Уизерс, Джейн Фонда, Джейн Тарзан… Б-р-р-р, господи, прости!

— О! Так вот вы какой! — Вайолет Дуган в негодовании вскочила на ноги. — Толкуете мне, как ему все здесь опротивело, а сам насквозь оголь-

ливудился.

— Женская логика, — раздраженно произнес Бауэр. — Я сказал, что мне не хочется поступать в лос-анджелесских традициях, и она тут же обвиняет меня в том, что я оголливудился. Спорь после этого с женщиной!

— Не давите на меня вашим хваленым мужским превосходством, — вскипела Вайолет. — Вас послушать, сразу кажется, что я вернулась к старым временам, и просто тошно делается.

— Вайолет… Вайолет… Ну зачем нам враждовать? Наоборот. Нам следует держаться друг друга. Хотите, пусть будет по-вашему. Какие-то двадцать пять центов, о чем тут говорить? А замок мы тоже врежем. Ну что, согласны?

— Вот это тип! Двадцать пять центов — и весь разговор! Вы мне противны.

Взяв в руки ночную посудину, Вайолет повернулась к дверям.

— Одну минутку, — сказал Сэм. — Куда это вы направляетесь?

— К себе домой.

— Стало быть, договор не заключен?

— Нет.

— И мы о вами не сотрудничаем ни на каких условиях?

— Ни на каких. Убирайтесь и ищите утешения у одной из ваших шлюх! Доброй ночи.

— Вы меня так не оставите, Вайолет.

— Я ухожу, мистер Бауэр.

— Уходите, но без посудины.

— Она моя.

— Я ее украл.

— А я ее у вас выманила.

— Поставьте вазу, Вайолет.

— Вы сами дали ее мне, уже забыли?

— Говорю вам, поставьте посудину.

— И не подумаю. Не подходите ко мне!

— Вы знаете мужчин. Помните, вы говорили. Но вы знаете о нас не все. Будьте умницей и поставьте горшок или вам придется еще кое-что узнать насчет хваленого мужского превосходства. Вайолет, я вас предупредил… Ну получай, голубка.

Сквозь густой слой табачного дыма в кабинет инспектора Эдварда Дж. Робинсона проникли бледно-голубые лучи: занимался рассвет. Группа сыщиков, известная в полиции как «Пробивной отряд», зловещим кольцом окружала развалившуюся в кресле гориллоподобную фигуру. Инспектор Робинсон устало произнес:

— Ну повторите еще раз вашу историю.

Злоумышленник поерзал в кресле и попробо-

вал поднять голову.

— Меня зовут Уильям Бендикс, — промямлил он. — Мне сорок лет. Я мастер-верхотурщик строительной фирмы Гручо, Чико, Харпо и Маркс, Голдуин Террас, 12203.

— Что такое верхотурщик?

— Специалист по верхотуре — это такой специалист, который, если фирме нужно выстроить здание обувного магазина в форме ботинка, завязывает над крышей шнурки; а если строят коктейль-холл, втыкает в крышу соломинку, а если…

— Какую работу вы выполняли в последний раз?

— Участвовал в строительстве Института Памяти, Бульвар Луи Б.Мэйера, 30449.

— Что вы там делали?

— Вставлял вены в мозги.

— У вас были приводы?

— Нет, сэр.

— Что вы замышляли, проникнув сегодня около полуночи в резиденцию мистера Клифтона Уэбба?

— Как я уже рассказывал, я угощался коктейлем «Водка и шпинат» в питейном заведении «Стародавний Модерн», когда их строили, я им

выкладывал пену на крыше, а этот тип подошел ко мне и начал разговор. Рассказал, что какой-то богатый чудак купил и только что привез сюда эту штуковину, какое-то сокровище искусства. Говорит, что сам он коллекционер, но такое вот сокровище купить не может, а тот богач такой жадюга, что даже не дает на него поглядеть. А потом он предложил мне сто долларов, чтобы я помог ему взглянуть на эту штуку.

— То есть предложил вам украсть ее?

— Да нет, сэр, он хотел на нее только поглядеть. Он сказал, что мне, мол, нужно только поднести ее к окну, он взглянет на нее и отвалит мне сто долларов.

— А сколько денег он предлагал вам за то, чтобы вы вынесли вазу из дома?

— Да говорю вам, сэр, он хотел только поглядеть. Потом — мы так уговорились — я запихнул бы ее обратно, и все дела.

— Опишите этого человека.

— Ему, наверно, лет тридцать будет. Одет хорошо. Разговор малость чудной, вроде как у иностранца, и все время хохочет, все ему что-то смешно. Роста примерно среднего или маленько повыше. Глаза темные. Волос тоже темный, густой и лежит этак волнами; такой бы хорошо

гляделся на крыше парикмахерской.

Кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь. В кабинет влетела детектив Эдна Май Оливер явно в растрепанных чувствах.

— Ну?! — рявкнул инспектор Робинсон.

— Его версия подтверждается, шеф, — доложила детектив Оливер. — Его видели в коктейльном заведении «Стародавний Модерн»…

— Стоп, стоп, стоп. Он говорит, что ходил в питейное заведение «Стародавний Модерн».

— Шеф, это одно и то же. Они просто сменили вывеску, чтобы с помпой открыть его заново.

— А кто укладывал на крыше вишни? — заинтересовался Бендикс.

Никто и не подумал ему ответить.

— В заведении видели, как задержанный разговаривал с таинственным мужчиной, которого он нам описал, — продолжила детектив Оливер. — Они вышли вместе.

— Этот мужчина был Искусник Кид.

— Так точно, шеф.

— Кто-нибудь может опознать его?

— Нет, шеф.

— У-у, черт! Черт! Черт! — Инспектор в ярости дубасил кулаком по столу. — Чует мое сердце, что Кид обвел нас вокруг пальца.

— Но каким образом, шеф?

— Неужели непонятно, Эд? Кид мог проведать о нашей ловушке.

— Ну и что же?

— Думайте, Эд. Думайте! Может быть, не кто иной, как он, сообщил нам, что в преступном мире ходят слухи о готовящемся этой ночью налете.

— Вы хотите сказать, он настучал сам на себя?

— Вот именно.

— Но для чего ему это?

— Чтобы заставить нас арестовать не того человека. Это сущий дьявол. Я же вам говорил.

— Но зачем он все это затеял, шеф? Вы ведь разгадали его плутни.

— Верно, Эд. Но Кид, возможно, изобрел какой-то новый, еще более заковыристый ход. Только вот какой? Какой?

Инспектор Робинсон встал и беспокойно зашагал по кабинету. Его мощный изощренный ум усиленно пытался проникнуть в сложные замыслы Искусника Кида.

— А как быть мне? — вдруг спросил Бендикс.

— Ну вы-то можете преспокойно отправляться восвояси, любезный, — устало сказал Робинсон. — В грандиозной игре вы были только

жалкой пешкой.

— Да нет, я спрашиваю, как мне закруглиться с этим делом. Тот малый-то, пожалуй, до сих пор ждет под окном.

— Как вы сказали? Под окном?! — воскликнул Робинсон. — Значит, он стоял там, под окном, когда мы захватили вас?

— Стоял небось!

— Я понял! Наконец-то понял! — вскричал Робинсон. — Ну вот теперь мне ясно все!

— Что вам ясно, шеф?

— Вдумайтесь, Эд, представьте себе всю картину в целом, Искусник Кид стоит тихонько под окном и собственными глазами видит, как увозим из дому этого остолопа. Мы отбываем, и тогда Искусник Кид входит в пустой дом…

— Вы хотите сказать…

— Может быть, в эту самую секунду он взламывает сейф.

— Ух ты!

— Эд, спешно вызвать оперативную группу и группу блокирования.

— Слушаюсь, шеф.

— Эд, блокировать все выходы из дома.

— Сделаем, шеф.

— Эд, и ты, Эд, будете сопровождать меня.

— Куда сопровождать, шеф?

— К особняку Уэбба.

— Вы рехнулись, шеф!

— Другого пути нет. Этот городишко слишком мал для нас двоих: или Искусник Кид, или я.

Все газеты кричали о том, как «Пробивной отряд» разгадал инфернальные планы Искусника Кида и прибыл в волшебный особняк мистера Клифтона Уэбба всего лишь через несколько секунд после того, как сам Кид отбыл с ночной вазой. О том, как на полу библиотеки обнаружили лежавшую без сознания девушку, о том, как выяснилось, что она — отважная Одри Хэпберн, верная помощница загадочной Греты Гарбо — Змеиный глаз, владелицы обширной сети игорных домов и притонов. О том, как Одри, заподозрив что-то неладное, решила сама все разведать. И о том, как коварный взломщик сперва затеял с девушкой зловещую игру — нечто вроде игры в кошки-мышки — а затем, выждав удобный момент, свалил ее на пол безжалостным зверским ударом.

Давая интервью газетным синдикатам, мисс Хэпберн сказала:

— Просто женская интуиция. Я заподозрила что-то неладное и решила сама все разведать.

Коварный взломщик затеял со мной зловещую игру — нечто вроде игры в кошки-мышки, а затем, выждав удобный момент, свалил меня на пол безжалостным зверским ударом.

Одри получила семнадцать предложений вступить в брак через посредство регистроавтомата, три предложения сняться для пробы в кинофильмах, двадцать пять долларов из общинных фондов округа Голливуд Ист, премию Даррила Ф.Занука «За человеческий интерес» и строгий выговор от шефессы.

— Фам непременно нато было допавить, што он фас иснасилофал, Одри, — сказала ей мисс Гарбо. — Это притало бы фашей истории осопый колорит.

— Прошу прощения, мисс Гарбо. В следующий раз я постараюсь ничего не опустить. Кстати, он делал мне непристойные предложения.

Разговор происходил в секретном ателье мисс Гарбо, где совещалось могущественное трио дельцов от искусства, а тем временем Вайолет Дуган (она же Одри Хэпберн) подделывала бюллетень сельскохозяйственного банка за 1943 год.

— Cara mia,[10] — обратился к Вайолет де Си-

---

[10] Примечания: 10
Дорогая моя (итал.).

ка, — вы могли бы описать нам этого негодяя подробно?

— Я рассказала вам все, что запомнила, мистер де Сика. Да, вот еще одна деталь, может быть, она вам поможет: он сказал, что работает на одного из крупнейших букмекеров Иста, определяет шансы выигрышей.

— Mah![11] Таких субъектов сотни. Это нам нисколько не поможет. А он намекнул вам, как его зовут?

— Нет, сэр. Во всяком случае, свое теперешнее имя он не упомянул.

— Теперешнее имя? Как это понять?

— Я… я говорю про его настоящее имя. Ведь не всегда же его называют Искусник Кид.

— Ага, понятно. А где он живет?

— Говорит, где-то в районе Каталина Ист.

— Каталина Ист — это сто сорок квадратных миль, битком набитых жилыми домами, — с раздражением вмешался Хортон.

— Я тут ни при чем, мистер Хортон.

— Одри, — строго произнесла мисс Гарбо, — отлошите ф сторону фаш бюллетень и посмотрите на меня.

---

[11] Примечания: 11
Увы! (итал.).

— Да, мисс Гарбо.

— Фы флюбились ф этого шеловека. Ф фаших глазах он романтичная фигура, и фам не хочется, штоп он попал под сут. Это так?

— Вовсе нет, мисс Гарбо! — пылко возразила Вайолет. — Больше всего на свете я хочу, чтобы его арестовали. — Она потрогала пальцами свой подбородок. — Влюбилась? Да я ненавижу его!

— Итак, — со вздохом резюмировал де Сика, — мы потерпели неудачу. Короче говоря, если мы не сумеем вернуть ночную вазу его светлости, мы будем вынуждены уплатить ему два миллиона долларов.

— Я убежден, — яростно выкрикнул Хортон, — что полицейские его нипочем не найдут! Этакие олухи. Их можно сравнить по дурости разве что с нашей троицей.

— Ну что ж, тогда придется нанять частного соглядатая. При наших связях в преступном мире мы без особого труда сможем найти подходящего человека. Есть какие-нибудь предложения?

— Неро Вульф, — произнесла мисс Гарбо.

— Великолепно, cara mia. Этот человек настоящей эрудиции и культуры.

— Майк Хэммер, — сказал Хортон.

— Примем и сведению и эту кандидатуру. Что

вы скажете о Перри Мейсоне?

— Этот подонок слишком честен, — отрезал Хортон.

— Тогда вычеркнем подонка из списка кандидатов. Есть еще предложения?

— Миссис Норт, — сказала Вайолет.

— Кто, дорогая? Ах да, Памела Норт, леди-детектив. Нет, я бы сказал, нет. По-моему, это не женское дело.

— Но почему, мистер де Сика?

— А потому, ангел мой, что слабому полу опасно сталкиваться с некоторыми видами насилия.

— Я этого не думаю, — сказала Вайолет. — Мы, женщины, умеем постоять за себя.

— Она прафа, — томно проворковала мисс Гарбо.

— А по-моему, нет, Грета. И вчерашний эпизод это подтверждает.

— Он мне нанес безжалостный, зверский удар, только когда я отвернулась, — поспешила вставить Вайолет.

— А чем вам плох Майкл Хэммер? — брюзгливо спросил Хортон. — Он всегда достигает результатов и нещепетилен в средствах.

— Так нещепетилен, что мы можем получить одни осколочки от вазы с цветочным бордюром.

— Боже мой! Я об этом не подумал. Ну хорошо, я согласен на Вульфа.

— Миссис Норт, — произнесла мисс Гарбо.

— Вы в меньшинстве, cara mia. Итак, решено, — Неро Вульф. Bene. Я полагаю, Хортон, что мы с ним побеседуем без Греты. Он настолько antipatico[12] к женщинам, что это вошло в поговорку. Милые дамы, arrivederci.[13]

После того как двое из могущественного трио удалились, Вайолет повернулась к мисс Гарбо.

— «Слабый пол»…. У-у… шовинисты, — прошипела она, яростно сверкнув глазами. — Неужели мы будем терпеть это неравноправие полов?

— А што мы можем стелать, Одри?

— Мисс Гарбо, разрешите мне самой выследить этого человека.

— Фы гофорите фсерьез?

— Конечно.

— Но как фы можете его выследить?

— Наверно, у него есть какая-нибудь женщина.

— Естестфенно.

---

[12] Примечания: 12
Здесь: плохо относится (итал.).

[13] Примечания: 13
До свидания (итал.).

— Cherchez la femme.[14]

— Вы просто молотец!

— Он упоминал при мне некоторые имена и фамилии, и если я найду ее, то найду и его. Вы мне даете отпуск, мисс Гарбо?

— Опрафляйтесь, Одри. И прифетите его шифым.

Старая леди в уэльской шляпке, белом фартуке, шестиугольных очках и с объемистым вязанием, из которого торчали спицы, споткнулась о макет, изображавший лестницу площади Испании. Лестница вела в королевскую Оружейную палату. Палата была выстроена в форме императорской короны и увенчана пятидесятифутовой имитацией бриллианта «Надежда».

— Чертовы босоножки, — буркнула Вайолет Дуган. — Ну и каблучки!

Войдя в палату, Вайолет поднялась на десятый этаж и позвонила в звонок, по обе стороны от которого располагались лев и единорог, попеременно разевающие пасти: лев рычал, единорог орал по-ослиному. Дверь стала затуманиваться, затем туман рассеялся. На пороге стояла Алиса из Страны Чудес с огромными невинными глазами.

---

[14] Примечания: 14
Ищите женщину (франц.).

— Лу? — спросила она пылко. И тотчас увяла.

— Доброе утро, мисс Пауэл, — сказала Вайолет, заглядывая в квартиру через плечо Алисы и внимательно обшаривая взглядом коридор. — Я из службы «Клевета инкорпорейтед». Вам не кажется, что сплетни проходят мимо вас? Не остаетесь ли вы в неведении по поводу самых пикантных скандалов? Наш штат, составленный из высококвалифицированных сплетников, гарантирует распространение молвы в течение пяти минут после события; сплетни унизительные; сплетни возмутительные; сплетни, чернящие репутацию или набрасывающие на нее тень; клевета несусветная и клевета правдоподобная…

— Вздор, — сказала мисс Пауэл, и дверь стала непроницаемой.

Маркиза Помпадур в парчовых фижмах, с кружевным корсажем и в высоком пудреном парике, вошла в зарешеченный портик «Приюта птичек» — частного особнячка, построенного в форме птичьей клетки. Из позолоченного купола на нее обрушилась какофония птичьих голосов. Мадам Помпадур дунула в свисток, вделанный в дверь, которая имела форму часов с кукушкой. На птичий посвист звонка отворилась маленькая заслонка над циферблатом, с бодрым «ку-ку» от-

туда выглянул глазок телевизора и внимательно оглядел гостью.

Вайолет присела в глубоком реверансе.

— Могу я лицезреть хозяйку дома?

Дверь отворилась. На пороге стоял Питер Пэн в ярко-зеленом костюме. Костюм был прозрачный, и посетительница сразу узнала, что перед ней сама хозяйка дома.

— Добрый день, мисс Уизерс. Я к вам от фирмы «Эвон». Игнац Эвон, парикмахер, изобретатель возможных шиньонов, париков, украшений из волос, кудрей и локонов, всегда к услугам тех, кто следует законам моды или желает устроить розыгрыш…

— Сгинь! — сказала мисс Уизерс.

Дверь захлопнулась. Маркиза де Помпадур послушно сгинула.

Художница в берете и в вельветовой куртке с палитрой и мольбертом поднялась на пятнадцатый этаж Пирамиды. У самой вершины возвышались шесть египетских колонн, за которыми была массивная базальтовая дверь. Когда художница швырнула милостыню в каменную чашку для нищих, дверь распахнулась, обнаружив мрачную гробницу, на пороге которой стояло нечто вроде Клеопатры в одеянии критской боги-

ни змей и для антуража окруженное змеями.

— Доброе утро, мисс Рассел. Фирма «Тиффани» демонстрирует последний вопль моды, накожные драгоценности Тиффани. Татуировка наносится очень рельефно. Являясь источником излучения цветовой гаммы, включающей имитацию бриллиантов чистейшей воды, накожные драгоценности Тиффани остаются безвредными для здоровья в течение месяца.

— Чушь, — сказала мисс Рассел.

Дверь медленно затворилась под звуки заключительных аккордов из «Аиды», которым тихо вторили стенания хора.

Школьная учительница в строгом костюме, с гладко зачесанными и собранными в тугой узел волосами, в очках с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались неестественно большими, прошествовала со стопкой учебников по подвесному мосту феодального замка. Поднявшись винтовым лифтом на двенадцатый этаж, она перепрыгнула через неширокий ров и обнаружила дверной молоток в форме рыцарской железной рукавицы. Миниатюрные решетчатые ворота со скрежетом втянулись наверх, и на пороге показалась Златовласка.

— Луи? — спросила она, радостно смеясь. И

тотчас увяла.

— Добрый вечер, мисс Мэнсфилд. Фирма «Чтение вслух» предлагает новый вид сугубо специализированного индивидуального обслуживания. Вместо того чтобы терпеть монотонное чтение роботов, вы сможете слушать отлично поставленные голоса, способные придать каждому слову неповторимую окраску, и эти голоса будут читать для вас, только для вас, и комиксы, и чистосердечные исповеди знаменитостей, и киножурналы за пять долларов в час; детективы, вестерны, светскую хронику…

Решетчатые воротца со скрежетом опустились вниз.

— Сперва Лу, потом Луи, — пробормотала Вайолет. — Интересно…

Небольшую пагоду обрамлял пейзаж, точная копия трафаретных китайских рисунков на фарфоре, даже с фигурами трех сидящих на мосту кули. Кинозвездочка в черных очках и белом свитере, туго обтягивающем ее пышный бюст, проходя по мосту, потрепала их по головам.

— Поосторожней детка, щекотно, — сказал один из них.

— Бога ради, простите, я думала, вы чучела.

— Чучела мы и есть за пятьдесят центов в час,

но такая уж у нас работа.

В портике пагоды появилась мадам Баттерфляй, склоняясь в поклоне, как заправская гейша. Цельность облика этой особы несколько нарушал черный пластырь под левым глазом.

— Доброе утро, мисс Фонда. Фирма «Предел лишь небеса» предлагает вам потрясающий новый способ упышнения бюста. Натираясь препаратом «Груди-Джи», антигравитационным порошком телесного цвета, вы сразу же достигните поразительных результатов. Мы предоставляем вам на выбор три оттенка: для блондинок, шатенок, брюнеток; и три вида упышненных форм: грейпфрутовая, арбузовидная и…

— Я не собираюсь взлетать на воздух, — мрачно сказала мисс Фонда. — Брысь!

— Извините, что побеспокоила вас, — Вайолет замялась. — Вам не кажется, мисс Фонда, что пластырь у вас под глазом не совсем в стиле…

— Он у меня не для стиля, дорогуша. Этот Журден просто мерзавец и больше никто.

— Журден, — тихо повторила Вайолет, удаляясь по мосту. — Выходит, Луи Журден. Так или не так?

Аквалангист в черном резиновом костюме и полном снаряжении, включая маску, кислород-

ный баллон и гарпун, прошел тропою джунглей, вспугивая шимпанзе и направляясь к Земляничной горе. Вдали протрубил слон. Аквалангист ударил в бронзовый гонг, свисающий с кокосовой пальмы, и на звон гонга отозвался бой барабанов. Семифутовый ватуси встретил и проводил посетителя к стоявшей в зарослях хижине, где его ждала особа негроидного типа, которая дрыгала ногами в стофутовой искусственной реке Конго.

— Это Луи Бвана?[15] — крикнула она. И тотчас увяла.

— Доброе утро, мисс Тарзан, — сказала Вайолет. — Фирма «Выкачивай», недавно отметившая свое пятидесятилетие, берется обеспечить вам купанье в стерильно чистой воде независимо от того, будет ли идти речь об олимпийском водоеме или старомодном пруде. Система патентованных очистительных насосов позволяет фирме «Выкачивай» выкачивать грязь, песок, ил, алкоголь, сор, помои…

Вновь ударил бронзовый гонг, и на звон гонга снова отозвался бой барабанов.

— О! На этот раз, наверное, Луи! — вскричала мисс Тарзан. — Я знала, что он сдержит слово.

---

[15] Примечания: 15
Искаженное «господин».

Мисс Тарзан побежала к парадным дверям. Мисс Дуган спрятала лицо за водолазной маской и нырнула в Конго. Она вынырнула на поверхность у противоположного берега среди зарослей бамбука, неподалеку от весьма реалистического на вид аллигатора. Ткнув его в голову рукой, она убедилась, что это чучело. Затем Вайолет быстро обернулась и успела разглядеть Сэма Бауэра, который не спеша прошел в пальмовый сад под ручку с Джейн Тарзан.

Запрятавшись в телефонную будку, имевшую форму телефона и расположенную через дорогу от Земляничной горы, Вайолет Дуган горячо пререкалась с мисс Гарбо.

— Фам не следовало фысывать полицию, Одри.

— Нет, следовало, мисс Гарбо.

— Инспектор Робинсон шурует ф доме уже десять минут. Он опять натфорит глупостей.

— Я на это и рассчитываю, мисс Гарбо.

— Сначит, я была прафа. Фы не хотите, штопы этот Луи Тшурден был арестофан.

— Нет, хочу, мисс Гарбо. Очень хочу. Только позвольте вам все объяснить.

— Он уфлек фаше фоображение сфоими непристойными предлошениями.

— Да прошу вас, выслушайте вы меня, мисс

Гарбо. Для нас ведь самое важное не схватить его, а узнать, где он запрятал краденое. Разве не так?

— Отгофорки! Отгофорки!

— Если его арестуют сейчас, мы никогда не узнаем, где ваза.

— Што ше фы предлагаете?

— Я предлагаю сделать так, чтобы он сам привел нас туда, где прячет вазу.

— Как фы этого допьетесь?

— Используя его же оружие. Помните, как он подсунул полицейским подставное лицо?

— Этого турня Пендикса?

— На этот раз в роли Бендикса выступил инспектор Робинсон. Ой, постойте! Там что-то случилось.

На Земляничной горе началось сущее столпотворение. Шимпанзе с визгом перепархивали с ветки на ветку. Появились ватуси, они неслись во весь дух, преследуемые инспектором Робинсоном. Затрубил слон. Огромный аллигатор быстро вполз в густую траву. Затем промчалась Джейн Тарзан, ее преследовал инспектор Робинсон. Барабаны гудели вовсю.

— Я могла бы поклясться, что этот аллигатор — чучело, — пробормотала Вайолет.

— О шем фы, Одри?

— Да о крокодиле… Так и есть! Извините, мисс Гарбо. Я побежала.

Крокодил встал на задние лапы и неторопливо шел по Земляничному проезду. Вайолет вышла из будки и небрежной ленивой походкой пошла вслед за ним. Прогуливающийся по улице аллигатор и неторопливо следующий за ним аквалангист не вызывали особого интереса у прохожих Голливуд Ист.

Аллигатор оглянулся через плечо и наконец заметил аквалангиста. Он пошел быстрее. Аквалангист тоже ускорил шаг. Аллигатор побежал. Аквалангист побежал за ним следом, но немного отстал. Тогда он подключил кислородный баллон, и расстояние начало сокращаться. Аллигатор с разбегу ухватился за ремень подвесной дороги. Болтающегося на канате, его повлекло на восток. Аквалангист подозвал проезжавшего мимо робота-рикшу.

— Следовать за этим аллигатором! — крикнула Вайолет в слуховое приспособление робота.

В зоопарке аллигатор выпустил из рук ремень и скрылся в толпе. Аквалангист соскочил с рикши и как сумасшедший пробежал через Берлинский дом, Московский дом и Лондонский. В Римском доме, где посетители швыряли pizzas

помещенным за оградой существам, Вайолет увидела раздетого римлянина, который лежал без сознания в углу клетки. Рядом с ним валялась шкура аллигатора. Вайолет быстро огляделась и успела заметить удиравшего Бауэра в полосатом костюме.

Она бросилась за ним. Бауэр столкнул какого-то мальчугана со спины пони на электрической карусели, сам вскочил на место мальчика и галопом помчался на запад. Вайолет вспрыгнула на спину проходившей мимо ламы.

— Догони это пони! — крикнула она.

Лама побежала, жалобно мыча:

— Чиао хси-фу нан цо мей ми чу (мне этого еще никогда не удавалось).

На конечной станции Гудзон Бауэр спрыгнул с пони, закупорился в капсулу и перемахнул через реку. Вайолет влетела в восьмивесельную лодку и пристроилась на сиденье рулевого.

— Следовать за этой капсулой! — крикнула она. На джерсейском берегу (Невада Ист) Вайолет продолжала преследовать Бауэра на движущейся мостовой, а затем на каре фирмы «Улепетывай» к старому Ньюарку, где Бауэр вскочил на трамполин и катапультировался в первый вагон монорельсовой дороги Блокайленд-Нантакет.

Вайолет подождала, пока монорельс тронется в путь, и в последнюю секунду успела вскочить в задний вагон.

Оказавшись в вагоне, она направила острие гарпуна в сторону находившейся там же расфуфыренной девчонки и заставила ее обменяться с ней одеждой. В бальных туфельках, черных ажурных чулках, клетчатой юбке и шелковой блузке, Вайолет вышвырнула разлютовавшуюся дамочку из вагона на остановке Ист Вайн-стрит и уже более открыто принялась наблюдать за передним вагоном. На Монтауке — крайний восточный пункт Каталина Ист — Бауэр выскользнул из вагона.

Вайолет снова подождала, пока двинется монорельс, и лишь тогда продолжила погоню. На нижней платформе Бауэр забрался в жерло коммутированной пушки и взлетел в пространство. Вайолет бросилась вслед за ним к той же пушке и осторожно, чтобы не изменить наводку, установленную Бауэром, скользнула в пушечное жерло. Она взлетела в воздух всего на полминуты позже Бауэра и брякнулась на посадочную площадку в тот момент, когда Сэм спускался по веревочной лестнице.

— Вы?! — воскликнул он.

— Да, я.

— А в черном скафандре тоже были вы?

— Опять же я.

— И думал, что отделался от вас в Ньюарке.

— Нет, этот номер не прошел, — угрюмо сказала она. — Я вас приперла к стенке, Кид.

И в эту секунду Вайолет увидела дом.

Он был похож на те дома, которые в двадцатом веке рисовали дети: два этажа, остроконечная крыша, крытая рваным толем, стены из грязных коричневых дранок, державшихся на честном слове, двойные рамы с крестообразным переплетом, кирпичная труба, увитая плющом; шаткое крылечко. Справа проржавевшие руины рассчитанного на две автомашины гаража; слева заросли чахлых сорняков. В вечернем сумраке казалось, что в этом доме наверняка должны водиться привидения.

— Ох, Сэм! — охнула Вайолет. — Как здесь красиво!

— Это дом, — сказал он просто.

— А внутри?

— Зайдите и поглядите.

Внутри дом был словно склад, заставленный товарами, заказанными по почте; все здесь было бросовое — дешевое, второсортное, подержанное,

уцененное, купленное на распродаже.

— Здесь как в раю, — сказала Вайолет. Она нежно прильнула к пылесосу типа канистры с виниловым амортизатором. — Здесь так покойно, уютно. Я уже много лет не была так счастлива.

— Постойте, постойте, — сказал Бауэр, которого распирало от гордости.

Встав на колени перед камином, он разжег березовые дрова. Охваченные желтым и красноватым пламенем, поленья весело потрескивали.

— Смотри, — сказал он. — Дрова настоящие, и огонь настоящий. А еще я знаю музей, где есть пара железных подставок для дров в камине.

— Правда? Честное слово?

Он кивнул.

— Музей Пибоди в Высшем Йельском.

Вайолет наконец решилась.

— Сэм, я помогу вам.

Он удивленно на нее взглянул.

— Я помогу вам их украсть, — сказала Вайолет. — Я… я помогу вам украсть все, что вы захотите, Сэм.

— Вы шутите, Вайолет?

— Я была дурой. Я не понимала. Я… Вы были правы, Сэм. Я вела себя, как последняя идиотка.

— Вайолет, вы серьезно это говорите, или хоти-

те меня во что-то втравить?

— Я говорю серьезно, Сэм. Честное слово.

— Вам так понравился мой дом?

— Конечно, мне понравился ваш дом, но причина не только в этом.

— Значит, мы действуем вместе?

— Да, Сэм, теперь мы вместе.

— Дайте руку.

Вместо этого она обняла его за шею и крепко к нему прижалась. Бог весть, сколько минут просидели они на раскладном кресле из пенопласта… затем Вайолет тихо шепнула ему на ухо:

— Мы с тобой — против всех остальных, Сэм.

— И пусть они поберегутся: им придется несладко.

— Да, пусть они поберегутся, и они и эти бабы по имени Джейн.

— Вайолет, клянусь, ни к одной из них я не относился серьезно. Если бы ты их видела…

— Я видела их.

— Видела? Где? Каким образом?

— Я тебе как-нибудь расскажу.

— Но…

— Ну перестань!

После длительной паузы он сказал:

— Если мы не врежем замок в дверь спальни,

может случиться неприятность.

— К черту замок! — сказала Вайолет.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН! — раздался резкий оглушительный голос.

Сэм и Вайолет вскочили с кресла. В окно ворвался ослепительный сине-белый свет. Слышался ропот толпы, уже готовой приступить к суду Линча, гремела галопирующим крещендо увертюра к «Вильгельму Теллю», раздавались звуки, напоминающие о кентуккийском дерби, локомотивах 4–6–4, о таранах и о внезапных налетах индейцев племени саскачеван.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН! — вновь раздался резкий оглушительный голос.

Они подбежали к окну и осторожно выглянули. Дом был окружен слепящими прожекторами. В толпе смутно можно было различить повстанцев Жакерии с гильотиной, теле— и кинокамеры, большой симфонический оркестр, целую роту звукооператоров в наушниках, режиссера со шпорами и мегафоном, инспектора Робинсона с микрофоном, а вокруг на парусиновых шезлонгах сидело с полтора десятка загримированных мужчин и женщин.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. С ВАМИ ГОВОРИТ ИНСПЕКТОР РОБИНСОН. ВЫ ОКРУЖЕНЫ, МЫ…

ЧТО? АХ, ВРЕМЯ ДЛЯ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ? ХОРОШО, ВАЛЯЙТЕ.

Бауэр свирепо посмотрел на Вайолет.

— Значит, ты обманула меня?

— Нет, Сэм, клянусь.

— Тогда как здесь очутились все эти люди?

— Не знаю.

— Это ты их привела.

— Нет, нет, Сэм, нет! Я… может быть, я оказалась не такой умелой, как предполагала. Может быть, пока я гналась за тобой, они следили за мной. Но, клянусь тебе, я их не видела.

— Врешь.

— Нет, Сэм.

Она заплакала.

— Ты меня продала.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН, ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОДИТЕ ОДРИ ХЭПБЕРН.

— Кого? — ошеломленно спросил Бауэр.

— Эт-то ме-еня, — всхлипнула Вайолет. — Я взяла себе другое имя, так же как ты. Одри Хэпберн и Вайолет Дуган одно и то же лицо. Они думают, что ты меня удерживаешь как заложницу, но я тебя не выдавала, С-Сэм. Я не шпионка.

— Ты говоришь мне правду?

— Чистую правду.

— ВНИМАНИЕ, ЛУИ ЖУРДЕН. НАМ ОТЛИЧНО ИЗВЕСТНО, ЧТО ТЫ ИСКУСНИК КИД. ВЫХОДИ, ПОДНЯВ РУКИ ВВЕРХ. ОСВОБОДИ ОДРИ ХЭПБЕРН И ВЫХОДИ ИЗ ДОМА, ПОДНЯВ РУКИ ВВЕРХ.

Бауэр распахнул окно.

— Войди и арестуй меня, дурила! — гаркнул он.

— ПОГОДИ, ПОКА МЫ НЕ ПОДКЛЮЧИМСЯ К СЕТИ, УМНИК.

Десять секунд, в течение которых производилось подключение, прошли в полном молчании. Затем прогремели выстрелы. Удлиненные грибовидные дымки вспыхнули там, куда ударили пули. Вайолет взвизгнула. Бауэр захлопнул окно.

— Эффективность всех боеприпасов у них снижена до самой крайней степени, — заметил он. — Боятся повредить мои сокровища. Может, мы еще и выкарабкаемся отсюда, Вайолет.

— Нет, не надо. Миленький, прошу тебя, не надо с ними сражаться.

— Сражаться я не могу. Чем бы я стал с ними сражаться?

Выстрелы теперь гремели не смолкая. Со стены упала картина.

— Сэм, да послушай ты меня, — взмолилась

Вайолет. — Сдайся. Я знаю, что за кражу со взломом дают девяносто дней, но я буду ждать тебя.

Одно из окон разлетелось вдребезги.

— Ты будешь ждать меня, Вайолет?

— Буду. Клянусь.

Загорелась занавеска.

— Так ведь девяносто дней! Целых три месяца.

— Мы переждем их и начнем новую жизнь.

Внизу, на улице, инспектор Робинсон внезапно застонал и схватился за плечо.

— Ну ладно, — сказал Бауэр. — Я сдамся… Но взгляни на них, на этот дурацкий спектакль, где перемешаны и «Гангстерские битвы», и «Неприкасаемые», и «Громовые двадцатые годы». Пусть я лучше пропаду, если оставлю им хоть что-нибудь из того, что я выкрал. Погоди-ка…

— Что ты хочешь сделать?

Тем временем на улице «Пробивной отряд» принялся кашлять, будто наглотался слезоточивого газа.

— Взорву все к чертям, — ответил Бауэр, роясь в банке с сахаром.

— Взорвешь? Но как?

— Я раздобыл немного динамита у Гручо, Чико, Харпо и Маркса, когда шарил по их коллекциям разрыхляющих землю инструментов. Мотыги я

не раздобыл, а вот это достал.

Он поднял вверх небольшую красную палочку с часовым механизмом на головке. На палочке была надпись TNT.

На улице Эд (Бегли) судорожно схватился за сердце, мужественно улыбнулся и рухнул на тротуар.

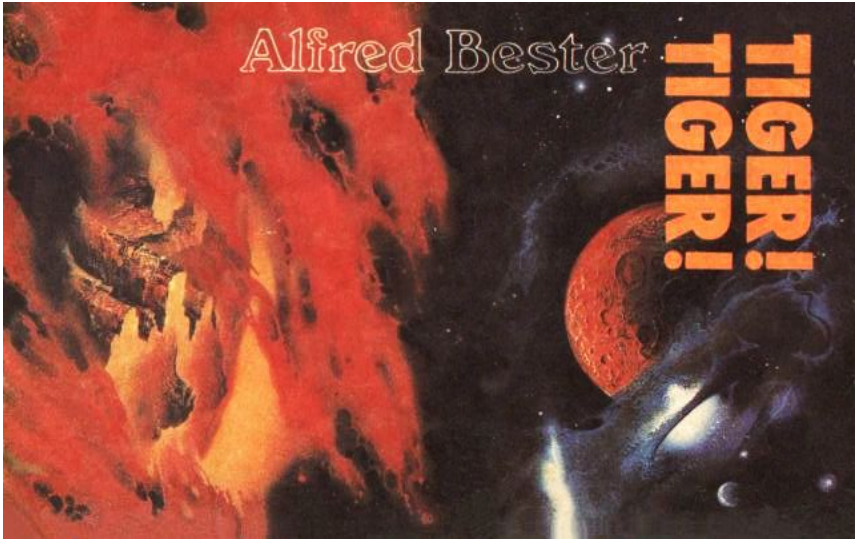
— Я не знаю, когда будет взрыв и сколько у нас времени, — сказал Бауэр. — Поэтому, как только я брошу палочку, беги со всех ног. Ты готова?

— Д-да, — ответила она дрожащим голосом.

Он схватил динамитную палочку, которая тут же начала зловеще тикать, и швырнул TNT на серо-зеленую софу.

— Беги!

Подняв руки, они бросились через парадное в слепящий свет прожекторов.


Alfred Bester
TIGER! TIGER!